Анатолий
КИБЕЧ

ЭТНОПЕДАГОГИКА
РОССИИ XIX ВЕКА

А. И. Кибеч

**ЭТНОПЕДАГОГИКА
РОССИИ XIX ВЕКА**

*(В связи с проблемой патриотизма
в современной России)*

Чебоксары – 2009

УДК 37.0
ББК 74.6
К 38

Кибеч А. И.
К 38 Этнопедагогика России XIX века. – Чебоксары.
2009. – 200 с.

90-ые годы прошлого века показали, что реформаторский курс государственной машины буксует прежде всего из-за неумения использовать творческую энергию народа, отсутствия взаимопонимания между властью и народом. Нашими предками накоплен колоссальный опыт жизнеустройства, воспитания подрастающего поколения в патриотическом духе. В этом опыте, являющемся основой этнопедагогики, немало ценного и для воспитания современного патриота России.

Лицензия ЛР № 066552
от 12.05.1999 г.

ВВЕДЕНИЕ

Взяв в руки эту книгу, читатель, скорее всего, сразу задумается над ее названием и невольно задастся вопросом: неужели для нас сегодня так важны дела давно минувших дней, ведь живем в XXI веке. Такое сомнение вполне правомерно, если считаться только с фактором времени и теми изменениями в сфере материальной культуры, какими мы располагаем сегодня. Однако в книге речь пойдет об идеях, выстраданных, высказанных нашими светлыми умами, истинными патриотами России в исключительно трудные времена, когда страна все еще продолжала оставаться в позорном крепостническом режиме. А, как известно, накопленная мысль имеет свойство жить долго и быть полезной в любое время.

XIX век в истории России занимает особое положение. Это век выдающихся научных открытий, расцвета литературы и искусства, произведения которых для нас до сих пор остаются недостижимыми образцами. Весьма плодотворно развивается философская и педагогическая мысль. XIX век оставил нам педагогику, стоящую на мировом уровне. Тогда педагогическая наука США делала лишь первые шаги, и Д. Дьюи, и Э. Торндайк были лишь "младенцами". А мы имели и К. Д. Ушинского, и Л. Н. Толстого, и их верных последователей.

Характерной чертой общественной мысли прошлого, начиная еще с XVIII века, было стремление к познанию жизни народа, раскрытию его духовных сил. Для этого во всех направлениях общественной мысли широко использовалось понятие "народность", которая до сих пор остается основной категорией научного осмысления жизни народов России, создания образа народа в литературе и искусстве.

В педагогике народность становится главной идеей, стержневой линией демократизации народного просвещения, поворота научной мысли и школы в сторону самой России. "Чтоб повести народное образование

прямым и верным путем, надобно смотреть не на то, что нужно для Германии, Франции, Англии и т. д., или что там делалось и делается, а на то, что нужно России в ее современном состоянии, что согласно с ходом ее истории, с духом и потребностями ее народа, не одного круга ученых, не одного сословия, не одной литературной или какой-нибудь другой партии, а всего народа, от мала до велика"¹. (Подч. мною - А.К.). Ну кто скажет, что мысль отца русской педагогики устарела? Нет! Она свежа и даже очень необходима в создании своей российской системы образования.

Не секрет, политический и экономический кризис, который пришлось испытать России, сильно затронул и учреждения образования. Школа оказалась в растерянности. Ослабла ее материальная база, из школы уходили лучшие учителя. Пошатнулся воспитательный процесс. Идеалы советского периода, в том числе воспитание юного ленинца, будущего строителя коммунизма, вошли в противоречие с демократическим курсом развития общества. Воспитательный идеал нового времени еще не выработался. Вопрос кого и как воспитывать оставался открытым. Ясность была внесена лишь в самом начале XXI века, с принятием государственной программы "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы".

Возникает вопрос: почему такая программа появилась лишь тогда, не упущены ли наши воспитательные возможности? Нет. Программа принята именно тогда, когда появились реальные возможности для усиления материально-технической базы школы, появилось новое поколение учителей, свободных от коммунистической идеологии. Теперь прежней скованности, растерянности в педагогических коллективах нет, учитель стал более свободным в творческом применении своих знаний. Очень верно поступают наши новые, энергичные руководители государства, когда принимают взвешенные решения с учетом исполнительских возможностей.

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 268-269.

Для освежения памяти стоит вспомнить, как совсем недавно Россия и россияне выдержали историческое испытание на прочность. Ведь была даже угроза распада России. Именно в то трудное время проявились лучшие черты народности. Не угасла и любовь к Родине. Она для народа на все времена одна. Здесь наши исторические корни. Тут, пожалуй, лучше К. Д. Ушинского и не скажешь: "Наше *отечество*, наша *родина* – *матушка* Россия. *Отечеством* мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. *Родиной* мы зовем ее потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком и все в ней для нас родное; а *матерью* – потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку, как мать, защищает и бережет нас от всяких врагов, и, когда мы уснем навеки, то она же прикроет и кости наши.

Много есть на свете, и кроме России, всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать – одна у него и родина".¹

Надо признать и другое. В структуре СССР Россия на себя работала гораздо меньше, чем на другие республики. Средства направлялись в экономически слабые республики. Скажем, промышленный потенциал нынешних прибалтийских государств создан именно в советское время. Помощь была оказана и людскими ресурсами, путем направления туда самых высококвалифицированных специалистов. Таковую политику вела КПСС, чтобы удержать другие республики, ослабить скрытое напряжение, возникающее в их отношениях с Москвой. Россия удалялась от своих традиций, ее вынуждали отказаться от своих славных сыновей и дочерей. Возвращение России к самой себе началось лишь сейчас. И это очень важный исторический процесс, затрагивающий все направления жизни нашего общества. Теперь стало возможным принятие более действенных мер и по патриотическому воспитанию россиян. Президент РФ Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию осенью 2008 года особо выделил именно эту проблему: "Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную

¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 4, М.-Л., 1948, с. 176-177.

историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда - вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре". В Послании также говорится о важности семейных традиций, любви и верности к близким, заботы о детях и пожилых людях. Поддержка национальных традиций и культур народов России Президентом названа важным фактором, способным "серьезно упрочить нашу Федерацию".

Приведенный здесь фрагмент Послания целиком пронизан народностью, верой в духовные силы россиян. Родная культура, родной край, семейные отношения, народные традиции - все это весьма созвучно с теми идеями, которые будут рассмотрены в нашем дальнейшем изложении, с точки зрения преемственности в воспитании, использования педагогического опыта народа, изучаемого **этнопедагогикой**.

Появление данной книги продиктовано сложившейся ситуацией в мире. Существует еще слабо изученный закон: чем сильнее становится объект, - будь это человек, народ, государство, - тем сильнее начинает действовать скрытое, иногда открытое противостояние. Такое происходит и с современной Россией. По мере укрепления государственности начинают неуютно чувствовать себя криминальные, экстремистские элементы. Противоречия, обретая внутренний, психический характер, переходят в ненависть. По мере усиления борьбы с коррупцией, объявленной Президентом, то же самое может произойти с той частью чиновничества, которая научилась ловко набивать карманы, пользуясь своим служебным положением. Скрытого противостояния, подогретого страхом, не избежать. Такой же канон наблюдается и в международных отношениях. Сильная Россия у одних порождает зависть, у других - боязнь. При слиянии этих состояний неожиданный, порою и коварный подвох уже обеспечен, особенно со стороны маломощных государств, имеющих еще и право голоса в международных организациях. То, что США в лице России видит достойного конкурента, понятно. Но поведение Грузии или Эстонии имеет мотивацию иную, которую можно выражать как желание хотя бы как-то ущипнуть «слона».

Не следует торопиться и со вступлением в ВТО. Российская натура такова, что не очень-то любит навязывания извне. Надо думать о своем внутреннем рынке. Он еще слаб, недостаточно насыщен своим товаром. Нам выгодно вступление в ВТО в окрепшем состоянии, чтобы по целому ряду направлений можно было занять главенствующее положение в мире. Тогда и глобализация не страшна. Впрочем, экономические рычаги давления обнаружить не трудно. Но есть более изощренная, скрытая форма давления - глобализация в сфере культуры. Она уже началась и идет по многим направлениям. Найдены довольно эффективные формы проникновения в душу человека - через чувства и мысли, передаваемые средствами искусства, особенно с помощью кино и телевидения. Идет вытеснение отечественных культурных ценностей, разрушение наших нравственных и эстетических идеалов, навязывание зарубежных. Показ жизни как только криминализованную среду обитания или как шоу стала нормой чувства, телегипноз уводит нашу молодежь от жизненных реалий. Притупляя благородные чувства, сладкая или горькая телепилюля подсовывается преднамеренно с целью расшатывания наших моральных устоев. Психика людей перестает адекватно реагировать даже на сцены кровопролития, убийства человека.

Есть два выхода. Первый - государственное и общественное регулирование работы телевидения, кино, распространения в народе аудио- видеопродукции с точки зрения защиты моральных устоев общества. Второй - усиление воспитательной работы с опорой на свою высоконравственную отечественную культуру, на традиции народов России. Именно на это указал Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию.

У нас есть надежное государственное учреждение - школа, через которую проходят все дети. Школа сильна тем, что она имеет богатейший опыт, накопленный веками, свои традиции, "положительный консерватизм". Школа создана не легкомысленными шоуменами из телевидения, а светлыми умами с целью воспитания новых поколений, горячо любящих свой народ, свою культуру, свою Родину. Обращение к этнопедагогическим

идеям прошлого связано с нашим горячим желанием содействовать оздоровлению исторической памяти, духовному возвращению России к самой себе, укреплению **народно-национальной основы российского патриотизма.**

И последнее. Работ по этнопедагогике опубликовано немало. Особенно популярной стала эта тема в национальных республиках. Это благородное дело хорошо вписывается и в программу патриотического воспитания. Создается положительный образ народа-труженика, главного защитника Родины, передающего свой патриотический дух последующим поколениям традиционными средствами воспитания. Именно этот момент сильно сближает этнопедагогику XIX века с государственной программой патриотического воспитания граждан России.

К сожалению, следует признать, что богатейший арсенал этнопедагогических идей прошлого сегодня используется крайне недостаточно. Многие авторы в своих исследованиях ограничиваются лишь несколькими цитатами К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого и еще одного-двух педагогов, и все. Без внимания остаются даже специальные работы, посвященные исследованию народной педагогики. Нарушается принцип историзма. Из-за незнания прошлого давно известные идеи, суждения, истины выдаются за новшество, иногда даже - за свои. На самом деле работы таких авторов носят лишь вторичный характер.

Памятуя о том, что в науке prevыше всего объективный, беспристрастный подход как к достижениям прошлого, так и к современным исследованиям, автор данной работы задался целью внести определенную ясность в "историческую этнопедагогику" с твердой уверенностью в том, что идеи, теоретические положения прошлого помогут быстрее преодолеть описательную, фактографическую стадию развития этого направления педагогической науки, положительно скажутся в разработке теоретических основ современной этнопедагогики.

Глава I. БОРЬБА ЗА НАРОДНОСТЬ В ВОСПИТАНИИ

Одной из ярчайших сторон духовной жизни человечества является борьба за ту или иную идею. Особенно она важна для активно мыслящей части общества. Лучшие умы за идею шли на виселицу, на костер, не говоря уже о более распространенном наказании - тюрьме. Там идея начинает выполнять вполне конкретную роль, становится подпитывающей силой, опорой в жизни уединенному человеку, особенно в смысле поддержания его мыслительной активности.

Идею образно можно сравнивать с плодовым деревом, произрастающим из маленького семени. Зародившись на стыке жизненной практики и мыслительной активности человека в виде росточка, идея начинает обретать свою самостоятельность, свою жизнь. Понятно, в зависимости от своих убеждений, мировоззрения человек может и не принять ту или иную идею. Но это вовсе не означает, что она только витает в воздухе, не находя для себя прибежища. Общество неоднородно, защитники той или иной идеи обязательно найдутся. Да и сама идея не стоит на месте, постоянно развивается, склоняя на свою сторону все новых и новых ценителей, становится руководством к действию для более широкого круга людей. Как мысль, изложенная в предельно сжатой форме, идея постоянно направляет, подталкивает умственные силы человека, может дорасти до программной установки, до ведущего принципа творческой деятельности. Такая идея тем и хороша и привлекательна, что в ней присутствует устремленность в будущее, ожидание чего-то нового, чего не было раньше. Идея, став ведущей в той или иной отрасли знания, разрозненным понятиям дает стройность, объединяет их в систему, усиливая свой вход в практику. Вот почему новая идея одних радует, других пугает, вот почему ее утверждение происходит в острой

борьбе, через преодоление препятствий со стороны старого, консервативного, реакционного. Именно так пробивала себе дорогу в общественно-педагогической мысли России 18-19 в.в. **идея народности в воспитании** подрастающего поколения.

Основу любого общества составляет народ. Его усилиями, его трудом создаются все необходимые для жизни материальные ценности. Народ-труженик одновременно является и народом-мыслителем, т. е. и создателем духовных ценностей, основателем культуры. Народ и культура - понятия неразделимые.

К такой справедливой оценке роли народных масс в создании культуры общественная мысль пришла долгим и трудным путем. В учениях об обществе, о роли трудящихся в истории продолжительное время господствовала иная точка зрения. Движущими силами общества признавались лишь идеи и взгляды выдающихся личностей. Народ считался лишь пассивной толпой, лишенной "жизни мыслей и чувств" (Н. Г. Чернышевский). Тем не менее в общественной мысли России всегда имели место прогрессивные течения, направленные на демократизацию жизни общества, в том числе и народного образования. Объединяющей, направляющей силой здесь выступала идея народности в воспитании. Она склоняла на свою сторону многих видных деятелей русской культуры, особенно тех, кто по-настоящему любил свое Отечество, свой народ, кто страстно желал видеть подрастающее поколение воспитанным в русском духе.

Одним из тех, кто стоял во главе этого патриотического движения, был **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711-1765). Ученый-естествоиспытатель мирового значения, замечательный поэт, поборник русского просвещения М. В. Ломоносов непрестанно думал о славе народа, считал первейшим долгом трудиться на "народную пользу". Сын крестьянина-помора, выросший под непосредственным влиянием трудовой семьи и народных традиций воспитания, стал истинным сыном Отечества, вдохновлявшим многие поколения людей на служение родному народу.

Историю русской культуры Ломоносов мыслил "как единый процесс, в котором новое питается старым; отчетливо ощущая преемственность культуры нового времени, ее связь с национальными языковыми и поэтическими традициями древней Руси".¹

К языку народа он подходил как к важнейшему элементу национальной культуры, как к источнику для изучения особенностей народной жизни.

Ломоносов возглавил борьбу за внедрение в отечественную культуру "русского народного языка", считал, что язык народа должен стать основой литературы, главным средством обучения и воспитания юношества. По его мнению, для молодежи великим сокровищем являются славянские книги, из которых она может познать великолепие, красоту и изобилие русского языка. И вообще, "учение о красоте русского языка в стихотворной и нестихотворной речи"² у Ломоносова составляет одно из главных требований к преподаванию словесности.

Выдающийся просветитель подчеркивал, что русский язык сочетает в себе великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, краткость греческого языков. По его мнению, красота, великолепие, сила, богатство "российского языка" видны еще в книгах, написанных в прошлые века, когда наши предки, может быть, меньше думали о правилах сочинения, тем не менее сумели находить нужные слова. Не случайно в поэтическом наследии Ломоносова обнаруживаются следы глубокого познания древнерусской литературы и народного языка. В своих замечательных книгах "Краткое руководство к риторике (1748) и **"Российская грамматика"** (1755) он использовал примеры из живой разговорной речи простого народа: "Доброе начало есть половина всего дела", "Мед с желчию вкусом разнится", "Приятный голос соловья рождает зависть в певцах" и т. д.

¹ Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века. М., 1983. с. 93-94.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. IX, М.-Л., 1955, с. 489.

Идеи Ломоносова о широком использовании родного языка в воспитании юношества были горячо подхвачены прогрессивными профессорами Московского университета **Николаем Никитичем Поповским** (ок. 1730-1760), **Антоном Александровичем Барсовым** (1730-1791). Их суждения о роли родного языка сводились к следующему: язык есть изобретение самих людей, владение родным языком обогащает натуру человека, острит разум, способствует более быстрому овладению науками и другими языками. Н. Н. Поповский говорил также о том, что в воспитании детей важное значение имеют **пример родителей, семейные обычаи**, особенности данной местности. Все это должно быть учтено при перенесении в Россию методов обучения и воспитания, получивших распространение в других странах. К достижениям зарубежной педагогики следует подходить творчески. Поповский был страстным пропагандистом "Российской грамматики" Ломоносова, эффективность преподавания на родном языке доказывал на примере своей многолетней педагогической практики.

Ломоносовская тенденция была выдержана и в книге А. А. Барсова "Краткие правила Российской грамматики" (1771), выдержавшей в свое время десять изданий.

К числу значительных явлений, способствовавших утверждению идеи народности в русской педагогике, можно отнести работу **Николая Гавриловича Курганова** (1725-1795) "Книга письмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями различных учебных и полезнозабавных вещесловий" (1777).

Многие исследователи "Письмовник" Курганова называют "народной энциклопедией". Для такой высокой оценки есть все основания. В книге широко представлено устное поэтическое творчество народа: сказки, песни, притчи, загадки, пословицы, поговорки. Достаточно сказать, что в книге одних пословиц и поговорок около тысячи. Поражает смелость автора, отобравшего для "Письмовника" шедевры народной мудрости, несущие большую смысловую нагрузку: "У царя руки долги", "Близ царя - близ чести, близ царя - близ смерти", "Худо овцам, где волк воевода", "Где сила владеет, тут закон уступает",

"Гром не грянет - мужик не перекрестится", "Богу молись, а сам не плошись", "Молебен пет, а польги (пользы) нет", "Из одного дерева икона и лопата", "Аминем беса не отбить", "Сыт пономарь - и попу подает", "Воля птичке лучше золотой клетки", "Правда светлее солнца".

Есть пословицы и поговорки, направленные на разоблачение низких нравов людей, преимущественно из имущих сословий: "Из чужого мешка платить легко", "Белые руки чужие труды любят", "Легко чужими руками жар загребать", "Сытый голодного не разумеет", "Ложкой кормит, а стеблем глаз колет", "Мягко стелют, да жестко спать" и т. д.

Замечательный педагог включил в свою книгу немало пословиц и поговорок, непосредственно адресованных воспитанию детей. "Письмовник" является первой учебной книгой, где так широко представлены **воспитательные идеи народа**. Дети должны знать, что к жизни надо готовиться самым тщательным образом: "Век пережить - не поле перейти". Жизнь сложна, многие задачи приходится решать самому: "Чужим умом не долго жить". Для этого надо учиться. Как гласит народная мудрость: "Ученье человеку - свет, неученье - тьма", "Ученье - лучшее богатство".

Вполне определенные требования предъявлялись и к родителям: "Жил - не крестьянин, а умер - не родитель", "Один сын - не сын, два сына - пол сына, три сына - сын", "У семи нянек всегда дети без глазу", "О ком хвалился - от того и повалился".

Целью воспитания народ всегда считал подготовку молодежи к самостоятельной жизни. Главным условием, безусловно, была выработка трудолюбия. И вообще, вне труда не могло быть никакого воспитания. "Не спеши языком, а не ленись делом", "Лучше хромать, нежели сиднем быть", "Ленивому всегда праздник", "Велик телом, да мал делом", "Всякое дело мастера боится", "Мастерство за плечами не носят, а с ним добро", "Начинаючи дело, о конце размышляй", "Конец дело венчает".

Не остались без внимания и идеи нравственного воспитания: "Друга прилежно ищи, а нашед (нашедши) - береги", "Друг другу - терем ставит, а недруг - гроб ладит",

"Друг познается при рате, да при беде", "Где был - у друга, что пил - воду, лучше неприятельского меду", "Где любят - тут не учащай, а где не любят - тут не ногою", "Чего сам не любишь и людям не желай", "Которой рекой плыть, той и славой слыть", "Одна паршивая овца все стадо портит", "Кто нужды не видал, тот щастия (счастья) не знает", "Бедностью учимся, а щастием портимся", "Нищета не отнимает ни ума, ни чести", "Не хвались отцом, хвались молодцом", "Не хвались родителями, хвались добродетельми", "Равные обычаи - крепкая любовь", "Привычка - другая природа".

В "Письмовнике" Курганова хорошо представлена и народная эстетика. В пословицах, поговорках, песнях немало суждений о красоте, об искусстве, о досуге молодежи и т. д. Какие же воспитательные возможности таит в себе весь этот материал?

Во-первых, это знакомство с некоторыми понятиями народной эстетики, прежде всего со словом **красный**, имеющим универсальное значение. "Не красна изба углами - красна пирогами", "Красно поле пшеницею, а беседа смирением", "Красна речь слушаньем", "Один говорит красно, а два пестро", "Долг платежом красен", "Красна дорога ездоками", "И пчелка летит на красный цветок", "Красная нужда - дворянская служба", "Время человека красит", "На людях и смерть красна". Метко сказано о соблюдении в жизни человека **меры и лада**: "Мера всему делу вера", "Не с верою, а с мерою", "На что клад, коли в семье лад".

В суждениях о красоте сельской девушки не трудно узреть вполне определенные черты народного **эстетического идеала**:

Собрались красны девки за околицу гулять,
Чтоб когда погонят стадо, овец с поля пригонять.
Дождаясь разыгрались на зеленом на лугу;
Одна девушка румяна расплясалася в кругу.
Всех собой была пригоже и всех личиком белей,
Становитей, миловидней, выше всех и веселей.
Непритворну красоту, люблю милу простоту.

Есть также сведения об эстетической насыщенности досуга сельской молодежи:

Собрались красны девки вечериночку сидеть,
Меж собой иметь издевки, молодцов там поглядеть,
Как сошлись они все вместе, тут совет стали держать,
Чтоб им песни петь довольно и немало бы плясать.
Там одна из них резвее песни стала начинать;
Всем за то была милее, просит, к ней чтоб приставать,
Мы за тем сюда собрались, чтоб веселым здесь нам быть,
Отогнавши всю прочь скуку, забавляясь проводить.

Непритворная, естественная красота в народе всегда имеет нравственную основу, во многом зависит от внутренних переживаний: "Что в сердце варится, то в лице не утаится".

Таким образом, Н. Г. Курганов на суд учителей представил богатейший материал, раскрывающий многие привлекательные грани педагогической культуры русского народа. Этим и помог укреплению позиций идеи народности в воспитании.

Народность видное место занимает и в творческом наследии видного просветителя, писателя-сатирика **Николая Ивановича Новикова** (1744-1818). Как человек твердых демократических убеждений, он большие надежды возлагал на образование и воспитание, причины социального неравенства людей видел в отсутствии надлежащего воспитания. По его мнению, "процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания"¹.

В своих книгах и издаваемых им журналах Новиков страстно выступал против **слепого подражания иноземному просвещению**, высмеивал грубые пороки людей высшего круга, получивших так называемое "хорошее воспитание". Он неустанно подчеркивал, что детей нужно доверять не иностранцам, а людям, вышедшим из собственной нации. Новиков относится к числу тех деятелей русской

¹ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954, с. 418.

культуры, которые свой первейший патриотический долг видели в формировании новых граждан России, готовых беззаветно отдать свои силы и способности служению Отчизне, т. е. в воспитание юных патриотов. По мнению Новикова, высокое чувство патриотизма дети должны **"всасывать" в себя с молоком матери**. Человек, любящий свое отечество, непременно должен знать и уважать язык своего народа. Он критикует тех, кто, живя в России, пренебрежительно относится к русской культуре, к народу. "Не позволяйте детям плохо говорить о народе, - советовал он. - Люди, которых часто называют "подлым народом", гораздо более имеют заслуг и суть гораздо важнейшие и полезнейшие члены общества, а поэтому и более заслуживают чести и уважения"¹ (Подч. мною - А. К.).

Велика заслуга Н. И. Новикова и в том, что он впервые в русской педагогической литературе четко сформулировал необходимость, важность эстетического воспитания детей и молодежи. Этой проблеме он посвятил специальную работу "Об эстетическом воспитании" (1784).

В эстетических взглядах Новикова ощущается стремление расширить горизонты эстетического, дополнив его наблюдениями из жизни. Такой подход сказался и в выборе средств эстетического воспитания детей, помимо искусства он считал нужным использовать природу, знания, образ жизни, нравы нации и т. д. Просветитель-патриот говорил, что знание нравов, обычаев и образов древних чужеземных народов - это неплохо, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях, об их обрядах, в которых хорошо просматривается "великость духа", украшенная простотой. По Новикову, в эстетическом развитии детей деревня, по сравнению с городом, имеет ряд преимуществ. Деревья, птицы, животные, сады, поля, восход и закат солнца, работа в огороде, цветы, травы, ручьи, русская речь - все это также влияет на эстетическое развитие личности.

¹ Новиков Н. И. Избр. соч., М.-Л., 1954, с. 481.

Новиков был сторонником бессловного образования. В 1777 г. ему удается в Петербурге открыть народное училище, куда принимались и дети простых граждан. Его пример подхватили и другие. Аналогичные школы были открыты в Москве, Нижнем Новгороде, Воронеже, Владимире, Курске, Туле и т. д. Ведущее место в них занимало преподавание русского языка. Учебные планы предусматривали также изучение произведений русского фольклора. В качестве учебного пособия предлагался "Письмовник" Н. Г. Курганова.

Пример подавал и сам Новиков. Как писатель-сатирик, он очень умело пользовался широко распространенным в народе методом - **говорить намеками**. Для выражения сути некоторых острых социальных явлений и разоблачения нравственных пороков царицы Екатерины II и ее приближенных он обращается к меткости русских пословиц. "Чужую душу в рай, а сам ни ногою", "Вор - слезлив, плут - богомолен", "Где нет худых растений, там не растут и хорошие" и т. д. Талант сатирика своей вершины достигает в рассказах под названием "Пословицы российские" (1782). В качестве заголовка каждого из шестнадцати рассказов использованы пословицы: "Зиме и лету перемены нету", "Малого пожалеешь, да большого потеряешь", "Замок для дурака, а печать для умного", "Битому псу только плеть покажи", "Близ царя, близ смерти", "Седина в бороду, а бес в ребро", "Сиди у моря, жди погоды", "Вперед не забегай, назад не отставай", "Фортуна велика, да ума мало", "Век живи, век учись", "В Риме был, а папы не видел", "Сиди у моря тихого, жди погоды теплая", "Свое добро теряет, а чужого желает", "В полуию воду за рекой не ночуй", "Есть чего ждать, когда есть с кем жать", "Женские прихоти не исполнишь".

Каждый рассказ заряжен добротным воспитательным потенциалом. В этом признается и сам автор: "Есть чего ждать, когда есть с кем жать" известна стала всему свету, годна сделалася всему роду человеческому. **Родители воспитанием детей не скучают и с терпением ожидают их возраста**, дабы после ими утешаться... Пословица же сия, которой истинный смысл есть тот, что кто приготавливает

себе помощь во трудах и с терпением умеет плода дожидаться, снимает его, конечно, может нужным зерцалом служить для людей".¹

Так умело, мастерски раскрывается воспитательная функция народной мудрости. По сути дела "Пословицы российские" Н. И. Новикова и есть первое серьезное наблюдение над **русской народной педагогикой**.

Следует заметить, проблемой народности интересовались и другие силы. Так, чувствуя, что крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева заметно расшатала авторитет самодержавия, Екатерина II стала искать пути сближения с народом. В 1782 г. по ее инициативе издается книжка "Выбранные российские пословицы". Есть сведения, что ряд пословиц были подсказаны самой императрицей.

Просветительский опыт Екатерины II высмеивался в статьях и рассказах Новикова. Не случайно он постоянно преследовался. Царица в нем видела личного врага, как она полагала, подрывающего ее авторитет. Просветитель-патриот был арестован и посажен в тюрьму сроком на 15 лет. Освобожден был только после смерти Екатерины II. Все это говорит о том, что демократические устремления передовых людей жестоко подавлялись. А идея народности пробивала себе дорогу в острой борьбе. Тем не менее шаги ее становились весьма заметными. Этому способствовала и просветительская деятельность Н. И. Новикова.

Вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения начинают обретать все большее социально-политическое звучание в конце XVIII и начале XIX вв., когда передовые русские мыслители воспитание молодежи начинают рассматривать уже в рамках революционного движения. Родоначальником этого направления явился **Александр Николаевич Радищев** (1749-1802).

Круг педагогических проблем, затронутых Радищевым, весьма широк. Центральное место в его учении занимает воспитание "истинных сынов отечества", обла-

¹ Новиков Н. И. Избр. Педагогические сочинения. М., 1959, с. 88.

дающих высоким чувством патриотизма. В отличие от Н. И. Новикова и других мыслителей своего времени, Радищев формирование такого поколения связывает с активной политической деятельностью самой молодежи. У него настоящим патриотом может считаться только тот, кто готовит себя к борьбе с самодержавием в интересах угнетенного народа. Этой высокой цели должно быть подчинено все содержание школьного образования и воспитания. Он против подражания зарубежному опыту, выступает за создание русской системы воспитания, ратует за использование в этом деле родного языка, русской литературы, народных песен, сказок.

По мнению Радищева, в России существует два противоположных типа воспитания. Первый - это воспитание, утвердившееся в целях и интересах правящих кругов, второй - воспитание **народное**. Цель народного воспитания совершенно иная, а именно - сделать из ребенка **Человека**. "Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки"¹.

Достижению такой цели во многом способствуют народные обычаи и нравы. Правила общежития таковы, что каждое новое поколение испытывает на себе влияние этих обычаев и традиций. "Преследуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, - говорит Радищев, - мы приобретаем благородство тех, с кем живем"² Благородство это наблюдается и в образе мыслей сельских жителей, и в их чувствах, не знающих притворства, и, конечно, в делах. Восхищенный красотой и оптимизмом женщин села Едрово, автор в своей знаменитой книге "Путешествие из Петербурга в Москву (1790)" пишет: "Все они были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, заглубившие хотя от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечный; а от

¹ Радищев Н. А. Путешествие из Петербурга в Москву. М.-Л., 1961, с. 86

² Там же, с. 67.

него виден становился ряд зубов белее чистойшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитеесь у них, как их содержать в чистоте".¹

Радищев верит в духовные силы народа, высоко ценит его устное поэтическое творчество. По его мнению, народные песни сформировали у крестьян другие уши, нежели уши жителей Москвы и Петербурга, воспитанные преимущественно на зарубежной музыке. Русская песня дорога крестьянам именно тем, что они в ней находят "образование души нашего народа".²

Являясь продолжателем ломоносовских традиций, Радищев говорит о выразительности, красоте русского языка, в своем творчестве широко опирается на народную мудрость, смело использует пословицы, поговорки, причитания. Это значительно обогащает язык самого писателя, а мыслям придает еще большую ясность, сделав их доступными широкому кругу читателей. Вот некоторые из них: "Тише едешь, дальше будешь", "На всякого мудреца довольно простоты", "Полно молоть пустяки, возьмемса за дело", "Счастливый к обеду", "Голод - не свой брат", "Ребята мрут, мрут и взрослые", "Не тот один вор, кто крал, но и тот, кто принимал", "Не красна изба углами, но красна лишь пирогами", "Всяк пляшет, да не как скоморох".

А вот еще два рекрутских причитания, использованные Радищевым в своей известной книге. Первое исходит из уст пожилой женщины, второе - девушки-невесты.

"Любезное дитяtko, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши прорастут травою, мхом - наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое

¹ Радищев Н. А. Путешествие из Петербурга в Москву. М.-Л., 1961, с. 76.

² Там же, с. 6.

родительское благословление? Кто тело предаст общей нашей матери, сырой земле? Кто придет вспомнить меня над могилою? Не капнет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той".

"Прости, мой друг сердечный, прости, мое красное солнышко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милый друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение"¹.

Не будет преувеличением сказать, что с такими шедеврами народной мудрости трудно потягаться даже именитым писателям. Сколько чувств, переживаний, страданий, раздумий и даже скрытую ненависть к существующим порядкам сумели выразить простые люди на своем сочном родном языке! Если учесть, что такие причитания исполнялись публично, перед всеми односельчанами, включая и детей, то они никак не могли не затронуть душу ребенка, тем более, здесь воспитательное воздействие происходит при тесном сотрудничестве чувства и мысли. То, что пропускается через чувства, сохраняется надолго.

В философских и общественно-политических сочинениях Радищева четко наблюдается возвышенное отношение к простому народу, знание его нужд. "Народность Радищева заключалась не только в том, что он открыто выступил в защиту интересов народа, но и в том, что он увидел и показал величие и благородство народа, его непотребимую духовную силу, его героизм и самодверженность"².

Таким образом, к концу XVIII века в общественно-педагогической мысли России наметился заметный

¹ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.-Л., 1961, с. 135.

² Орлов Вл. Русские просветители 1790-1800 годов М., 1950, с. 13.

поворот в сторону традиционной культуры народа, усилилось внимание на его воспитательный опыт. Разумеется, всестороннего и глубокого изучения культурного наследия народа в этот период еще не могло быть. Наука к этому только приближалась. Ни фольклористика, ни педагогика еще не располагали достаточным материалом. Тем не менее смелые высказывания М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, особенно А. Н. Радищева не пропали даром. Они сыграли важную роль в формировании общественных взглядов, мировоззрения передовой русской молодежи начала XIX века и, в первую очередь, **декабристов**.

Если взглянуть на творческое наследие декабристов с точки зрения рассматриваемой нами проблемы, т. е. народности, можно обнаружить следующее. Отношение декабристов к народу и его культуре целиком исходит от их главной задачи - революционной борьбы против царского самодержавия и крепостничества. К достижению своей цели декабристы шли на основе широкой программы, предусматривающей и распространение грамоты среди простого народа, создание новой системы воспитания, пронизанной **патриотизмом, "русским духом"**. Обо всем этом конкретно было сказано в Уставе "Союза благоденствия" - тайного общества, созданного декабристами в 1818 году.

По мнению декабристов, при воспитании детей нужно "стремиться внушать им правила добродетели и веры; воспалить в них любовь к отечеству и ко всему истинно доброму и великому, снабдить их полезнейшими познаниями; словом, приготовить их к жизни добродетельных людей, усердных и полезных граждан. При воспитании должны они коль возможно, избегать чужестранного, дабы ни малейшее к чужому пристрастие не потемняло святого чувства любви к отечеству".¹ Устав призывал к организации такого воспитания, которое раскрывало бы всю нелепость слепого подражания чужеземному, выработало у молодежи потребность делами доказывать свою приверженность **ко всему отечественному**.

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов Т. I, М., 1951, с. 268.

Следует заметить, что общественно-политические взгляды декабристов формировались в период, когда происходили позитивные перемены во взглядах на историческую роль народа. Темный и бесправный народ в Отечественной войне 1812 г. показал себя **истинным патриотом**. Все это радовало передовых людей России и вселяло уверенность в творческие силы народа. Не случайно декабристы так смело высказывались о будущем России и русского народа. "Великие события, разбив наши оковы, - писал А. Д. Улыбышев (1794-1858), - вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасающую искру нашего народного гения".¹ В. К. Кюхельбекер (1797-1846) еще в 1924 году в альманахе "Мнемозина" восторженно писал: "Да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной!"². (Подч. мною - А. К.). Думы декабристов об отчизне и родном народе для своего времени были весьма смелыми. Особенно если иметь в виду, что это было такое время, когда "русские не смогли написать и произнести слово "отечество". Слово это раздражало приспешников царизма, порою даже наводило страх. В устах же лучших сынов России оно звучало как символ патриотизма.

Разумеется, проблемы воспитания затрагивали интересы довольно широкого круга людей, включая также идеологов просвещенного абсолютизма. Н. М. Карамзин (1766-1828), например, писал: "Мы знаем, что каждый должен расти в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, обычаям, характеру жителей, образу жизни и правления, мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским"³. Правда, непоследовательность автора "Истории государства Российского" ощущается и здесь. Защищая мысль о том, что народ любит своих царей, что покорность властям есть свойство

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I, М., 1951, с. 291.

² Там же, Т. 3, с. 426.

³ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 3, Спб., 1848, с. 607.

национального характера русского человека, Карамзин пытается включить в народность воспитания выработку привычки к существующему образу правления.

Декабристы же в этом вопросе занимали совершенно иную позицию. Не соглашаясь с утверждением Карамзина о том, что "история принадлежит царям", что история призвана учить народ покорности и терпению, декабристы отстаивали мысль, что **история принадлежит народам**. Наличие в правах русского народа элементов, не согласующихся с духом времени, по мнению декабристов, вовсе не зависит от характера самого народа; оно исходит от варварства, невежества и деспотизма, насаждаемых самодержавно-крепостническим строем. Несмотря на свое глубокое молчание, народ мыслит. Ум его ясен и трезв. "Сердце цвело во мне, - пишет декабрист П. Г. Каховский (1797-1826), - видя ум и простое убедительное красноречие доброго народа русского. О, как хорошо они понимают и обсуждают нужды свои! Не лепечут наши красноречивого вздору; но в рассуждениях ум русский ясен, гибок и тверд"¹. Отсюда "народность" в понимании декабристов - это обращение к **подлинной истории нации, к творчеству, культуре, языку родного народа**.

В своей педагогической теории и практике декабристы главное внимание обращали на нравственное совершенствование личности. В Уставе "Союза благоденствия" отмечается, что в нравственном воспитании весьма полезными могут быть занятия, направленные к познанию отечества и русской словесности. Как считали декабристы, **изгнание родного языка из общества** явилось бы большим тормозом в развитии новой словесности, отрицательно сказалось бы на формировании нравственного облика молодежи, ее патриотического чувства. Ибо язык таит в себе большие воспитательные возможности. Во-первых, он заключает в себе все то, что соединяет человека с обществом: самые малейшие его оттенки сильно говорят сердцу патриота и чужды рабу иноземного;

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I, М., 1951, с. 507.

во-вторых, язык сближает чувства людей, совокупляет понятия воедино, рождает благородное соревнование, дает силы и т. д. Совершенством языка познается **величие народа**. А поэтому нужно заботиться и о совершенствовании своего "природного" языка. Как утверждали декабристы, язык можно сравнить с драгоценным камнем, от обработки получающим блеск и большую цену. "Незнание богатства языка своего и пренебрежение оным есть знак глубокого невежества"¹.

Декабристы важное значение придавали воспитанию искусством. Чувство красоты должно служить нравственному совершенствованию личности. В этом смысле велика роль родной песни, которая всюду сопровождает человека. "Русский поет за трудом и на досуге, в печали и радости, и многие песни его отличаются свежестью чувств, сердечною теплотой, нежностью оборотов"², - писал А. А. Бестужев (1797-1837). По мнению Улыбышева, русские песни самые трогательные, самые выразительные, какие только можно услышать. Русская песня близка и понятна каждому, кто любит свое отечество. Многие народные песни полны печали, грусти, уныния. И в этом нет ничего удивительного. Такими наши песни сделали судьбы людей, "беды отечества и туманное его небо".³

Эти молодые патриоты с большим сожалением говорили также об исчезновении культурных ценностей прошлого, созданных народом, например, национальных костюмов, песен, содержащих возвышенные чувства и пылкие страсти, смешных и веселых песен, проникнутых остроумием и юмором. Мнение декабристов по этому вопросу лучше всех, пожалуй, выразил Бестужев. Автор ряда значительных литературоведческих статей, таких как "Взгляд на старую и новую словесность в России", "Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов" говорит о том, что многие творения народа "канули в бездну веков". Из того, что создано народом, до нас дошла

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. - Первая половина XIX в. М., 1973, с. 309.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I, М., 1951, с. 451.

³ Там же.

лишь незначительная часть. Декабристы мечтали об эпической поэме, которая бы "наши нравы, наши обычаи, наш образ жизни так передала потомству, как передал нам Гомер нравы, обычаи, образ жизни троян и греков"¹.

По мнению декабристов, свое национальное искусство надо создавать "не подбирая жалким образом колосья с чужого поля, а разрабатывая собственные богатства", надо идти не по пути отрицания духовных ценностей прошлого, а с усердием сохранять все то, что составляет национальную самобытность. Общество, литература и искусство много от этого выигрывают. "Вера праотцов, **нравы** отечественные, летописи, песни и сказания народные - лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности"², - писал на страницах альманаха "Мнемозина" Кюхельбекер, одновременно подчеркивая высокую роль народной поэзии в пропаганде свободолобивых идей среди молодежи.

Будучи высланными в Сибирь многие декабристы занимались изучением местного фольклора, обучением детей рабочих и крестьян не только грамоте, но и различным искусствам и ремеслам. Важным средством усиления народного духа они считали устройство массовых народных празднеств, а для детей - музыкальных и литературных вечеров. Декабристы были замечательными педагогами, внесшими значительный вклад как в теорию воспитания, так и в школьную практику, **пронесли в отдаленные края России дух отечественной демократической педагогики**. Они отдавали предпочтение таким средствам воспитания, которые наилучшим образом способствовали формированию патриотического чувства и высоких идеалов. К числу таких средств они относили родной язык, пословицы и поговорки, народную песню, национальный костюм, героический эпос, русскую поэзию, проникнутую **народностью** и патриотизмом. Словом, народная культура

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I, М., 1951, с. 129.

² Мнемозина. Ч. II, М., 1824, с. 126.

у декабристов одинаково ценна и как основа развития национального искусства, и как средство воспитания прогрессивной русской молодежи.

Разумеется, декабристы в борьбе за национальную самобытность русской культуры не были одиноки. Их идеи были подхвачены многими передовыми людьми своего времени. Одним из тех, кто глубоко разделял общественно-педагогические и эстетические взгляды декабристов, был А. С. Пушкин (1799-1837). В своей записке "**О народном воспитании**" (1826) великий поэт призывает вести дело воспитания так, чтобы у молодежи выработалось высокое чувство национальной гордости, уважительное отношение к доблестным делам предков, к истории своего отечества. Для достижения такой цели Пушкин рекомендовал использовать русскую поэзию, отражающую образ мыслей и чувствований, обычаи, поверия и привычки народа. Поэт высоко ценил роль родного языка, выступал за использование народного опыта воспитания, особенно опыта таких воспитателей из народа, какой была Арина Родионовна, сумевшая привить будущему гению любовь к культуре народа. "Слушаю сказки - и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма"¹ - писал Пушкин из Михайловского к брату. Поэт считал, что корень всякого зла есть отсутствие глубоко продуманного воспитания. А поэтому содействие улучшению общественного воспитания должно стать первейшим долгом каждого образованного человека.

Другим страстным поборником идеи народности в воспитании был ближайший друг декабристов **Владимир Федорович Одоевский** (1804-1869).

Человек широкого диапазона интересов, он плодотворно работал в самых различных направлениях культуры, но главной целью своей жизни считал служение делу просвещения народа.

В своей просветительской деятельности Одоевский во многом руководствовался идеями декабристов, через

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 13, М., 1937, с. 121.

альманах "Мнемозина", редактируемый вместе с Кюхельбекером, способствовал распространению декабристской идеологии.

Это было время, когда в идейно-теоретических течениях дворянства начинают выделяться два направления: славянофильство и западничество. Славянофилы пошли по пути восхваления исторического прошлого России, мечтали о возврате к допетровским временам, идеализировали старорусские порядки, обычаи, традиции. Западники же чрезмерно преклонялись перед Европой, ратовали за широкое использование социального опыта и культуры западных стран в деле просвещения народа, вплоть до перенесения в Россию их системы школьного образования и воспитания.

Острые споры шли о понятии "народность". В трактовке этого термина славянофилы и западники заметно расходились. Но и те, и другие понимали "народность" иначе, чем официальные круги, которые представляли ее как преданность самодержавию и православию. Одна из заслуг Одоевского, пожалуй, в том, что он в этой сложной ситуации выбирает иной путь, исходит из понимания нужд народа (демоса), его потребностей в просвещении, т. е. к идее народности подходит с демократических позиций.

Одоевский мечтал видеть Россию сильной и высококультурной страной. По его мнению, для того, чтобы лучше умножить богатства страны, наметить пути ее движения, нужно прежде всего спросить самих себя: что мы за колесо в этой чудесной машине истории? Что нам оставили на долю наши предшественники? Что такое мы? Словом, эти жгучие вопросы, волновавшие передовых мыслителей еще со времен М. В. Ломоносова, В. Ф. Одоевский вновь выдвигает на повестку дня. Разумеется, круг людей, услышавших голос выдающегося просветителя, вовсе не был таким уж узким. На его вопрос: что нам оставили на долю наши предшественники? - передовая общественная мысль ответила следующим образом: история оставила нам в наследство богатую культуру, подлинные пласты которой лежат в народе, в его образе жизни и творческом наследии.

И действительно, 30-40-ые годы XIX века ознаменовались первыми значительными успехами в области собирания народных песен, пословиц, сказок и т. д. Среди "трудолюбивых деятелей" этого времени, безусловно, следует выделить И. В. Киреевского и В. И. Даля. Не стоял в стороне от этого течения и В. Ф. Одоевский. Он всячески поддерживал людей, занимающихся изучением народного искусства, снабжал их новыми идеями и предложениями.

Просветитель с огорчением отмечает, что низший класс редко знает, что думается в высшем, а высший - почти никогда не знает, что готовится в низшем. Поэтому наши знания о жизни народа, о его искусстве весьма приблизительны. Между тем у народа свое самобытное искусство: народная поэзия, народная архитектура, народная живопись, народная музыка. Народное искусство, по мнению Одоевского, позволяет лучше познать человека-простолюдина. Ибо отличительной чертой народного искусства является его теснейшая связь с жизнью. Она заметна везде: и в песне, и в танцах, и в сказках, и в русской избе, и в лавке русского базара, которые отнесены Одоевским к "образцовым архитектурным произведениям".

Плодотворно занимаясь музыковедческой деятельностью, просветитель вскрыл большие воспитательные возможности **народной музыки**. По его мнению, язык музыки есть вполне естественный человеческий язык, способный сообщить о многом. Поэтому, когда речь идет о народной почве, о необходимости развития "народно-духовных сил", вообще о народном быте, всегда нужно помнить о том, что из всех искусств наша народная самобытность лучше всего выражена в музыке. В ней психология народа, его характер и темперамент. "Из всех элементов, из которых слагается то, что называется **народностью**, элементов, более или менее изменяющихся действием времени и разных исторических случайностей, - элемент музыки и поэзии есть самый постоянный; в нем, как в чудодейственной сокровищнице, хранятся неприкосновенные заветные тайны народного

характера, едва обозначаемых в летописях".¹ "В музыке выражается дух народа"², - заключает Одоевский.

И этот дух передается из поколения в поколение. Вот почему русскую старинную песню мы угадаем среди тысяч мелодий. "Отчего у каждого из нас бьется сердце", когда мы слышим русский напев, это еще понятно; но отчего *характер* русского напева мы разом, бессознательно отличаем посреди какой бы то ни было музыки и невольно говорим: здесь что-то русское?"³ Все дело в том, что к родному напеву человек привыкает с детства, с колыбели. Здесь большая заслуга наших **матерей**. "Мать напевает песенку - ребенок улыбается, машет рученками, немного и слов ему доступны, - но песенка производит на ребенка почти такое же впечатление как на взрослого, то радостное, то грустное"⁴. По мере взросления ребенка привязанность к родным напевам значительно усиливается. Особенно остро переживают свою связь с родной песней молодые люди, когда они покидают край своего детства. Одоевский отмечает, когда молодой парень, работая на чужбине, затягивает песню или слышит родной напев, - "тысячи различных ощущений возбуждаются в душе странника. Вспомнил ли он семью, друзей, домашний очаг, молодость, детство?.. ничего определенного, - но все это *вместе*, т. е. такое сопряжение чувств и мыслей, которое отразилось в напеве, - но не выражается словом"⁵. Причем, по мнению просветителя, большую смысловую и чувственно-эмоциональную нагрузку в песне несет мелодия. Ибо музыка сама по себе есть искусство, выражающее то, что никаким другим способом не может быть выражено, кроме самой музыки. Чего простолюдин не может высказать словами, то он выражает музыкой.

Народная музыка является своеобразной школой воспитания молодежи. Она приобщает ее к духовным сокровищам народа, способствует развитию памяти и

¹ Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, с. 283.

² Там же, с. 463.

³ Там же, с. 306.

⁴ Там же, с. 462.

⁵ Там же.

гармонического слуха. В. Ф. Одоевский в "Русских ночах" отмечает, что в русском народе хорошо развито чувство музыкальной гармонии. И это достигается без участия основ музыкальной грамоты, т. е. естественным путем, на основе усвоения традиционных норм **народного музыкального творчества**. Важную воспитательную ценность музыки автор видит в ее связи с нравственностью. "Народная музыка - дело важное во всех отношениях: недаром древние (см. Платона, Плутарха и проч.) видели тесную связь между музыкою и народными нравами"¹.

Другим важным средством воспитания детей Одоевский считал **сказку**. Разумеется, воспитательные возможности сказки были известны многим и давно. Но единого мнения по этому вопросу среди педагогов не было. Одни видели в сказке лишь занимательную, развлекательную сторону. Другие в сказке искали непременно утилитарную, полезную цель, чтобы она содержала полезные сведения и конкретные поучения. Все это, безусловно, не могло удовлетворять Одоевского. Он выступает против узкого подхода к сказке. По его мнению, сказка может оказать на ребенка комплексное воздействие: на ум, на душу, на чувства, и является эффективным средством умственного, нравственного, эстетического развития детей.

Одоевский видит ценность сказки и в активизации учебной деятельности детей, особенно тех, которых принято называть "непроснувшимися". Здесь он считает целесообразным применение фантастических сказок. "Гофман в "Щелкунчике" превосходно схватил одну из сторон ребяческой грезы; если вы достигли до того, что ребенок прочел одну сказку, сам с интересом, - вы уже сделали великий шаг",² - говорит педагог. Гофмана он считает большим знатоком детской психологии. По его словам, Гофман всегда остается в своем роде человеком гениальным.

¹ Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, с. 283.

² Он же. Избранные педагогические сочинения. М., 1955, с. 166.

Хорошим знатоком детской психологии был и сам Одоевский. Он часто твердил, что ребенок ошибается редко, его ум и сердце еще не испорчены, чисты. Мы должны ребенку внушать, что добро есть добро, а порок - зло; что мы должны любить добро не ради прибыли, а для самого добра; ненавидеть зло не по страху наказания, а ради совести. Во всем этом немалую помощь учителю и воспитателю могут оказать сказки. В то же время педагог предупреждает о том, что нравственное значение сказок весьма не равнозначно. "Какого добра ожидать от нашей нравственности, - пишет он, - когда с младенчества в сказках, в баснях, прописях учат нас во всем держаться середины, рассчитывая каждый свой шаг, не доверять никому, кроме своего рассудка, удалиться от всего, что не принято всеми, не предпринимать ничего без положительной, так называемой полезной цели".¹ Одоевский приходит к выводу о том, что капиталистический образ жизни, пропитанный индивидуализмом и стремлением к личной выгоде, отрицательно влияет на нравственное и эстетическое развитие детей. В рассказе "Город без имени" (из "Русских ночей") педагог говорит о том, что стремление к выгоде, пользе во всем обедняет и средства воспитания ребенка.

В. Ф. Одоевский был даровитым детским писателем. Им создан целый ряд детских рассказов, написанных в жанре сказки. В 30-х годах XIX века они были известны детям как сказки дедушки Ирины. В. Г. Белинский высоко ценил дар Одоевского создавать увлекательные, доступные детскому восприятию сказочные произведения. Составляя рекомендательные списки книг для сельских школ, Одоевский непременно включал и **русские народные сказки**.

Для В. Ф. Одоевского характерно углубленное изучение особенностей народного художественного творчества, воспитательного потенциала народного искусства. Он высказал ряд ценных методических замечаний и предложений, имеющих практическое значение как в

¹ Одоевский В. Ф. Сочинения в 2 томах. Т. I, М., 1956, с. 280.

школьном, так и в семейном воспитании, своими удачными наблюдениями заметно раскрыл некоторые грани **народной педагогики**.

* * *

В истории России XIX век занимает особое положение. Это век значительных перемен в социально-экономической жизни общества, расширения социальной базы буржуазно-демократического движения. Противоречия между новым капиталистическим способом производства и крепостничеством охватывает все стороны жизни общества. Кризис углубляется. Наибольшей остроты он достигает в 40-ые годы. Усиливаются разногласия между прогрессивными демократическими силами и консервативными слоями, сторонниками крепостнических порядков, мечтавшими о сохранении патриархальных отношений между дворянством и простым народом. Именно в это время в России зарождается новое общественно-политическое течение - революционный демократизм, родоначальником которого был **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811-1848). Ближайшим соратником В. Г. Белинского был **Александр Иванович Герцен** (1812-1870). На базе передовых идей этих выдающихся мыслителей в России формируется **революционно-демократическое педагогическое** направление. Яркими последователями педагогических идей Белинского и Герцена были известные общественные деятели второй половины XIX в. **Николай Гаврилович Чернышевский** (1828-1889), **Николай Александрович Добролюбов** (1836-1861), **Николай Васильевич Шелгунов** (1824-1891) и **Дмитрий Иванович Писарев** (1840-1868).

Важнейшим вопросом внутренней социально-политической жизни России второй половины XIX века все еще оставался крестьянский вопрос. Отмена крепостного права, обнародованная Александром II 19 февраля 1861 года, не дала ожидаемого улучшения жизни крестьян. На острие идеологической борьбы все еще оставалась **проблема народности**, ставшая узловым моментом не только в истории, философии, социологии,

но и в эстетике и педагогике. Утверждение Белинского о том, что народность есть "альфа и омега эстетики нашего времени", передовой русской интеллигенцией было воспринято гораздо шире, чем только эстетическая программа.

Свое понимание народности революционные демократы отстаивали в острой борьбе с консервативными силами, особенно с псевдонаучной "народностью" славянофилов, идущих по пути фетишизации идеалистически понятого "народного начала" в духовной жизни русского общества. Критикуя европейское просвещение, довольно широко распространенное в России, они превозносили патриархальное прошлое, от которого как раз и **нужно было избавиться ради будущего**. По мнению славянофилов, в России вовсе не обязательно заниматься просвещением трудящихся масс, развитием их духовных сил, ибо образованность простого народа может оказать разрушающее воздействие на такие коренные стихии русского характера, как религиозность и доверие к властям. Таким образом, славянофилы, идя по ложному пути, не только сильно запутали сам вопрос народности, но и в конечном счете оказались в одном стане с идеологами русского самодержавия. И. В. Киреевский, например, откровенно защищал крепостничество, мотивируя тем, что якобы такой строй выгоден и для помещика, и для крестьянина. Были лица, открыто призывавшие мириться с существующими порядками. "На славянофилах лежит грех, что мы долго не понимали ни народа русского, ни его истории, - писал Герцен, - их иконописные идеалы и дым ладана мешали нам разглядеть народный быт и основы сельской жизни".¹

Запутанным оказался вопрос народности и у либеральных западников, ратовавших за стирание самобытных национальных черт, за переход России к европейским формам жизни.

Нельзя сбрасывать со счета и идеологов "официальной народности", считавших основой русской культуры и воспитания уваровскую триаду - "православие, само-

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5, М., 1975, с. 213.

державие и народность". Под народностью они понимали, в первую очередь, все то, что способствовало сохранению крепостничества.

Совершенно на ином качественном уровне решили проблему народности революционные демократы. Они исходили из положения о том, что народ является **опорой всего общества**, почвой, хранящей "жизненные соки всякого развития". По мнению Белинского, **народ** - это трудовой слой нации, составляющий ее внутрисущностную основу, под народом разумеется многочисленнейший класс в государстве. Совокупность всех сословий государства составляет **нацию**. "Народность" относится к "национальности", как видовое, низшее понятие - к родовому, высшему, более общему понятию. В народе еще нет нации, но в нации есть и народ".¹ Народность есть первый и определяющий момент национальности. "Национальность есть совокупность всех духовных сил народа".²

Народ - это не отвлеченное понятие, "народ есть живая особенность, духовная организация", имеющая свои индивидуальные качества, ибо каждый народ живет своей жизнью, которая проявляется в своих, ей одной свойственных формах. На вопрос, "в чем же состоит самобытность каждого народа?" - Белинский отвечает так: "В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в языке и более всего в *обычаях*",³ обнаруживаемых довольно четко в формах домашней и общественной жизни. Все это в конечном счете есть результат исторического развития народа. Согласно учению Белинского, каждый народсообразно со своим характером, происходящим от местности, от единства или разнообразия элементов, из которых образовалась его жизнь, и исторических обстоятельств, при которых она развивалась, играет в великом семействе человеческого рода свою **особую роль** и вносит в общую сокровищницу его успехов **свою долю, свой вклад**. У народа

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 10, М., 1956, с. 121.

² Там же, с. 127.

³ Там же. Т. 1, М., 1953, с. 35.

свое мирозерцание, выполняющее роль умственной призмы, сквозь которую он созерцает тайну бытия всего сущего.

Соглашаясь со своим старшим соратником, Герцен писал: "Народ понимает вещи особым процессом и особенно развитым тактом; до чего мы дорабатываемся длинным теоретическим трудом, то он схватывает вдруг целиком и, по-видимому, даром. Новая истина, поражающая его, если он ее поймет, переходит не в рассуждение, а в непосредственное действие, его понимание больше страстное и художественное, нежели логическое".¹

Как отмечал Добролюбов, деспотизм и рабство, противные природе человека, никогда не могли достигнуть нормальности, никогда не могли покорить себе ум и совесть человека. Пока будет жить народ, будет жить в нем и стремление к самостоятельной деятельности и свободному рассуждению. К сожалению, мы мало прислушиваемся к голосу народа. "Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслителей и впечатлений, - писал он, - тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни".² Добролюбов подверг резкой критике тех, кто писал о народе, не зная особенностей жизни его абсолютного большинства - крестьянства. С некоторого времени, говорит критик, у нас часто слышится мнение, что низший класс нашего народа по натуре своей груб, лукав, бессовестен. В действительности же мужик по натуре своей вовсе не лишен высших человеческих стремлений, он обладает замечательным "здоровым смыслом". Ему доступны и тонкие ощущения любви, и нежность, и совестливость. Но чувства простолюдина немногоречивы и не всегда выставляются напоказ другим. То же самое можно сказать и о рассуждениях крестьянина. Мысль его хорошо просматривается в его практических

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 8 томах. Т. 3, М., 1975, с. 199.

² Добролюбов Н. А. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 1, М.-Л., 1961, с. 110.

делах. "Мы обыкновенно философствуем для препровождения времени, иногда для пищеварения, и большею частию о предметах, до которых нам дела нет и которых мы никаким образом изменить не в состоянии, да и не намерены. Крестьянину не до такой умственной роскоши; он человек рабочий, он задумывается над тем, что может иметь отношение к его жизни, и задумывается именно для того, чтобы в душе своей найти основание для практической деятельности".¹

Таким образом, революционные демократы, идя по пути разрушения старых представлений о народе, обнаружили такие качества народного характера, о которых официальная печать умалчивала вообще. То, что эти мыслители здоровые истоки русского государства искали в народе, для того времени было чрезвычайно смелым решением. "Коренная Россия не в нас с вами заключается, господа умники, - писал Добролюбов. - Мы можем держаться только потому, что под нами есть твердая почва - настоящий русский народ; а сами по себе мы составляем совершенно неприметную частичку великого русского народа".²

Все это говорит о том, что у революционных демократов была исключительно сильная вера в духовные, творческие силы народа. Как полагал Белинский, нужно только усиленно работать над пробуждением застывших дарований, создавая для этого необходимые условия. Герцен говорит, что крестьянин в нравственном отношении значительно чище дворян, попов, чиновников. Если мы до сих пор крестьян считали хуже, нежели они есть, то "к этому нас приучила монархия". Чернышевский отмечает, что жизнь крестьян вообще проникнута "какою-то нравственною возвышенностью". По Добролюбову, низший класс народа и физически, и духовно здоровее высших классов. **Уважение к личности и правам других, внимательность к общему мнению, забота о доброй славе среди простых людей** встречается гораздо чаще, чем в других сословиях. Как подчеркивал Белинский, необразованность нисколько не помешает

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 6, М.-Л., 1963, с. 243-244

² Там же, с. 257.

иному мужику быть выше образованного человека, например, "со стороны ума, чувства, характера". По его мнению, у народа богатая творческая фантазия и глубокое чувство красоты. Это доказывают русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно могучие, всегда выражающие "широкий размах богатырской души".

Мысли Белинского дальше развивает Чернышевский. "Понятия о красоте у простого народа несходны во многом с понятиями образованных классов общества, оно объясняется тем, что простолюдин и член высших классов общества понимают жизнь и счастье жизни неодинаково".¹ Хорошая жизнь, какой она должна быть по представлениям простого народа, состоит в том, чтобы жить в довольствии, достатке, при работе, не доходящей до изнурения сил; у поселянина в понятие "жизнь" всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя; да и скучно было бы, замечает видный русский эстетик, автор работы "Эстетические отношения искусства к действительности".

У народа свое искусство. Оно есть плод коллективного творчества. По Белинскому, народными считаются произведения искусства, авторами которых являются безвестные художники, сам народ. "У народа нет еще письма, нет даже слова для выражения идеи искусства, но есть уже искусство - *народная поэзия*. И даже тогда, как народ уже вышел из состояния бессознательности, и поэзия его из *непосредственной* или народной сделалась *художественною* или общею, мировую в самой своей национальности, - и тогда ее ход независим от хода науки".²

В начале было искусство, а уж потом, в ходе размышления над искусством, появляются эстетические понятия и суждения. Народное искусство развивается по своим внутренним законам, и этот процесс продолжается и в

¹ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. Т. 2, М., 1949, с. 142-143.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 4, М., 1954, с. 24.

эпоху расцвета профессионального искусства. По мнению Белинского, на какой бы степени цивилизации ни стоял народ, он уже имеет свою поэзию. Песня составляет его лирическую поэзию, сказка - эпическую. Первобытная поэзия народов свежа, непосредственна и простодушна, могущественна и сильна, чиста и стыдлива, "как улыбка красоты". Особенно показательны в этом отношении народные песни. Как отмечает Герцен, все поэтические начала, бродившие в душе русского народа, находили себе выход в необычно мелодических песнях. "Русский крестьянин только песнями и облегчал свои страдания. Он постоянно поет: и когда работает, и когда правит лошадьми, и когда отдыхает на пороге избы. Отличает его песни от песни других славян, и даже малороссов, глубокая грусть".¹ Тяжелая жизнь, тяжелое дыхание народа заметны и в песне.

Как заметил Белинский, развитие народа и высшего общества пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней жизни и при своих заунывных песнях, в которых изливалась его душа в горе и радости; второе же "забыло все русское, забыло даже *говорить русский язык*, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом".² (*Подч. мною - А. К.*)

Здесь мы подходим к следующему важному обобщению революционных демократов: народная поэзия есть выражение сознания, мирозерцания народа. Песни, сказки, пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, причитания служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу и жизнь. По мнению Белинского, **искусство освобождает дух от рабского ужаса**, просветляя его светом мысли. Это дает возможность людям свободнее излагать свои мысли и чувства, полнее выражать свое отношение к угнетателям. Белинский говорит о всеобщем презрении русского народа к духовенству; в качестве примера приводит сказки

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 8 томах. Т. 3, М., 1975, с. 403.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 1, М., 1953, с. 40.

про попа, попадью, попову дочь, которых народ высмеивает, называя "дурьей породой".

Представляет особый интерес замечание Белинского об эстетической памяти народа. Он говорит, что у народа есть "память чувственных предметов и образов". Благодаря этой памяти в народе живут тысячи песен, сказок, преданий, продолжают действовать эстетические традиции в труде, быту, в искусстве, а также и в воспитании детей.

Забываясь о национальной системе воспитания, Белинский во главу угла ставил вопрос об использовании в школе народного опыта воспитания. Национальное должно определяться народным элементом. Критик писал: "Народность обыкновенно выпускается у нас из плана воспитания: часто не только юноши, но и дети знают наизусть отрывки из трагедий Корнеля и Расина, и умеют пересказывать десяток анекдотов о Генрихе IV, о Людовике XIV, а между тем не имеют и понятия о сокровищницах своей народной поэзии, о русской литературе... Давайте детям больше и больше созерцания общего, человеческого, мирового, но преимущественно старайтесь знакомить их с этим через родные и национальные явления".¹ (*Подч. мною - А. К.*)

Надо заметить, что революционные демократы, будучи широко образованными людьми своего времени, внимательно следили за развитием педагогической науки как у себя в России, так и за рубежом, с точки зрения своей идеологии создали качественно новую теорию воспитания. Их цель воспитания - это воспитать в ребенке Человека. Эту мысль первым еще в 1840 г. высказал Белинский. Впоследствии она была поддержана и развита его учениками, в частности, Чернышевским: "Воспитание главною своею целью должно иметь приготовление дитяти и потом юноши к тому, чтобы в жизни был он человеком развитым, благородным и честным. Это важнее всего. Заботьтесь же прежде всего о том, чтобы ваш воспитанник стал **человеком в истинном смысле слова**".²

¹ Белинский В. Г. Полн. Собр. соч. в 13 томах. Т. 4, М., 1954, с. 88.

² Чернышевский Н. Г. Избранные педагогические произведения. М., 1953, с. 348.

Какого же человека хотели воспитать революционные демократы? Их идеал - это всесторонне развитая личность, человек-патриот, горячо любящий свой народ, свое Отечество, бескорыстно отдающий себя делу освобождения трудящихся от угнетения. Они выступили за воспитание такого человека, каким был герой романа Чернышевского "Что делать?" Рахметов.

Естественно, задачи формирования человека-борца потребовали всестороннего подхода к делу воспитания, привели к поискам более эффективных принципов, средств и методов воспитания. Руководством послужил призыв Белинского о том, чтобы воспитание велось "через родные и национальные явления". Предчувствуя предстоящие изменения в области просвещения, он заявил: "Да! У нас будет свое русское, народное просвещение".¹ (Подч. мною - А. К.).

Требую воспитания детей на народном материале, революционные демократы в первую очередь обратили внимание на **родной язык**. По их мнению, обучение детей на родном языке является одним из весьма существенных условий, обеспечивающих доступность образования. Белинский говорит, что каждый народ создает свой язык, владеет известным количеством слов, терминов и оборотов, которых нет и не может быть ни у какого другого народа. Пусть ухо детей приучается к гармонии русского слова с самого раннего возраста, пусть распространенные в народе поэтические обороты, образные выражения пробудят их интерес к красоте родного языка. Народ излагает свою мысль **кратко, метко и красиво**.

По утверждению Добролюбова, образцом умелого обращения со словом являются пословицы и поговорки. Народная мудрость высказывается обыкновенно афористически и никогда не прибегает к форме силлогизма, столь любимой книжниками. В ее речи замечаем также более живости и образности, нередко она выражает свою мысль **намеком** или удачным **принорованием**. Лучше и не скажешь. Добролюбов здесь уловил очень тонкую, но

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 5, М., 1954, с. 289.

весьма эффективную воспитательную возможность народной мудрости вплоть до подчеркивания приемов народной педагогики.

Весьма значителен и воспитательный потенциал **сказки**. Она в очень доступной форме раскрывает детям мир животных и растений, знакомит их с жизнью народа, с его мудростью, нравственными и эстетическими представлениями. Белинский также указывает на целесообразность сказки в патриотическом воспитании учащихся. В сказках много такого, что формирует в детях любовь к родной природе, к родному народу. И все это достигается непринужденно, без напряжения. В сказке преимущественно выражается характер народа, его понимание жизни. Сказки развивают в детях воображение и фантазию. Но детям нужнее фантазия, имеющая здоровое начало, связывающая воображение с действительностью, природой, людьми, жизнью. "В детстве фантазия есть преобладающая сила души, - уверял Белинский, - первый посредник между духом ребенка и вне его находящимся миром действительности".¹ Поэтому к материалу для сказочного чтения, особенно к сказкам, написанным литераторами, следует подходить **разборчиво**. Как отмечал Герцен, сказки бывают и бессмысленные, и скучные. В первых все пожертвовано фантастическому, во-вторых все убито натянутой, пошлой и вовсе не нравственной моралью. Опыты сочинения в духе народных сказок не всегда завершаются успехом. По мнению Белинского, иногда здесь автору сильно мешают произвольные усилия **подделываться под народную сказку**.

Революционные демократы не упускали из виду и другую сторону вопроса: использование сказки в педагогических целях предъявляет определенные требования и к самому воспитателю. По словам Белинского, воспитатель должен быть если не поэтом, то, по крайней мере, хорошим рассказчиком, должен иметь фантазию живую, резвую, радужную. Чтобы говорить образами с детьми, надо знать детей, надо самому быть

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч в 13 томах. Т. 2, М., 1953, с. 372.

взрослым ребенком, научиться смотреть на вещи **глазами детей**. И здесь Белинский снова прибегает к народному опыту воспитания, ставит в пример **народных педагогов**. "Есть люди, - говорит он, - которые любят детское общество и умеют занять его и рассказом, и разговором, и даже игрою, приняв в ней участие; дети, со своей стороны, встречают этих людей с шумною радостью, слушают их со вниманием и смотрят на них с откровенною доверчивостью, как на своих друзей. Про такого человека у нас, на Руси, говорят: "**Это детский праздник**".¹

Другим важным средством воспитания детей является **музыка**. По этому поводу Белинский замечал, что влияние музыки на детей благодатно, и чем раньше начнут они испытывать его на себе, тем лучше для них. И очень полезно, и даже **необходимо** знакомить детей с русскими народными песнями. О высоком назначении народной музыки в деле воспитания говорит и другое замечание Белинского о том, что в народной музыке есть нечто такое, чего не может заменить нам профессиональная музыка. "Никто не будет спорить, что реквием Моцарта или соната Бетховена неизмеримо выше всякой народной музыки; но тем не менее неоспоримо, что власть народной музыки бесконечна над чувством. Не диво, что русский мужичок и плачет, и пляшет от своей музыки; но то диво, что и образованный русский, музыкант в душе, поклонник Моцарта и Бетховена, не может защититься от неотразимого обаяния однообразного, заунывного и удалого напева народной песни".² (*Подч. мною - А. К.*)

По мнению Добролюбова, любовь народа к песне - это результат воспитания, берущего начало еще с колыбели, это также свидетельство того, что в народе существуют **устойчивые традиции** музыкального воспитания детей. "Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями, - писал Добролюбов, - подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни. Собирается зимой молодежь крестьянская на посиделки, и здесь раздаются песни;

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 2, М., 1953, с. 372.

² Там же. Т. 5, М., 1954, с. 309.

приходит весна, выходят поселяне встречать ее, составляют хороводы, завивают венки и при этом непременно поют песни. Едет крестьянин пахать землю, он облегчает труд своей песней; собираются крестьяне жать, косить в знойную рабочую пору, и здесь песня звучит между ними, освежая их среди тяжелых трудов. Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она же следует за ним и в семейную жизнь его. Собирается ли молодец жениться, его сватанье, девишник, свадьба - все это непременно оглашается песнями, готовыми нарочно на этот случай. Настанет ли тяжелая разлука с семейством, мать провожает сына, жена мужа - с рыданиями, причитаниями и пением. Умирает ли человек, над ним раздаются похоронные, печальные песни"¹.

Какая наблюдательность, какое глубокое проникновение в жизнь крестьян! Такое под силу лишь человеку, твердо верящему в творческие силы народа.

Добролюбов остро выступил против тех, кто опасался проникновения народности в духовное воспитание ребенка и обучал его наставлениями: "Не приучайся к пению светскому и простонародному"; "Не смотри на красоту лица человеческого" и т. п.

Известно, что Добролюбов в годы учебы в Главном педагогическом институте давал частные уроки. В его записях об этом периоде содержатся весьма ценные факты, характеризующие отношение студента-учителя к народной песне.

19 января 1857 года: "Тоскуя о народных русских песнях и показывая взгляд народа на великого князя Владимира, я сегодня засиделся у Татариновых. Но, увлекшись сам, я, кажется, мало увлек свою ученицу, равно как и мать ее, которая сидела тут же".² Несколькими днями позже Добролюбов пишет: "Сегодня мне показалось на уроке у Татариновых, что ко мне несколько расположены... Я сам себе дивлюсь иногда, как ловко, смело, но вместе с тем прилично и скромно умею я говорить с девочкой о

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 1, М.-Л., 1961, с. 402.

² Там же. Т. 8, М.-Л., 1964, с. 357.

некоторых предметах. Например, сегодня в присутствии матери должен был говорить ей о характере наших народных песен, в которых выражаются разные семейные отношения."¹ Учитель не опускает руки из-за первого не совсем удачного урока, для беседы находит нужные слова, иные приемы и добивается поставленной цели. В записи от 31 января 1857 г. значится: "...я довольно спокойно и рассудительно продолжал потом толковать с Борисом о русских героических песнях".² И все это прямо исходит от программы патриотического воспитания детей средствами народной музыки.

Не осталось без внимания и общение детей с **природой**. Белинский утверждал, что первый воспитатель детей - природа и ее благородные впечатления. Он предлагал знакомить детей с "музыкой" природы, создавать условия для созерцания ее красот. "Что всего очаровательнее в природе, что составляет душу всякой красоты в природе, это - солнце и свет",³ - писал Чернышевский. На это же обратил внимание и Шелгунов. По его мнению, восход солнца - это замечательный урок прекрасного. "Научить чувствовать природу весьма важно, - писал он, - но, уча ее чувствовать, пожалуйста, не резонерствуйте. Не говорите ребенку: "Посмотри, как величественен этот закат солнца". Если ребенок не восхищается сам, не говорит вам: "Папа, как хорошо!" - вы никак не научите его восхищаться величием природы, а заставите только заучивать фразы".⁴ Детей надо научить воспринимать природу по-человечески одухотворенно. В природе всегда есть нечто такое, что вызывает к себе повышенный интерес.

По Добролюбову, ознакомление детей с явлениями природы и с деревенской жизнью в высшей степени заслуживает одобрения. Детям нужны книги, рассказывающие о природе и сельском быте. Юные читатели должны знать, что жизнь крестьян-земледельцев многим

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 8, М.-Л., 1964, с. 539-540.

² Там же, с. 556.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 2, М., 1949, с. 149.

⁴ Шелгунов Н. В. Основы рационального воспитания. Дело. 1871, № 8, с. 6.

отличается от жизни горожан, от жизни помещиков. И одеваются они не так, и жилища у них устроены по-другому, и привычки другие. Между тем эти люди являются нашими кормильцами. Добролюбов за то, чтобы жизнь крестьян описывалась правдиво. Он выступает против авторов, изображавших крестьянский быт только в радужном цвете, будто сенокос есть одна забава, сельский праздник и более ничего. Говоря о трудовом воспитании сельских детей, Добролюбов пишет: "Крестьянские дети, говоря вообще, свободнее воспитываются, отношения между младшими и старшими там проще и ближе, ребенок раньше делается деятельным членом семьи и участником общих трудов ее".¹ Такими детей этой среды делает трудовой образ жизни крестьян. Но, с другой стороны, у детей есть внутренняя потребность быть полезным старшим, семье и вообще другим. На эту особенность детской психологии обратил внимание и Писарев: "Мы все знаем по повседневному опыту, с каким усердием и с какой радостной гордостью дети бегут помогать взрослым, когда они видят, что помощь их приносит действительную пользу".²

Трудовое воспитание детей носит и важный нравственный смысл. Именно в отношении к труду хорошо просматриваются нравственные качества личности. Более того, человека счастливым может сделать только **труд**.

Педагогическую деятельность русских революционных демократов следует рассматривать как составную часть той общей освободительной борьбы, которую они вели с царизмом. Высокая идейно-политическая направленность их педагогических взглядов обусловлена верой в духовные силы народа, в возможность изменения общественной жизни путем просвещения трудящихся масс с целью повышения их социальной активности. Распространив принцип народности на дело воспитания **нового человека**, революционные демократы по-новому посмотрели на жизнь народа, обнаружили в ней много ценного, что могло бы служить прогрессу в педагогике.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 6, М.-Л., 1963, с. 328.

² Писарев Д. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1951, с. 388.

"Источник всего нового есть старое",¹ - утверждали они. Следовательно, их обращение к культуре народа, к его опыту воспитания нужно рассматривать как конкретное проявление **принципа народности**.

Велика заслуга революционных демократов в исследовании народной эстетики. Они впервые основательно занялись рассмотрением эстетического чувства, вкуса, идеала и воззрений народа, и тем самым народную эстетику заметно приблизили к педагогике. Этих замечательных мыслителей по праву можно назвать родоначальниками **этноэстетики** - научного направления, изучающего эстетическую культуру народа.

Таким образом, стараниями выдающихся русских мыслителей, особенно революционных демократов, происходит комплексное осмысление идеи народности, т. е. на социально-политическом, философском, культурологическом и педагогическом уровне. Эта теоретическая база значительно облегчила положение педагогов XIX века, избравших для себя путь демократизации школы. Идея народности многих вдохновила на исследование педагогической культуры народов, появлению, говоря современным языком, первых **этнопедагогических работ**.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 томах. Т. 10, М., 1956, с. 31.

Глава II. ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ К. Д. УШИНСКОГО

Ничто не постоянно, в том числе и идея. Став одним из компонентов индивидуального и общественного сознания, она устремляется к новому качеству, что в свою очередь приводит к новым вершинам. Так происходит и с целыми направлениями науки, искусства, техники и производства, которые получают толчок в развитии в результате воплощения той или иной идеи в творчестве отдельных талантливых личностей. Конечно, наука была и до М. В. Ломоносова, поэзия - до А. С. Пушкина, музыка - до М. И. Глинки, но вот появились эти гении, и все пошло по-другому и на новом качественном уровне. Мощный толчок, данный ими, во многом определил ход дальнейшего развития отечественной культуры, привел к новым результатам.

Таким человеком в сфере образования был **Константин Дмитриевич Ушинский** (1824-1870), великий русский педагог, "учитель русских учителей". Деятельность его была поистине многогранной: от высоконаучных теоретических работ до создания учебных книг и конкретной педагогической практики. Немало сделал он и для утверждения в педагогике принципа народности, для развития **этнопедагогических** идей, для использования народных традиций воспитания в школе.

Отличительной чертой каждого народа Ушинский считал конкретное проявление его народности. "Народ без народности - тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность".¹ Эта оберегающая функция народности должна быть подкреплена воспитанием подрастающего поколения, и в первую очередь, средствами народной педагогики.

¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 томах. М.-Л., 1948-1952. Т. 2, с. 161.

"Чувство народности так сильно в каждом, что при общей гибели всего святого и благородного оно гибнет последнее".¹ Педагог-демократ глубину этого патриотического чувства видит даже в негативных проявлениях человеческой природы, например:

- даже **взяточник, истачивающий как червь силы своей родины**, сочувствует ее славе и горю;

- у злодея, в котором потухли все благородные человеческие чувства, все равно сохраняется **искорка любви** к отечеству, к его полям, языку, преданиям;

- встречаются и примеры ненависти к своей родине, но в этой ненависти часто обнаруживается сильная любовь;

- народность не покидает тело и душу человека даже тогда, когда он покидает родину, поселяется на чужбине.

Как подчеркивал Ушинский, общественное воспитание пошло у каждого народа своим особенным путем; в каждой стране под общим названием общественного воспитания и множеством общих педагогических форм кроется свое особенное характеристическое понятие, созданное характером и историей народа. "Несмотря на сходство педагогических форм всех европейских народов, у каждого из них своя особенная национальная система воспитания, своя особая цель и свои особые средства к достижению этой цели".² А поэтому воспитание, построенное на слепом подражании другим системам, будет действовать на развитие молодого поколения гораздо слабее, чем система, созданная самим народом, целиком пронизанная народностью. По мнению Ушинского, ослабление народности приводит к утрате самобытности, к ускорению процесса ассимиляции с другим народом, к трагическим судьбам отдельных личностей. "Чем сильнее в человеке народность, тем легче ему в самом себе рассмотреть ее требования".³ Ощущая свою близость к народу, человек чувствует себя комфортнее, свободнее,

¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11 томах. М.-Л., 1948-1952. Т. 2, с. 160.

² Там же.

³ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 1, М., 1974, с. 121.

становится выразителем национального самосознания. Именно такие люди двигают общество вперед, определяя ход развития родного народа.

Народность, ставшая ведущей идеей всей педагогической системы Ушинского, привела к замечательным результатам в области глубокого осмысления народного опыта воспитания, к раскрытию сильных сторон народной педагогики. Проблема эта никогда не выпадала из поля зрения педагога-демократа, он постоянно возвращался к ней в своих многочисленных работах: "О народности в общественном воспитании", "Три элемента школы", "О пользе педагогической литературы", "Вопросы о народных школах", "Общий взгляд на возникновение наших народных школ", "Воскресные школы", "Труд в его психическом и воспитательном значении", "О необходимости сделать русские школы русскими", "Что нам делать со своими детьми?", "Родное слово".

В своих взглядах на роль народа в истории Ушинский целиком и полностью на стороне революционных демократов. Он не раз подчеркивал мысль о том, что народ является творцом истории. "В силу особенности своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью... Каждому народу суждено играть в истории свою особую роль, и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен".¹ Разумеется, сегодня такое высказывание может показаться и резковатым, но это было в другое время, когда в официальных кругах творцами истории считались отдельные личности, в том числе цари и их приближенные. Это было время, когда во главу угла ставился вопрос о пробуждении и развитии национального самосознания русского народа путем повышения его образовательного уровня, превращения русской школы в русскую на основе идеи народности, использования народной педагогики. "Есть одна только общая для всех прирожденная склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 2, с. 161.

человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным".¹

За многовековую историю народ создал свою систему воспитания, накопил богатейший опыт. Не считаться с этим невозможно, игнорировать его было бы делом "преступным". По мнению Ушинского, многое, что делается в учебных заведениях для воспитания детей высшего сословия, дает лишь "горькие плоды". Если уж мы сами не в состоянии следить за воспитанием своих детей, то весьма желательно, чтобы не мешать делать это "простому народу". Педагог выступает против тех, кто с недоверием относился к народу, считая, что простой мужик груб, необразован и глуп, чтобы следить за воспитанием своего ребенка. Такая ложная мысль мешает глубже заглянуть в народную душу. На самом деле этот необразованный мужик имеет твердые и ясные убеждения, в груди его бьется горячее родительское сердце, которое чутко ко всякой опасности, угрожающей детям. Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы от него научились. Именно этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить, ту поэзию, с помощью которой мы обновили всю нашу литературу, наконец создал и эту великую державу, под сенью которой мы живем. Народ вполне созрел, чтобы "вручить народное образование самому же народу". Тем более у народа своя богатая педагогическая культура. "Напрасно мы хотим *выдумать* воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ, - пишет Ушинский, - с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим. Ее можно удобрить, улучшить, приносившись к ней же самой, к ее требованиям, силам, недостаткам, но пересоздать ее невозможно".²

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения в 2 томах. Т. I, М., 1974, с. 119.

¹ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения в 6 томах. М., 1988, т. 2, с. 54.

Выходит, что воспитание было всегда, оно вечно. Напрасно некоторые авторы эту мысль приписывают В. И. Ульянову-Ленину, он лишь повторил высказывание великого педагога о вечности воспитания. Следует также заметить, что Ушинский говорил и об устойчивости воспитательных традиций, полагая, что в них сконцентрирован опыт многих поколений. Вот почему, по его мнению, воспитание, созданное **самим народом** и основанное на **народных началах**, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа.

Народ создал свою педагогику, отбирая все лучшее из опыта предыдущих поколений. Это была среда, когда каждый взрослый, каждый старец считался наставником молодых, и в рамках села каждый ребенок подвергался общему воспитательному воздействию. Детская среда была общая для всех. Родители знали, чтобы вырастить хорошего сына или дочь, должна быть хорошая детская среда. Других путей и не могло быть, тем более детей было много, они составляли большинство населения. Лучшим примером для детей, безусловно, служила трудовая, созидательная жизнь самих взрослых. Не секрет, что жизнь простых людей проходит у всех на виду. Можно сказать, что дети и взрослые живут одной жизнью, ничто не скрывается, в том числе душевные и физические боли, страдания и радости родителей. Именно поэтому в сельской местности дети духовно взрослеют гораздо раньше, чем в городских семьях.

Ушинский, говоря о воспитании простого народа, замечает: люди рождаются, растут, следовательно, и воспитываются если не в школах, нарочно для того устроенных, то тем не менее воспитываются в той жизненной среде, где они живут и из которой льются в душу их разнообразнейшие влияния. Если мы хотим чему-то научить простой народ, мы должны с уважением приближаться к душе народа, к его воспитательным идеям. "Отец русских учителей" с возмущением отмечал, что в педагогической литературе довольно часто попадают материалы, в которых авторы, думая

действовать в интересах народного воспитания, начинают с того, что топчут прежде всего с презрением все народное, и не замечают, как нерационально такое воспитание. "Воспитание берет человека всего, как он есть, со всеми его народными и единичными особенностями, - его тело, душу и ум - и прежде всего обращается к характеру человека; а характер и есть именно та почва, в которой коренится народность".¹

В народной педагогике есть свое социально-мировоззренческое ядро - это народный идеал воспитания. Идеал как представление о том, каким должен быть человек по народным понятиям, зародился еще у колыбели человечества. И с тех пор, как человек впервые прочувствовал его силу, воспринял его как образ должного, все лучшее в желаниях, мечтах и представлениях людей всех эпох и времен тесно связывалось с идеалом. Возникнув из-за неудовлетворенности человека существующей жизнью, самим собой, идеал призывал к новым изменениям в жизни, способствовал совершенствованию личности и общества. Имеются основания предполагать, что еще с древнейших времен в идеале получила отражение личность сильная, свободная, отличившаяся в спасении жизни других, предотвращении бед, т. е. человек, чьи личные качества получили общественную оценку. Об этом же красноречиво говорят эпические сказания народов мира. Под воздействием идеала менялись действия, поступки людей. Происходили изменения и в воспитании, совершенствовались его формы и методы. Все это говорит в пользу того, что возникновение идеала есть явление педагогическое. Оно продиктовано именно необходимостью воспитания и совершенствования человека. В этом смысле идеал действительно является ядром народной педагогики. Именно в этом русле рассуждал об идеале и К. Д. Ушинский:

"В основании *особенной идеи воспитания* у каждого народа лежит, конечно, *особенная идея о человеке*, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития.

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 2, с. 70-71.

Каждый народ имеет свой особенный *идеал человека* и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием, и выяснение его составляет главнейшую задачу каждой народной литературы".¹

По мнению Ушинского, народ свой идеал человека лучше всего выражает в фольклорных произведениях. Каков бы ни был этот идеал, он всегда выражает собой степень **самосознания народа**, его взгляд на пороки и добродетели, выражает **народную совесть**. Народный идеал человека, к какому бы веку он ни принадлежал, всегда хорош относительно этого века. Немногие в обществе достигают его (это редкое исключение), большинство ниже его; но в глубине души каждого живут его черты. Сознывая всю недоступность этого идеала для себя лично, человек, тем не менее, берет его за образец, живет мечтой приблизить к нему близких себе людей, и в первую очередь, детей. Идеал родителя превращает в воспитателя. Именно идеал конкретизирует требования к семейному воспитанию, помогает в выборе средств в достижении воспитательной цели.

Идеал не стоит на месте, меняется, развивается в связи с изменением жизни общества. Прежние идеалы перестают удовлетворять людей, то, что казалось безукоризненно хорошим, скажем, пятьдесят лет тому назад, имеет в глазах современного человека совершенно другую цену. По мнению Ушинского, народный идеал человека видоизменяется еще в каждом народе по условиям и всегда имеет национальную окраску. Идеал наделен не одними нравственными качествами, но и эстетическими, содержит в себе определенные представления о человеческой красоте. На основе общих народных представлений создается "идеал человеческой красоты", имеющий свои расовые и национальные различия.

Таковы некоторые этнопедагогические наблюдения

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 2, с. 122.

и суждения великого педагога-демократа, высоко чтившего сильные стороны народного воспитания, которые, по его мнению, непременно должны быть использованы и в школе.

Пути и средства этнопедагогизации общественного воспитания

Мы должны строить свою школу "на прочном основании знания своих собственных потребностей, потребностей русской жизни, - вырабатывать для себя самостоятельно, не увлекаясь подражаниями кому бы то ни было",¹ - не раз подчеркивал Ушинский и был уверен, что русское воспитание не поддастся нашим усилиям до тех пор, пока мы сами в себе не примерим европейского образования с живущими в нас элементами народности. Для этого нужны учителя нового типа, которые сами вышли из народной среды, впитали лучшие черты родного народа, "которые бы не вносили разлада в народную жизнь и неверия в народное сердце".² Школе нужен "народный учитель", хорошо подготовленный к воспитательной работе. Как полагал Ушинский, в воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер. Дети стремятся быть похожим на своего учителя, они его идеализируют, тонко замечают и то, как он хорошо относится не только к воспитуемым, но и к жизни простого народа, к его культурным ценностям. В этом смысле без преувеличения можно сказать, что в реализации идеи народности заинтересованы и сами дети. Народность выступает связующим звеном между учителем к учащимися, между школой и жизнью. Дети охотно воспринимают воспитательные средства народной педагогики, не замечая важность родного языка, легко

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 10, с. 399-400.

² Он же. Пед. соч. в 6 томах. Т. 2, с. 57.

пользуясь им как окружающим воздухом, солнечным светом и теплом.

Родной язык. В мировой педагогике едва ли найдется мыслитель, который так обстоятельно раскрыл бы социально-педагогические функции родного языка, как это сделал наш Ушинский.

Как считал педагог-демократ, язык каждого народа создан самим народом и он как "цельное органическое создание" достался нам по наследству. Язык есть великий дар наших предков.

Следует признать, что абсолютное большинство людей о высоком назначении языка и представления не имеет. Его вполне устраивает отношение к языку как к средству общения, передачи информации, как к компоненту искусства. На первый взгляд это может показаться вполне нормальным явлением, ибо оно устраивает многих. Но талантливый педагог в родном языке узрел то, что было недоступно другим, до чего не мог дойти разум не только простого человека, но и многих образованных людей, в том числе и учителей.

"Язык народа - лучший, никогда не увядающий цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории, - писал Ушинский. - В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы - весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа".¹ По мнению автора этих, я бы сказал, поистине поэтических строк, в языке остаются результаты жизни каждого поколения - в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова каждое поколение вносит

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 541-542.

свой вклад. Плоды своих сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя или радости, - словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове.

Духовная жизнь народа чрезвычайно многогранна, в ней ключом бьет "жизнь мыслей и чувств". Строя свою жизнь сам и только сам, народ всегда руководствовался здравым смыслом. Ему вовсе не чуждо и рациональное мышление. Как заметил Ушинский, в языке много глубокого философского ума, истинно поэтического чувства, изящного, поразительно верного вкуса, следы труда сильно сосредоточенной мысли, много наблюдательности, много самой строгой логики, высоких идей, до которых с трудом добирается потом великий поэт и глубокомысленный философ. "Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной, многовековой жизни народа, - пишет великий педагог, - язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда еще не было ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории".¹ (Подч. мною - А. К.). Ушинский часто твердил, что родное слово есть "ключ к сокровищнице народного духа", а язык всегда был и остается "величайшим наставником человечества".

А теперь мы вплотную приблизились к важнейшему этнопедагогическому обобщению этого замечательного знатока народной культуры. По его мнению, ребенок пяти или шести лет уже говорит очень бойко и правильно на своем родном языке, вполне четко выражая свои мысли и чувства. Ребенок развивается быстро. Ибо "этот удивительный педагог - родной язык - не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недостижимому облегчающему методу. Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей и чувств, художественных образов, логику и философию

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 542.

языка, - и усваивает легко и скоро, в два-три года столько, что и половины того не можем усвоить в двадцать лет прилежного методического учения. Таков этот великий народный педагог - родное слово!"¹ (*Подч. мною - А. К.*).

Здесь велики роль семьи, родителей. Первоначальная школа родного языка, первые учителя именно в семье. Посмотрите, какую радость испытывают взрослые, когда они услышат первые слова ребенка, как помогают ему в умножении его словарного запаса, добиваясь правильного произношения трудноватых слов. По мере взросления ребенка расширяется и сфера действия языка. По мнению Ушинского, изучение родного языка есть прямой путь к развитию самопознания ребенка. Через язык мы раскрываем богатство его души и вводим дитя в "дух народа". "Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ".²

Язык является лучшей характеристикой народа. Лучшее и даже "единственно верное" средство проникнуть в характер народа - это усвоение его языка. Дух народа свои глубокие корни в душу ребенка пустит именно при помощи родного языка. Дух языка есть дух народа. Человек, воспитанный не в национальном духе, по мнению Ушинского, "никогда не поймет народа и никогда не будет понят им".³ (*Подч. мною - А. К.*). От такого человека пользы для народа мало. Он всегда будет

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 544.

² Там же, с. 543.

³ Там же, с. 549.

выглядеть как человек без отчизны, какую бы маску **патриотизма** не надел потом на себя.

Такая резкая постановка вопроса кому-то может показаться и несколько странным. Неужели русский язык тогда нуждался в такой защите? Да, это было такое время, когда во многих городских семьях родители к русскому языку относились с некоторым пренебрежением, считая его мужицким. Многих с детства манила Европа, мечта побывать в Париже. Ушинский резко выступает против умышленного отстранения ребенка от родного языка, прогнозируя над поступками таких родителей, пишет: "Бедные дети, какое страшное убийство совершили над вами ваши слишком заботливые родители: они не только лишили вас родины, характера, поэзии, здоровой духовной жизни, но из людей превратили вас в куклы для потехи себе, по требованию моды, на потеху обществу, которое добровольно отказывается от всякого плодovitого участия в жизни народной".¹ Душа ребенка рвется выразиться в родных сочувственных ей формах, в которых ей легко и удобно развиваться, но лишение родного языка не только **замедляет**, но и **останавливает душевное развитие**, и эта остановка, без сомнения, имеет влияние на всю жизнь человека.

Раздел о родном языке как о великом наставнике молодежи, как о народном педагоге хотел бы завершить некоторыми тревожными мыслями К. Д. Ушинского. По его мнению, язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно сама эта жизнь. "Когда исчезает народный язык, - народа нет более! Пока жив язык народный в устах народа, до тех пр жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все - и он все может воротить; но отнимите язык - он

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 549-550.

никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка - никогда: вымер язык в устах народа, - вымер и народ".¹ (*Подч. мною. - А. К.*)

Выходит, что судьба родного языка есть судьба народа. На его страже должны стоять все: и семья, и школа, и общество в целом. Это нужно для духовного здоровья нации. Как заметил великий педагог, люди долго пользовались богатством родного слова, прежде чем обратили внимание на сложность и глубину его организма и оценили его значение в своей духовной жизни. "Да оценили ли и теперь вполне?"

Вопрос, поставленный истинным патриотом России еще в середине XIX века, остро встает и сегодня. Читатель должен был заметить, что Ушинский постоянно говорит о воспитательной роли "родного языка". Следовательно, его учение носит всеобщий характер и прямо касается, помимо русских, и других народов нашей Родины, у которых с использованием родного языка в общественной жизни и его преподаванием в школе дела обстоят далеко не в лучшем виде. В силу целого ряда причин, и прежде всего из-за неразумной политики КПСС по созданию единого советского народа, единой советской культуры, родной язык вытеснялся из учебных заведений, сфера его использования из года в год сужалась. Позитивные перемены стали наблюдаться лишь в последние годы в связи с демократическими преобразованиями в России. Впереди предстоит большая работа по восстановлению естественного права родного языка на активное участие в деле воспитания у молодежи любви к родному народу, к родному краю, к Отчизне.

Сказки. Образцом использования в учебном процессе народной мудрости, средств народной педагогики является "Родное слово" (1864) К. Д. Ушинского - книга реализованных этнопедагогических идей.

Одним из первых на эту книгу откликнулся Н. А. Корф. По его мнению, она дает большой простор для все-стороннего развития детей. Другой известный педагог Л. Н. Модзалевский писал: "За большой выбор загадок,

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 542.

пословиц, песен и сказок нельзя не поблагодарить автора, и мы из опыта знаем, как приятно и полезно для русских детей знакомство с произведениями народного творчества".¹

По мнению Ушинского, большинство сказок созданы "воспитательным гением народа" специально для детей. Педагог признается, что он народную сказку ставит "недосягаемо выше" всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой. В этих рассказах образованный взрослый человек усиливается снизойти до детского понимания, фантазирует по-детски и не верит сам ни в одно слово, им написанное. Как бы ни был хорошо подделан такой детский рассказ, это - все-таки **подделка: детская гримаса на старческом лице**. В народной сказке великое и исполненное поэзии дитя - народ рассказывает детям свои грезы и, по крайней мере наполовину, верит сам в эти грезы. "Природные русские **педагоги** - бабушка, мать, дед - понимали инстинктивно и знали по опыту, что моральные сентенции приносят детям больше вреда, чем пользы",² Поэтому старались оказать воспитательное воздействие своим жизненным примером, а также и при помощи сказок. Они тем и хороши, что воспитательный смысл в них подается легко, изящно, образно, как, например, в "Репке", "Колобке", включенных в "Родное слово". Восторгаясь русскими народными сказками, истинный друг детей писал: "Это - первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа".³ (Подч. мною - А. К.).

Ушинский предлагает и методику работы со сказкой. По его мнению, каждую сказку следует прочитывать несколько раз и потом, через несколько времени, снова к ней возвращаться. Дети любят повторения сказок и просят рассказать именно ту, которую уже слышали много раз. Но не надо ограничиваться только прочтением сказки,

¹ В кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 6, с. 364.

² Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 570.

³ Там же, с. 569-570.

а следует позволить детям рассказывать ее потом самим, что они очень любят. Этот пересказ прочитанной сказки должно вести так, чтобы сначала рассказывал способнейший из учеников, а другие слушали его и замечали, что он пропустил, что сказал не так, как в книге. Целый класс непременно восстановит сказку в настоящем ее виде, и такая восстановленная целым классом сказка отлично запечатлется в памяти детей со всеми подробностями. Такой прием Ушинский рекомендует не только для запоминания, но и для развития устной речи детей.

Поборник народной педагогики жалел, что сказок, годных для использования в школе, весьма мало. Его не устраивало их содержание: одни пустые и бессмысленные, другие безнравственные. Он считал, что сказки в младшем возрасте особенно хороши для нравственно-эстетического воспитания. Действительно, персонажи сказок, будь это животные, звери и даже Колобок, говорящие человеческим языком, и показанные добрым или злым, сильным или слабым, смелым или трусливым, работающим или лентяем, умным или глупым, прекрасным или безобразным, - все это не может не затрагивать душу ребенка. Что идет через чувства к мысли, закрепляется прочнее. Такова сила эстетического чувства.

Попутно хотел бы высказать и следующее соображение. В сказках поражает смелость сюжета, богатство фантазии. Ключ к пониманию этой загадки нам подсказал сам великий педагог. По его мнению, многие сказки идут к нам "из глубины языческой древности". А как известно науке, языческая культура развивалась на основе свободы творчества. Там не было строгих стандартов, канонов. Вот почему наши далекие предки оставили нам такие шедевры, которые, говоря словами Ушинского, для современных авторов остаются недосыгаемым образцом.

Я часто бываю в школах, выступаю перед детьми и учителями. Но в последнее время происходят непонятные явления. Время сказок, видимо, проходит. Создается впечатление, что наши учителя имеют дело не с детьми, учат не детей, а каких-то других живых существ. Идет роботизация. У учителя нет времени для сказок, игр, праздников. Учат, учат, и еще раз учат.

Малые жанры. "Русское слово" Ушинского удачно насыщено пословицами, поговорками, прибаутками и загадками. Эти малые формы мысль, суждение передают в предельно сжатом виде, но от этого их содержание нисколько не страдает. Многие из них имеют вполне определенную педагогическую, общественную, даже философскую ценность. "Пословица тем и хороша, - пишет Ушинский, - что в ней почти всегда, несмотря на то, что она *короче птичьего носа*, есть нечто, что ребенку следует понять, представляет маленькую умственную задачу, совершенно по детским силам".¹ Как считал замечательный знаток русского фольклора, пословицы и поговорки очень удобны при "учении отечественному языку". Они умело пробуждают к жизни семена родного слова, всегда коренящиеся, хотя и бессознательно, в душе ребенка. Он говорит, что пословицы в свои азбуки помещают и немецкие педагоги, и признается: "но не слепой патриотизм заставляет меня сказать, что наши русские пословицы и разнообразнее, и глубже, и, главное, живописнее по форме и поэтичнее по духу, ... едва ли есть лучшее средство привести дитя к живому источнику народного языка и внушить душе ребенка бессознательно такт этого языка".² (*Подч. мною - А. К.*). Пословицы важны еще и тем, что в них, как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми ее особенностями. В них отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляд на природу, на людей, на "значение всех явлений жизни".

Ушинский также признается, что он поговорки, прибаутки и скороговорки в "Родное слово" поместил затем, "чтобы выломать детский язык на русский лад и развить в детях чутье к звуковым красотам родного языка".³ Особенно он рассчитывал на детей так называемого образованного класса, того класса, который испортил свой родной язык, лишив его цвета, красок поэзии и жизни.

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 569.

² Там же, с. 568.

³ Там же, с. 569.

На ранней стадии развития ребенка весьма полезны игровые формы обучения. В этом несомненную помощь могут оказать удачно подобранные загадки. Во-первых, отгадывание загадки уже есть радостный, эмоционально насыщенный момент в душе и поведении ребенка; во-вторых, по мнению Ушинского, ценность загадки еще в том, что он дает "уму ребенка полезное упражнение"; в-третьих, дает повод к интересной классной беседе, которая закрепится в уме ребенка именно потому, что живописная и интересная для него загадка заляжет прочно в его памяти, увлекая с собой и все объяснения, к ней привязанные. В качестве примера великий педагог приводит загадку: *заря-заряница, красная девица, по лесу гуляла, ключи потеряла; месяц видел - не сказал, солнце увидело - подняло.* (Роса). Восторгаясь красотой, изяществом, содержанием данной загадки он восклицает: "Какая живая и полезная беседа может быть закреплена в душе дитяти подобной живописной загадкой!"¹

Чтобы не оставлять каких-либо сомнений в воспитательных возможностях названных малых форм, приведу еще несколько примеров из "Родного слова": "Старое старится, молодое растет", "Старость не радость, не красные дни", "Почитай старших: сам будешь стар", "Меньше говори, да больше слушай", "Ходи, - не шатайся! Ешь, - не объедайся! Стой, - не качайся!", "К добру мастись, а от худа пяться", "Худо тому, кто добра не делает никому", "Сей добро, посыпай добро, жни добро, одевай добром", "Платье на год, тело на время, душа - на век", "Других не суди, на себя посмотри", "С кем поведешься, от того наберешься", "Лисий хвост, да волчий рот", "Всякой вещи свое место", "Худое колесо громче скрипит", "Ржавчина железо ест, а печаль - сердце", "Не плюй в колодец - пригодится воды напиться", "Правда светлее солнца", "С радости кудри вьются, с печали секутся".

Загадки: "Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, вечером на трех". - Человек в детстве, в зрелом возрасте и в старости. "На вилах грабли, на граблях шатун,

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 569.

на шатуне ревун, над ревуном сапун, над сапуном глядун, над глядуном роща, за рощей поле, за полем дремучий лес." - Руки, голова, рот, нос, глаза, брови, лоб, волосы. "В беленькой бочечке два разные пива". - Яйцо, белок, желток. "Сам не видит, не слышит, другим указывает; нем и глух, а счет ведет". - Верстовой столб. "Под одной шляпой четыре брата стоят". - Стол. "Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мука, в муке жучка". - Стоит дом, в доме печь, в печи зола, в золе уголь. "Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит, седьмой песенки поет". - Дверь и все ее части: косяк, притолока, порог, полотно, ручка, пята. "Срежу голову, вижу сердечко, дам пить - будет говорить". - Гусиное перо.

Как видно, такие педагогические шедевры полны познавательного смысла, заметно активизируют мыслительную деятельность, заряжая умственные силы детей. Как считает Ушинский, многие произведения фольклора вполне доступны и детям раннего возраста, соответствуют их психологии. Дитя "мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот напрасно и вредно насилует бы детскую природу, кто захотел бы заставить ее мыслить иначе".¹

Труд. Сильной стороной педагогики Ушинского является именно то, что она целиком пронизана идеей народности, стоит на этнопедагогической почве. Это же можно сказать и о трудовом воспитании.

О труде написано сотни книг. Из всех форм человеческой деятельности ему отводится первостепенное внимание. То, что труд является основой жизни и без него нет прогресса, что любой нормально развитый человек стремится к труду и от этого получает определенное удовольствие, - это вполне понятно. Но в мире утвердился и извращенный подход к труду, уродующий душу и тело человека, например, рабство, крепостничество и т. п. Иногда трудом наказывают и детей, даже школьников. Не одинаково относятся люди к трудолюбию и трудовым успехам другого. Именно в этой сфере свободно разгуливает человеческая зависть. Тем не менее

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 645.

труд был и остается главным средством очеловечения человека, спасением человечества. В труде концентрировано все. Подобно линзе, способной собрать всю лучевую энергию солнца, труд собирает все виды человеческих сил, духовных и физических. Труд обладает мощной воспитательной энергией.

Трудолюбие считалось одним из важных качеств народного идеала человека. Слыть лентяем было стыдно. А поэтому стремление детей к труду умело направлялось, поощрялось старшими, при этом не забывали и о народной мудрости, на которую обратил внимание и Ушинский:

"Ремесло не коромысло, плеч не оттянет, а само прокормит", "Ремесло пить-есть не просит, а само кормит", "Не худо ремесло, кто умеет сделать и весло", "Не будет и скуки, как заняты руки", "Железом золото добывают", "С бороной по воду поехал, а цепом рыбу удит", "На вкус, на цвет мастера нет", "Немало искусства в пяти пальцах".

Воспользуясь случаем, к этому ряду добавил бы еще свою любимую поговорку: "Талант человека на кончике пальцев".

Отношение Ушинского к труду в его "психическом и воспитательном значении" исходит от иного понимания цели воспитания по сравнению с другими педагогами. Он не согласен с теми, кто утверждал, что цель воспитания - сделать человека счастливым, потому что представление о счастье весьма расплывчатое, не конкретное, оно у каждого человека свое особое. Недостатком страдает и утверждение о том, что цель воспитания есть сделать человека лучше, совершеннее.

Разумеется, быть счастливым, более совершенным - это мечта многих. Но не каждый знает, как достичь этих целей. На это дает нам ответ великий гуманист К. Д. Ушинский.

Руководствуясь положением о том, что труд является основой жизни, высшей формой человеческой деятельности, педагог всесторонне анализирует назначение и роль труда и приходит к выводу: вне труда нет и человеческого счастья. "Самое воспитание, если оно

желает счастья человеку, должно воспитывать его *не для счастья*, а готовить к труду жизни. Воспитание должно развивать в человеке привычку и любовь к труду".¹

Ушинский мечтал о труде свободном, творческом, считал, что подневольный труд разрушает в человеке естественную тягу к труду. Он открыто выступал против позорного крепостничества в России, полагая, что русское крестьянство такой же раб, как в некоторых странах негр, подгоняемый плеткой. И лишь совместный труд с членами семьи и односельчанами как-то спасает положение, поддерживая трудолюбие, которое, по мнению педагога, является главным условием достижения семейного счастья. При этом он напоминает взрослым простую истину, высказанную мудрецами: **праздность есть мать всех пороков**. "Творец сделал труд необходимым условием физического, нравственного и умственного развития, и самое счастье человека поставил в неизбежную зависимость от личного труда",² - писал Ушинский, подчеркивая важность личного труда в гармоническом развитии труженика.

С трудом увязывается и цель воспитания. "Основной целью воспитания человека может быть только сам человек, - писал педагог, - так как все остальное в этом мире (и государство, и народ, и человечество) существует только для человека".³ (*Подч. мною. - А. К.*) На первый взгляд такое утверждение может показаться несколько парадоксальным или же упрощенным. Когда он говорит, что целью воспитания может быть человек, имеется в виду конечный результат очеловечения человека. Это - качественный переход на более высокий уровень. Поскольку человек - это прежде всего его душа, то путь здесь один - дать душе "вечную, по возможности, полную, широкую, поглощающую ее деятельность. Дать труд человеку, труд душевный, свободный, наполняющий душу, и дать средства к выполнению этого труда".⁴

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 1, М., 1974, с. 135.

² Там же, с. 138.

³ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 10, М., 1954, с. 373.

⁴ Там же.

Выходит, что труд является главным средством достижения воспитательной цели. В труде просматриваются все грани развития личности. Именно так рассматривается роль труда в народной педагогике. Ушинский народен и в этом вопросе.

По мнению педагога, труд - не игра и не забава, он всегда серьезен и тяжел. Немалых усилий требует и само трудовое воспитание. Если в семье оно происходит естественным образом, сын рядом с отцом, дочь - с матерью, то в школе условия, да и формы работы другие. Она должна вестись в двух направлениях. Первое - "внушить воспитаннику уважение к труду" при помощи умелых рассказов учителя, трудовых игр, сказочных героев, удививших других своим трудолюбием и мастерством. Второе - школа должна дать воспитаннику "и привычку к труду"; школьный труд должен нести организованный характер.

Таким образом, К. Д. Ушинский приходит к важному выводу:

- человек рожден для труда;
- труд составляет его земное счастье;
- труд - лучший хранитель человеческой нравственности;
- труд - главный воспитатель человека;
- трудолюбие - лучшее наследство, которое могутоставить детям родители и школа.

Добро и красота. Как мы уже заметили выше, центральным вопросом народной педагогики всегда был и остается вопрос: каким должен быть растущий человек и как этого добиться? Ориентиром, образцом здесь служит народный идеал воспитания. Когда мы анализируем народный опыт воспитания, по научной привычке личность, ее сознание и духовный мир рассматриваем в расчлененном виде, и это верно. Так нужно для углубленного вторжения в суть проблемы, познания самого воспитуемого. Но народный подход заметно отличается от научного. Он не рассуждает, что своего ребенка воспитывает эстетически, патриотически, нравственно. И вообще, родители привыкли видеть в ребенке целостную натуру и для характеристики его человеческих

качеств народ пользуется более простыми понятиями, среди которых ведущее место занимают "добро" и "красота". В народной педагогике они всегда соседствуют рядом и активно дополняют друг друга, особенно когда речь идет о человеке и его внутренней красоте.

Именно в этом русле рассуждает Ушинский, говоря о единстве этического и эстетического, о тесной связи нравственного и эстетического воспитания. "Я бы определил мораль так: все эстетическое в отношениях между людьми, - писал замечательный гуманист. - Изящное не может быть безнравственно, и нравственное не может быть неизящно".¹ По его мнению, образцами нравственной красоты чрезвычайно богаты произведения устного народного творчества, о некоторых из них мы уже говорили. Здесь уместно обратить внимание на другие средства и факторы народного воспитания.

Песня. Как тонкий, проницательный психолог Ушинский в воспитательной работе важное место отводит чувственным образам, получаемым детьми от общения с родными напевами, народной песней. Он мечтал о такой широкой постановке музыкального воспитания учащихся, чтобы можно было повлиять на музыкальную культуру всего народа. Высоко ценил он хоровое пение. "Какое это могучее средство - хоровое пение! - восхищался педагог. - Как оно оживляет утомленные силы детей, как оно быстро организует класс! В песне, особенно хоровой, есть вообще не только нечто оживляющее и освежающее человека, но что-то организующее труд, располагающее дружных певцов к дружному делу. Вот почему наши крестьяне поют хоровую песню при всякой работе, требующей соединения сил; вот почему и в школу следует ввести песню: она несколько отдельных чувств сливает в одно сильное чувство и несколько сердец в одно сильно чувствующее сердце; а это очень важно в школе, где общими усилиями должно побеждать трудности учения. В песне есть, кроме того, нечто воспитывающее душу и в особенности чувство, и притом чувство чисто человеческое".² Из

¹ Ушинский К Д Собр соч. в 11 томах. Т. 10, с. 276

² Там же Т 3, с. 161-162.

чудной народной песни слышится меткое, глубокое слово, полное истины переживаний и чувств, несущихся из самых отдаленных времен. И это богатство также должно стать достоянием учащихся.

Природа. Просторные поля и сказочные леса, краски весны, лета и осени, журчащие ручьи - все это глубоко волнует душу ребенка. Но взгляд Ушинского прикован не вообще к природе, а к природе русской, весьма разнообразной по своим эстетическим свойствам. По наблюдениям самого педагога, влияние красоты природы значительно усиливается по мере познания ее тайн.

Природа до тех пор грозна, пока недостижима, пока успеваешь скрывать свои тайны от человека, но как только человек успеваешь вырвать у нее эти тайны, он тотчас вводит природу в круг своих сознательных действий, дает ей душу, находит параллели между жизнью природы и своим душевным состоянием. "Прекрасное и возвышенное в природе находится именно в области высших духовных стремлений человека, и мы находим природу возвышенной и прекрасной, поскольку в ней удовлетворяются, или кажется нам, что удовлетворяются эти стремления. Море, небо, звезды говорят нам о бесконечности, о бесконечной мудрости, о бесконечном могуществе, вечности или громадных периодах времени в сравнении с недолгой жизнью человека, - и тем удовлетворяют высшему духовному стремлению человека и поскольку кажутся нам возвышенными".¹

Как отмечал Ушинский, у детей есть безотчетное, естественное сочувствие к природе, и они с любовью занимаются наблюдениями над окружающими их природными явлениями, предметами, вследствие этого у них возникает множество вопросов, иногда таких, которые могут быть решены только на научных началах. Здесь бесспорно высока роль школы, учителя.

С другой стороны, природу делает красивой и то, что она наша родная, с детства нам знакомая и близкая. В ходе налаживания своей жизни на данной местности у человека формулируется понятие "родной край". Он мил

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 3, с. 262.

и дорог каждому. Говоря о Москве-реке, Ушинский замечал, что Москва - это маленький пересохший ручеек, вьющийся как блестящая змейка на дне огромного бассейна, с крутыми живописными берегами, свойственными вообще юрской известковой формации, набитой окаменелостями. Эта маленькая речка при каждом своем повороте создает новый ландшафт, новую светлую картину, к которой так и льнет русское сердце. Красота - она везде проявляется по-своему. "Но неужели на вас производят одно и то же впечатление и саратовские поля, и калмыцкая степь, и владимирские болота, и окрестности Москвы, и холмистые пространства Орла и Тулы, и равнины Малороссии и новороссийская степь, и белорусские песчаные и лесистые пространства, и вологодские леса, и здешние болота?"¹ - писал Ушинский под впечатлением поездки за Волхов. Чувство красоты родного края так сильно, что человек, оказавшийся на чужбине, и там будет искать черты своей родины. Народ выбирает место для первых поселений своих под влиянием этого непосредственного чувства, этой страстной любви к природе своего края. Природа у Ушинского не абстрактное понятие. Она наполнена социальным смыслом, т. е. она есть среда обитания, источник жизни людей. Местность красива там, где собираются и выражаются яснее разнородные "силы страны".

В формировании у детей возвышенного отношения к природе Ушинский в первую очередь обращается к народной мудрости. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть страницы "Родного слова", одной из любимейших книг школьников. Каждая пословица, каждая загадка, каждый короткий рассказ о природе, помещенные в эту книгу, так или иначе несут нравственную и эстетическую нагрузку. "Рыбам - вода, птицам - воздух, человеку - вся земля", - читают дети в "Родном слове". Из этой книги дети узнают, почему розу называют царицей цветов, читают о красоте божьей коровки, вместе размышляют о стихотворении-загадке "Какой цветок?"

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 1, с. 291.

Я видывал в поле цветочек весной;
Зеленая ножка, глазок голубой.
В траве он чуть виден, не пышно растет,
Но пахнет прекрасно, хоть скромно цветет.

Приведем еще несколько загадок и пословиц, рассчитанных на развитие у детей сообразительности, воображения и эстетической наблюдательности. "Какое-такое дерево, что зимой и летом - все одним цветом?", "Маленький, удаленький, сквозь землю прошел, - красну шапочку нашел", "Сидит баба на грядках, вся в заплатках; кто ни взглянет, всяк заплачет", "Семьдесят одежек, а все без застежек; ни шит, ни кроен, а весь в рубцах", "Сидит красная девица в темной темнице, коса на улице", "Шитовило-ботовило по-немецки говорило, спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, съисподу бело полотенце", "Ласточка день начинает, соловей кончает", "Кто мост на реке мостит без топора, без клиньев, без подклинков", "Весна красна цветами, а осень снопами".

Не могут оставить равнодушными детей и следующие два коротеньких рассказа.

Не ладно скроен, да крепко сшит

Беленький гладенький заяц сказал ежу: "Какое у тебя, братец, некрасивое колючее платье".

"Правда, - отвечал еж, - но мои колючки спасают меня от зубов собаки и волка; служат ли тебе также твоя хорошенькая шкурка?" Заяц вместо ответа только вздохнул.

Сокол в клетке

Растужится, расплачется млад-ясен сокол, сидючи-то в клеточке на серебряной нашесточке. Жалобу-то творит млад-ясен сокол на крылышки, на правильные свои перышки: "Ой, вы, крылья мои, крылышки, вы правильные мои перышки! Уносили меня крылышки и от ветру, и от вихря, от частого дождя, от осеннего;

только не унесли вы меня, крылышки, от невеселой от волюшки - от золотой от клеточки, от серебряной от нашесточки!"

Ушинский сам не раз признавался, какое сильное влияние на его развитие оказывала природа, вспоминал, как он в детстве ходил в школу пешком по четыре версты туда и обратно, и любовался душистыми оврагами, колыхающими полями, розовой весной и золотистой осенью. "Зовите меня варваром в педагогике, - писал он позже, - но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком посреди рощ и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье".¹

Так, в ходе постоянного общения с природой, познания ее тайн, размышляя над мудростью предков, постепенно у детей формируется эстетическое отношение к природе, вызывающее и нравственные переживания. Осознание красоты родной природы, по мнению Ушинского, в значительной мере усиливает патриотическое чувство детей, их любовь к родной земле. Это и есть конкретное проявление народности в воспитании.

Игра. Как известно, Ушинский выступал за всестороннее изучение ребенка, за понимание его души. В этом неоценимую помощь воспитателю могут оказать наблюдения за играми детей, ибо "дитя в своих играх обнаруживает без притворства всю свою душевную жизнь. В игре дитя живет, и следы этой жизни глубже остаются в нем, чем следы действительной жизни, в которую он не мог еще войти, по сложности ее явлений и интересов".²

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 11, с. 52-53.

² Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 1, М., 1974, с. 353-354.

Для ребенка ценность действительности в другом. Она дает ему для игры богатейший материал. А поэтому не будет преувеличением, если сказать, что дети играют в жизнь. То, что происходит со взрослыми, обязательно обнаруживается в играх детей. Игра выступает как зеркало семейной жизни, как отражение взаимоотношений между родителями, взрослыми. В игре дети обретают первый опыт общественных отношений.

По Ушинскому, ценность игры в том, что она есть "свободная деятельность дитяти". А поэтому от воспитателя требуется тонкое мастерство, умение направлять игры детей, не разрушая при этом их самостоятельное состояние. Большой знаток детской психологии раздвигает горизонты игры и вводит понятие "игра-работа". Именно так воспитывали детей в семье с древних времен. Работа на грядке, посадка цветов и их полив, шитье платья кукле проходило в игровой форме. При этом ребенок, работающий с таким наслаждением, и не отличает игры от работы, труд воспринимается как свободное творчество.

Ушинский замечает, что детские игры имеют и свою национальную особенность, многовековую историю. Причем, историческая игра не есть что-то придуманное взрослыми, она - результат вольного, вдохновенного творчества самих детей.

В жизни детей видное место занимают праздники; можно сказать, что ребенок живет от праздника к празднику. Дети рады календарным праздникам, связанным с земледельческим трудом, с временами года, не менее и семейным праздникам. "И как тускло и серо было бы детство, если из него выбросить праздники! Я полагаю, - писал великий педагог, - что и теперь дети - по крайней мере в тех семействах, которые не очистили своего быта до совершенной бесцветности изгнанием из него всех добрых обычаев и всей поэзии старины - живут так же, как жили когда-то и мы, и что крашенки, березки, сирень, вербочки так же наполняют и будут еще долго наполнять жизнь русского ребенка".¹ Ушинский

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 585.

признается, что наряду с календарными и семейными праздниками, насыщенными "веселостями и хлопотами", в его памяти сохранились и религиозные праздники, не лишённые воспитательных воздействий.

Религия. Здесь нет необходимости доказывать, что в мире нет такой народной педагогики, такого воспитания, где бы религия, образ Бога не занимали главенствующее положение, независимо от того, каких верований не придерживались народы, будь это язычество, христианство, ислам или какие-то другие этнические религии.

О влиянии религии на воспитание детей говорилось и писалось и раньше. Но Ушинский к использованию религии подходит не так, как богослов или священник, а как ученый-педагог, особое внимание обращает на психологический потенциал религии. По его мнению, следовало бы изучить все известные религиозные системы специально, чтобы лучше узнать, какой душевной потребностью может быть объяснено распространение каждой из них. Тогда бы лучше уяснили и потребности человеческой души. "Без помощи религиозных систем мы не можем объяснить себе общечеловеческой психологии, ее истин и заблуждений".¹

Известно, что богословы не очень-то любят вести разговор о природе и человеке на научной основе, истину ищут в вере. Руководствуясь принципом научности в познании человека, Ушинский предупреждает: "Наука не имеет права смотреть на человека как на существо двух миров, наука не начинается с верований".² Науке принадлежит человек и человечество земли, человек неба принадлежит религии. Он высоко ценит воспитательные возможности религии, считая, что есть только один идеал совершенства, перед которым преклоняются все народности - это идеал, представляемый христианством. Воспитание должно "вкоренить в душу человека вечные истины христианства", ибо христианство является неугасимым светочем, идущим впереди человека и народов; за ним должно стремиться развитие всякой народности и всякое истинное воспитание.

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в II томах. Т. 10, с. 358.

² Там же. Т. 1, с. 140.

В то же время Ушинский выступает против чрезмерного увлечения религией, обращает пристальное внимание методике работы с детьми. По его мнению, школа должна стать центром, объединяющим детей разных религиозных верований, чтобы и христианин, и магометанин, и иудаист, и католик могли учиться вместе, **постигая азы наук**. Школа должна давать знания, "школа не проповедница религии".¹

Критикуя швейцарских учителей, ведущих уроки религии в малолетней школе, Ушинский пишет: "Но разве религия только в катехизисе и в священной истории, разве ее нет в жизни человека; для маленьких же детей этого возраста гораздо более религии в детском рассказе из их жизни, чем в целой странице катехизиса, вызубренной наизусть, но не оставившей никакого следа в сердце".² (Подч. мною - А. К.). Как видно, талантливый педагог и в этом вопросе ищет опору на жизнь, выступает против такого воспитательного приема, когда взрослые детей пугают богом, любят "задать страху детям. Они прикрывают им свое неумение сдерживать гнев, неумение, которое должно бы вычеркнуть их из списка воспитателей, и внушают детям не страх *божий*, а страх *учительский*, из которого рождаются ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души".³ Таким образом, он перед родителями и учителями ставит весьма трудную задачу: уважительно, бережно относиться к детской психике, не пугать богом и не обманывать. Ибо привычка пугать богом среди взрослых имела место всегда.

Ушинский подробно раскрывает роль религии в нравственном воспитании, но нигде не восторгается действиями священников, деятельностью церкви. По его мнению, привычка постоянно видеть страдание людей притупляет чувство сострадания, "дурно то, если несчастья других людей делается для человека средством существования, - вот почему у попов и лекарей сердце, не развитое смолоду, скоро черствеет".⁴ (Подч. мною - А. К.).

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 10, с. 361.

² Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 2, М., 1954, с. 112.

³ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 10, с. 359.

⁴ Там же, с. 604.

Можно сказать, что Ушинский был сторонником умеренного, разумного использования религии, чтобы не страдал светский элемент новой народной школы. Это, конечно, не могли не заметить в высшем руководстве. Не случайно по настоянию духовенства министерство просвещения с 1867 г. перестало рекомендовать школам книгу "Детский мир", а "Родное слово" в 1885 г. изъяли из употребления приказом министра. Считалось, что книги К. Д. Ушинского носят слишком светский характер, детям прививают антирелигиозное настроение. Тем не менее спорить с талантом Ушинского было трудно, даже бессмысленно. Книги продолжали выходить. Уж слишком сильны были потребность, практическая необходимость в них и, конечно, любовь к ним самих детей.

Семья. Универсальность педагогики Ушинского заключается в том, что он постоянно искал пути сближения семьи и школы, был умелым советчиком родителей, полагая, что семейное воспитание имеет важное общественное значение. Именно в семье происходит подготовка организма к дальнейшему развитию, ребенку передаются черты характера родителей, через них происходит сближение с историческим характером народа, народностью, которая "есть самое прекрасное создание божие на земле, и воспитанию остается только черпать из этого богатого и чистого источника".¹ В то же время педагог предупреждает нас от слепого преклонения перед всем народным. И народность нуждается в исправлении, ибо в народе наряду с достоинствами есть и недостатки. Это хорошо видно в проявлениях отдельных качеств человека. Что же касается народа в целом, то судить о его достоинствах и недостатках "никто не имеет права. Как бы высоко ни был развит отдельный человек, он всегда будет стоять ниже народа".² Наши суждения о народе нередко ошибочны и потому, что мы его знаем плохо.

Ушинский говорил, что характер человека более всего формируется в первые годы его жизни, и то, что ложится

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. в 2 томах. Т. 1, М., 1974, с. 121.

² Там же.

в этот характер в первые годы, ложится прочно, становится второй природой человека. Все, что усваивается человеком впоследствии, никогда уже не имеет той глубины, какой отличается усвоенное в детские годы. Многое здесь зависит от женщины-матери. В раннем детстве материнское воспитание никто не в состоянии заменить - ни приюты, ни детские сады, ни другие формы коллективного воспитания. Женщина, еще живо помнящая свое детство, свою жизнь в родной семье, сама едва вышедшая из этого детства, начинает уже прилагать к практике на своих собственных детях свои детские воспоминания. Она поет над своим ребенком ту самую песню, которую еще недавно пела над ней мать, рассказывает ту же сказку, в которую и сама еще не успела потерять веру. Поэтому воспитание будущей матери семейства также шло, подчиняясь идее народности. "Бессознательная любовь к народу, его языку, поэзии, к преданиям, к обычаям, к природе родной страны должна быть в женщине не только не ослаблена ее воспитанием, но, напротив, усилена и, по возможности, приведена в сознание так, чтобы женщина, ставшая матерью, сознательно и с любовью поддерживала в своем семейном быту и развивала в своих детях все те черты из народного характера, которые согласуются с нравственным идеалом человека".¹ Не менее значительна и роль бабушек, названных Ушинским "природными русскими педагогами", которые бережно хранят предания старины и передают их молодежи. Обладая врожденным стремлением учить и развивать свое дитя, женщина умело соединяет настоящее с далеким прошлым народа. Это так в русском народе, "то же самое относится и к карелам, и к зырянам, и к чувашам, и к башкирам".² Она же является необходимым связующим звеном между наукой, искусством и поэзией с одной стороны, нравами, привычками и характером народа - с другой. Такими, по мнению Ушинского, роль женщины в воспитании детей. Усердие и старание матери, семьи вообще, в воспитании молодого поколения выдающимся про-

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 3, с. 486-487.

² Там же, с. 459.

светителем рассматривались как важная социально значимая деятельность. Такое положение семьи в деле воспитания определялось самим образом жизни народа, его многовековой историей. Не случайно народная мудрость гласит: "Вся семья вместе, так и душа на месте", "На что и клад, когда в семье лад", "Дитя хоть кривое, да отцу, матери мило", "При солнышке тепло, при матери добро". (Из "Родного слова".)

Ушинский отмечал, что детская память навсегда запоминает яркие страницы семейной жизни. Как тускло и серо было бы детство, если бы из него выбросить семейные праздники, народные игры, массовые хоры. Детство, проведенное в стороне от жизни народа, бесцветно. Такие дети вызывают только жалость. "Печально и холодно будет их детство, и когда, быть может, охваченные холодом жизни, захотят они отогреться у воспоминаний родного очага, то не найдут там ни тепла, ни света".¹ (Подч. мною - А. К.).

Такова этнопедагогическая концепция К. Д. Ушинского, охватывающая все стороны народной педагогики, отличающаяся своей стройностью, логичностью, научностью, отвечающая требованиям народной школы XIX века. Великий педагог научно обосновал необходимость практического использования народного опыта воспитания в школе, предложил пути и средства этнопедагогизации учебно-воспитательного процесса, создал целостное учение, базирующееся на идее народности. Этнопедагогические идеи К. Д. Ушинского - это реализованные идеи, которые хорошо прослеживаются через призму практики. Именно это придает его учению стройный, системный характер. Все средства воспитания, использованные педагогом, действуют согласованно, сообразуясь с идеей народности, народным идеалом воспитания. Мечта многих предшественников о народности воспитания осуществилась именно в творчестве К. Д. Ушинского. Его научно-методический подход к народной педагогике оказался новым словом в нашей отечественной педагогике. Именно он заложил **основы этнопедагогики России XIX века.**

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 2, с. 477.

Глава III. ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ К. Д. УШИНСКОГО

Педагогические идеи К. Д. Ушинского не были локальными. Они получили довольно быстрое распространение через многочисленные статьи и классические труды автора, опубликованные в журналах "Современник", "Библиотека для чтения", "Журнал Министерства народного просвещения", "Журнал для воспитания", а также через книги "Детский мир", "Родное слово", многократно переизданных для детей, и несомненно вызывали повышенный интерес у педагогов и учителей. Разумеется, не остались без внимания и этнопедагогические идеи "отца русской народной школы".

Среди единомышленников К. Д. Ушинского следует отметить украинского просветителя **Александра Васильевича Духновича** (1803-1865), изложившего свои этнопедагогические идеи в специальной работе **"Народная педагогика в пользу училищ и учителей сельских"** (1857).

Работу эту условно можно разделить на две части: историческую и практическую. По мнению Духновича, элементы народной педагогики просматриваются у многих видных педагогов прошлого. У Коменского - это идея "материнской школы", концентрирующая в себе опыт семейного воспитания. Это Локк со своими дельными советами для родителей в труде "Мысли о воспитании" (1693); Руссо, прослеживающий влияние матери, семьи на всех этапах развития ребенка в работе "Эмиль, или О воспитании" (1762); Гельвеций, проводивший сравнительный анализ семейного и общественного воспитания; украинский просветитель-демократ Г. С. Сковорода с идеей естественного, народного воспитания. Словом, в "Народной педагогике" А. В. Духновича хорошо ощущается опора на идеи выдающихся авторитетов прошлого.

Духнович выступал за воспитание, проникнутое духом патриотизма и народности. По его мнению, лучшим средством формирования у детей чувства любви к родному народу, отчизне может быть изучение истории, географии и народных песен. Как полагал украинский просветитель, родные песни могут принести "великую пользу", возбуждая в детях дух народолюбия. Он целенаправленно занимался собиранием украинского фольклора с тем, чтобы в своей известной книге использовать воспитательные идеи, содержащиеся в народных песнях, сказках, думках, пословицах, загадках.

Духнович считал, что для верного восприятия окружающей действительности дети должны обладать развитым чувством, особенно эстетическим. А поэтому эстетическое начало должно быть и в трудовом воспитании. Работа на школьном участке, в саду, изучение ремесел, увлечение резьбой по дереву, лепкой, вышиванием, вязанием - все это в конечном итоге должно способствовать и эстетическому развитию детей. В "Народной педагогии" автор также рассматривал вопросы проведения школьных праздников с использованием народных песен, танцев и игр. Таким образом, А. В. Духнович внес существенный вклад в дело обогащения педагогического багажа учителей этнопедагогическими идеями и их применением в народных училищах.

Л. Н. Толстой

Своеобразным очагом педагогической мысли второй половины XIX века была Ясная Поляна - родина **Льва Николаевича Толстого** (1828-1910). Великий писатель был еще и замечательным педагогом, учителем яснополянских детей. Его педагогические взгляды целиком пронизаны любовью к народу, желанием улучшить благосостояние широких масс, особенно крестьянства. Он для своего времени считался защитником, "адвокатом" всего земледельческого населения России.

Толстой считал, что многие ошибки во взглядах на народную культуру связаны с незнанием жизни простых людей. "Мы даже не знаем, - писал он, - что нужно

рабочему народу, мы даже забыли его образ жизни, его взгляд на вещи, язык, даже самый народ рабочий забыли и изучаем его как какую-то этнографическую редкость или новооткрытую Америку".¹ Между тем он живет разносторонней жизнью. Несмотря на то, что трудящиеся явно недополучают и материального, и духовного, - подчеркивал Толстой, - физические и духовные преимущества целиком на стороне трудового народа, ибо люди труда - основа жизни всего общества. Труд является основой всех человеческих чувств. Жизнь трудового человека с его бесконечно разнообразными формами труда на земле, под землей, на море, с его борьбой с природными силами, с его разносторонними отношениями к окружающим людям не может быть названа однообразной. Следовательно, не может быть однообразным, бедным и его чувственный мир. Наоборот, отказ от повседневного труда приводит к обеднению чувств. "Круг чувств, переживаемых людьми властвующими, богатыми, не знающими труда поддержания жизни, гораздо меньше, беднее и ничтожнее чувств, свойственных рабочему народу".² Причину того, что нравственные и эстетические чувства народа имеют иное содержание, чем у правящих классов, следует искать в трудовом образе жизни масс.

Следует заметить, что Толстой от своих современников отличается прежде всего как педагог-эстетик. Он мастерски синтезирует народную эстетику с народной педагогикой, а поэтому никак нельзя обойти вниманием его отношение к эстетической культуре народа.

По Толстому, мнение о том, что для понимания прекрасного нужна известная подготовка, а поэтому простые люди не в состоянии воспринимать искусство и красоту, не что иное как "пошлый избитый парадокс". Если так, то тогда почему красота солнца, красота человеческого лица, красота звуков народной песни, красота поступка любви и самоотвержения доступны всякому и не требует подготовки? Если кому-то кажется, что кто-то или какой-то круг людей к искусству особого

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М., 1928-1958. Т. 25, с. 251.

² Там же. Т. 30, с. 86.

интереса не проявляет, то причину надо искать "в характере и направленности искусства", - рассуждает писатель как этноэстетик.

По его мнению, наибольшую ценность представляют произведения искусства, в которых отражены чувства, свойственные большинству людей. Такими являются именно произведения народного творчества. Всякий настоящий художник, стремящийся затронуть людей своими чувствами, должен учиться у народа. В его песнях, танцах, преданиях, сказках, вышивках, традиционных праздниках выражено все богатство эмоциональной культуры трудового человека. В них богатая житейская мудрость, светлые идеалы и самые искренние чувства.

Представления людей о прекрасном неоднородны. Следовательно, одни и те же явления действительности и произведения искусства вызывают у людей различный чувственно-эмоциональный отклик. То, что для одних считается красивым, для других может оказаться за пределами их эстетического внимания. Толстой здесь отмечает три основных фактора, влияющих на представление людей о красоте.

Первый - географические, природные условия, определяющие характер труда и жизнеустройства человека. Природа поставляет человеку предметы труда. В ходе труда, создания так называемой "второй природы" человек совершенствует себя, развивает эстетические чувства и вкусы. Вырабатывается вполне определенные представления о красоте природы, труда, вещественно-предметной среды. "Крестьянин-земледелец, всю жизнь пахавший и производивший хлеб, не признает красоту Кавказа и Альп, а признает красоту в ровном и голом черноземном поле".¹

Второй - национальная, этническая принадлежность людей. "Что считается красотой вообще в европейском мире, не считается таковою у индийцев, китайцев и наоборот".²

Третий - классовая принадлежность человека, влияющая на характер эстетического сознания. "То, что

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 294-295.

² Там же, с. 296.

считается красотой в богатом европейском кругу, не считается таковою среди европейских рабочих и крестьян и наоборот".¹

Толстой считал, что каждой исторической эпохе присущ свой идеал красоты, что вся история эстетики - это борьба за идеалы, замена одного идеала другим. В этом процессе участвует и народ. Он постоянно творит, развивает свою эстетику, совершенствует искусство. Одним из направлений этого процесса является заимствование демократических элементов у искусства высших сословий. При этом народ подвергает "это искусство богатых классов строгому выбору" и принимает "только то, что соответствует его требованиям". Пропуская через свое сознание то или иное произведение, народ перерабатывает его, приводит в соответствие со своим идеалом. В этом и заключается активность и устойчивость эстетического сознания народа.

Толстой-эстетик всю жизнь выступал против узости в понимании искусства. При этом часто прибегал к примерам из жизни простого народа, восхищался жанровым и тематическим разнообразием народного искусства. По его мнению, жизнь человека полна результатов творчества: от колыбельной песни, шутки, дразнилки, украшений жилищ, одежды, утвари до церковных служб, торжественных шествий. Все это тоже искусство. "Всегда были и есть архитектурные украшения на крышах, окнах изб в России, и вырезные скворешницы, и вырезные петушки на крышах и воротах, и вышивки узоров на полотенцах. Каждая девушка и женщина знают и поют десятки песен, ребята играют на гармониях, жалейках, балалайках. В каждой деревне водятся хороводы с драматическими представлениями, каждый работник знает, читал и слышал историю Иосифа Прекрасного, басни, сказки, легенды. Так это в России, так это и во всем мире".² Искусством является не только то, что разыгрывается на сценах театров, звучит в концертных залах, выставлено во дворцах и музеях, но

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 296.

² Там же, с. 254-255.

и то, что выходит из-под рук и из уст простонародия и радуется большие массы людей. К сожалению, как полагал Толстой, в высших кругах все это искусством не признается и интересуется только с исторической точки зрения. Сказки и легенды представляют тоже лишь археографический интерес. Песня, гармоника воспринимается как извращение музыки. Считается, что искусства в настоящем смысле в рабочем народе нет совсем, оно есть только в храмах, дворцах, в выставочных залах. На самом деле у народа замечательное искусство, произведения его бессмертны, потому что бессмертен сам народ. Игнорирование произведений народного творчества приводит к обеднению профессионального искусства, сужает круг почитателей последнего. "Отнимите у поэзии легенды, взятые из народа, в особенности у музыки народные мотивы, и как мало остается поэзии, в особенности у музыки остается очень мало".¹ По мнению Толстого, "самый лучший композитор - это народ". В народном искусстве - мудрость, идущая из глубины веков. Народ мыслит просто, красиво. Настоящая мудрость всегда немногословна. "Люблю определенное, ясное и красивое, и умеренное, и все это нахожу в наградной поэзии и языке, и жизни",² - признавался писатель.

Народ творит не ради вознаграждения, славы и почета. Его художественная деятельность всегда откровенна и искренна. Выражение своих сокровенных чувств, мыслей, удовлетворение от личного участия в создании красоты - вот что активизирует творчество простого труженика. И даже тогда, когда тяжелый, малопроизводительный труд слишком много поглощал человеческих сил, творчество не прекращалось. Связь труда и искусства становилась также тесной. И эта отличительная черта духовной жизни народа тонко была подмечена этноэстетиком Толстым. Восторгаясь пением женщин, идущих домой с полевых работ, он писал: "И все - и звук шагов, и свет солнца, и колебание висячих ветвей березы, и все, все как будто совершалось под песню".³

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 396.

² Там же. Т. 25, с. 278.

³ Там же. Т. 52, с. 30.

Толстой справедливо отмечал, что прежде чем заниматься искусством, люди должны быть сытыми, обеспеченными, а пока существует материальное неравенство людей, круг лиц, вовлеченных в искусство, остается ограниченным. Писатель твердо верил, что в истории России наступит такое время, когда создателем и ценителем искусства будет весь народ, художниками станут не отдельные "выбранные из малой части народа, а все те даровитые люди из всего народа, которые окажутся способными и склонными к художественной деятельности".¹

Таковы некоторые этноэстетические наблюдения Л. Н. Толстого, которые легли в основу нравственно-эстетического воспитания детей.

Нередко в педагогической литературе можно встретить высказывания об упрощенном взгляде замечательного педагога на дело воспитания. Это совершенно не соответствует действительности. Он стремился ко всестороннему развитию учащихся Яснополянской школы. "Учебный план этой школы по богатству и разнообразию знаний, сообщаемых детям, далеко опередил содержание обучения в начальных школах как в России, так и за границей. Толстой стремился дать детям широкое образование, развить физические силы, помочь выработать моральные взгляды, ввести их в мир искусства".²

Абсолютно беспочвенна попытка некоторых авторов рассматривать педагогическую деятельность Л. Н. Толстого несколько обособленно от общего процесса развития педагогики и школы в стране. Он был в курсе публикаций В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, К. Д. Ушинского, Н. Ф. Бунакова, Н. А. Корфа и др. Оригинальность Толстого, как педагога, заключалась в том, что он был слишком народен, близок к крестьянским детям, был весьма критичен в своих высказываниях о школьном деле, прозорлив и дальновиден. Например, те негативные тенденции школы, о чем говорил Толстой-учитель, имеют место и сегодня. Как

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 180.

² Вейкшан В. А. Л. Н. Толстой - народный учитель. М., 1959, с. 98.

он считал, пока дитя учится в школе, а потом в гимназии, происходит неузнаваемые изменения, и не всегда в лучшую сторону. "Девять десятых родителей, в особенности матерей, находят своих детей отчасти испорченными, **физически расслабленными** и отчужденными, с большим недоумением и грустью смотрят на своего измененного, чужим языком говорящего, чужим умом думающего, **курящего папиросы и пьющего вино**, самоуверенного и самодовольного Ваню".¹

Толстой высоко ценил роль религиозной веры в нравственном воспитании детей, возможно даже идеализировал, считая, что "религия есть единственное, законное и разумное основание воспитания".² В то же время выражал недовольство поведением православной церкви, всецело поддерживающей самодержавие, искажающей иногда учение Христа. Толстой считал, что именем Христа в церкви творятся и не благовидные дела, имеет место ложь, обман прихожан, элементы суеверия и колдовства. Именно по этим причинам, как он признался сам, Толстой отрекается от церкви. Но это вовсе не означало, что он отрекся от Бога. Наоборот он так же усердно работал над раскрытием и распространением сильных сторон религиозной морали среди детей, населения.

Таков Толстой, такова его гениальная натура, не всегда и не всем понятная, но весьма поучительная для нас и сегодня.

Полагая, что основы нравственности закладываются в раннем детстве, народный учитель важное значение придает семейному воспитанию. "Каждый педагог соглашается, - писал он, - что жизнь вносит свое влияние и до школы, и после школы, и, несмотря на все старание устранить ее, и во время школы. Влияние это так сильно, что большую часть уничтожается все влияние школьного воспитания"³.

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 250-251.

² Там же, с. 246.

³ Там же, с. 241.

По Толстому, воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем, и, в первую очередь, "заразительным примером, примером добра". Как смешны требования людей, "курящих, пьющих", ведущих нездоровый образ жизни, продолжающих жизнь не нравственную, но желающих "дать нравственное воспитание детям", замечал педагог. Дети будут слушать правила о нравственности, об уважительном отношении к людям, но бессознательно будут не только подражать, но и впитывать нормы поведения старших, своих родителей. Детский взор не может не видеть и не понимать, что семейные удобства целиком зависят от трудов отца и матери, что люди, живущие на деньги, отобранные от других, и заставляющие "этих других за эти деньги служить себе, живут безнравственной жизнью, и никакие проповеди их не избавят их детей от бессознательного безнравственного внушения, которое или останется в них на всю жизнь, извращая все их суждения о явлениях жизни, или с великими усилиями и трудом будет после многих страданий и ошибок разрушено ими"¹.

Воспитательный потенциал семьи кроется в ее трудовом, хозяйственном характере и желании отца и матери сделать своих детей такими же, какие они сами, или по крайней мере такими, какими бы они желали быть сами. По мнению Толстого, стремление это так естественно, что нельзя возмущаться против него. Ибо родители хорошо понимают, что они "более всякого другого будут зависеть от того, чем сделается их сын; так что стремление их воспитать его по-своему может назваться ежели не справедливым, то естественным."²

Нельзя не согласиться и с другим замечанием Толстого-учителя. Практическая сторона важна и в воспитании честности. По его мнению, "честность есть нравственная привычка"; чтобы приобрести ее, нельзя идти иным путем, как начинать с ближайших отношений в семье. "Выражение: "честные убеждения", - признается он, - совершенно бессмысленно: есть честные привычки, а нет честных убеждений."³

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 405.

² Там же, с. 245.

³ Там же, с. 330.

Воспользуясь случаем, обратим внимание на суждение великого моралиста о чести, выходящее уже за рамки семьи и школы. Честность нужна не одним только детям, родителям, она архиважна в делах государственных. "Слова "честные убеждения" только фраза; вследствие того-то эти мнимые честные убеждения, относящиеся до самых отдаленных жизненных условий - казны, государства, Европы, человечества - и не основанные на привычках честности, не воспитанные на самых ближайших житейских отношениях, оттого-то эти честные убеждения, или, вернее, фазы честности, оказываются несостоятельными в отношении к жизни."¹ (*Подч. мною - А. К.*)

Ну кто посмеет сказать, что Толстой устарел, его взгляды не современны. Нет. Он и сегодня для нас остается великим учителем.

Итак, вернемся к нашей основной теме, к воспитанию детей, хотя не нужно забывать, что и государственные мужи когда-то были детьми. По мнению Толстого, школьники - люди, хотя и маленькие, но люди, имеющие те же потребности, какие и мы, взрослые, и теми же путями мыслящие. Они интересуются многим. У них сильно развито чувство правды и красоты. Эти благородные чувства непременно должны быть использованы для достижения гармонии человеческих отношений. Такая постановка вопроса исходит из основного тезиса педагога-гуманиста: "Воспитывая, образовывая, развивая, или как хотите действуя на ребенка, мы должны иметь и имеем бессознательно одну цель: достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты и добра".² Такое гармоническое развитие нравственных качеств детей возможно только на основе свободного воспитания. В свободе нуждаются дети и в обучении. Как подчеркивал Толстой, для того, чтобы ребенок учился охотно, нужно, чтобы то, чему его учат, было понятно и занимательно. Первым необходимым условием для этого он считал, чтобы школа была народной, преподавание в

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 300-301.

² Там же, с. 266.

ней велось на родном языке. "Школа хороша только тогда, когда она осознала те основные законы, которыми живет народ".¹ Однако, чтобы школу можно было назвать народной, этого еще недостаточно. Школу, где русской грамоте учат по немецкому способу, народной не назовешь. Следовательно, народной должна быть сама методика преподавания. "Каждый народ и каждый язык имеют преимущественную связь с одною какой-нибудь методой. Чтобы узнать эту методику, нужно знать только, по какой методе дольше всего учился народ; метода эта в своих основных чертах будет наиболее свойственна народу".² (Подч. мною - А. К.). Иными словами, Толстой здесь предлагает методы народной педагогики и вводит правило: учить русскому языку "по народному способу". Самым целесообразным, понятным и удобным для начинающих учиться педагог считал пословицы, поговорки, загадки, сказки, былины. Ценность их заключалась в том, что они знакомили детей с языком, на котором говорит народ, и готовили их к изучению литературного языка. Создавая свою знаменитую "Азбуку", учитель добивался, чтобы язык ее был понятным каждому ребенку. Но и не только понятным, а также и хорошим, красивым. Толстой в ходе работы над этой книгой усердно собирал произведения устно-поэтического творчества, перечитывал различные сборники, а также словарь В. И. Даля. Таким образом, он проделал большую работу по отбору фольклорного материала. Из всего громадного количества собранного материала в "Азбуку" было включено около двухсот пятидесяти пословиц и загадок. Помимо этого он написал для детей множество рассказов, басен, сказок, сюжеты которых были взяты из фольклора. Педагог здесь тщательно выверял каждую пословицу, каждый свой рассказ как с точки зрения языка, так и с точки зрения развития ребенка, т. е. с учетом требований школы. "Перерабатывая их, придавая им легко доступную для ребенка форму, писатель сумел сохранить народный дух, ясный простой

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 74.

² Там же, с. 102.

язык - все те достоинства произведений фольклора, которые так высоко ценил".¹ К созданию "Азбуки" Толстой подходил с исключительно важной ответственностью. Сам педагог потом признавался, что каждая страница "Азбуки" ему стоила больше труда и имеет больше значения, чем все те писания, за которые его так незаслуженно хвалят.

Толстой считал, что развивать детей - значит давать им соответствующие чувства и понятия, из которых в свою очередь складывается миропонимание человека. Полезны и удобны в этом деле произведения фольклора, т. к. "народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках, рассеяна по всей России; частицы ее можно услышать то от одного человека, то от другого; а в целом они, дополняя друг друга, выясняют мировоззрение русского народа".² Знакомясь с народной мудростью, дети получают определенные сведения о связях между природными явлениями, предметами и вещами, сталкиваются с поступками людей, задумываются о мотивах их поведения. Фольклор богат и произведениями, которые развивают и умственные способности детей. Именно такие шедевры были включены в "Азбуку" и "Книги для чтения". Вот некоторые из них: "Месяц светит, копь солнца нет", "Не велика капля, а камень долбит", "Капля мала, а каплями море", "Ярки звезды к холоду", "Лето собирает, зима съедает"; "Без крыл летит, без ног бежит, без огня горит, без ран болит". - Ветер, тучи, солнце, сердце. "Без рук, без ног под окном стучится, - в дом просится". - Ветер. "Семьдесят одежек, все без застежек". - Капуста. "В тесной избушке ткут холсты старушки". - Пчелы. "Летит - воет, сядет - землю роет". - Жук. "Катились косточки по ясному мосточку, увидали зарю - пали в воды". - Звезды. "На дворе горой, а в избе водой". - Снег. "Дедушка без топора мост мостит". - Мороз. "О том кукушка кукует, что гнезда у нее нет".

¹ Зайденшнур Э. Е. Произведения народного творчества в педагогике Л. Н. Толстого. Яснополянский сборник. Тула, 1955, с. 152.

² Толстой Л. Н. Азбука: Новая азбука. М., 1978, с. 417.

"Азбука" богата весьма поучительными пословицами, поговорками, загадками о труде, трудолюбии, изделиях труда, предметах быта: "Труд человека красит", "Хочешь есть калачи, не сиди на печи", "Железом хлеба добывают", "Скучен день до вечера, коли делать нечего", "Не работа сушит - забота", "Богу молись, а к берегу гребись", "Десять раз примерь, один раз отрежь", "Тонко прясть, долго ждоть", "Наши пряли, ваши спали", "Хороший товар сам себя хвалит", "Кланяется, кланяется, придет домой - растянется". - Топор. "Сам дубовый, пояс вязовый, нос липовый". - Бочка. "Скоро ест, мелко жует, сама не ест, другим не дает". - Пила. "Брат брата трет, белая кровь идет". - Жернова и мука. "Два конца, два кольца - в середине гвоздь". - Ножницы. "Маленький Данилка в петелке удавился". - Пуговка. "Два брата глядятся, а вместе не сойдутся". - Пол и потолок. "Не шагает, а ходит". - Дверь. "Черненькая собачка свернувшись ляжет; не лаает, не кусает, а в дом не пускает". - Замок. "Лежит - ниже kota, встанет - выше коня". - Дуга.

Приглашая яснополянских детей в школу, Толстой любил говорить: "Мы все будем учиться!" Перед детьми не старался выгладеть великим, многозначущим человеком. Занятия свои строил на основе совместной работы с учениками. Много внимания уделял он развитию творческих способностей детей. О своих наблюдениях над творчеством своих воспитанников он писал в журнале "Ясная Поляна". Весьма неожиданной, возможно и сенсационной, оказалась для читателей журнала статья "Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?", в которой автор восхищенно описал опыт совместной работы над сочинением на свободную тему. Педагог признался, что он долго не мог зажечь творческую искорку у ребят. Сочинения их получались малоинтересными. Однажды, придя в школу под впечатлением от прочитанного им сборника русских пословиц, Толстой предложил сочинение на тему: "Ложкой кормит, стеблем глаз колет". Дети работали над сочинением с небывалым увлечением. Об одном из мальчиков, принимавшим участие в коллективном творчестве, учитель писал: "Глаза у него

блестели почти слезами. Размягченная и раздраженная его, в это время, душа чувством жалости, то есть любви, облекала всякий образ в художественную форму и отрицала все, что не соответствовало идее вечной красоты и гармонии. Я чувствовал, - заключает Толстой, - что с этого дня для него раскрылся новый мир наслаждений и страданий - мир искусства".¹ Радостно было и ему самому, писатель-педагог признавался, что вдруг, совершенно неожиданно, открылся для него тот философский камень, который он тщетно искал два года, - искусство учить выражению мыслей. Таким камнем для Толстого оказалась **народная мудрость**. Так начались в Яснополянской школе сочинения на тему пословиц. В руках талантливого учителя жемчужины народной мысли стали важным средством вовлечения детей в художественное творчество.

Организовав школу для яснополянских детей, Толстой отказался от шаблонных школьных порядков того времени, стремился приблизить режим учеников к естественным условиям жизни детей, считал важным, чтобы учащиеся в школе вели себя свободно, просто, непринужденно, относились друг к другу с доверием. Этому во многом способствовало поведение и самого учителя, его отцовская забота по отношению к детям. В русле этих гуманистических принципов была подобрана народная мудрость, передающая идею дружбы и товарищества, чести и справедливости, воспевающая нравственную красоту человека. Пословица гласит: "Друга ищи, а найдешь - береги", "Неизведанный друг нехорош для услуг", "Старый друг лучше новых двух", "С глупым водиться, сам поглупеешь", "Рука руку моет, и обе белы живут", "Не рой другому яму, сам упадешь", "Если изверишься в алтыне, не поверят и в рубле", "Правду, как шило, в мешке не утаишь".

Немало поучительного для детей содержат пословицы, напоминающие о жизни, молодости и старости, о воспитанности, пользе грамоты и знаний. "Век прожить - не поле перейти", "Люди надеются до самой смерти",

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 319-320.

"Тише едешь, дальше будешь", "В чужие сани не садись", "В радости сыщут, в горе забудут", "Локоть близок, да не укусишь", "Рано пташка запела, как бы кошка не съела", "Знай сверчок свой шесток", "Юноши думают о будущем, старики о прошедшем", "Ученье свет, неученье тьма", "Око видит далеко, а мысль еще дальше", "Чужая беда не дает ума", "Ворон за море летал, а умней не стал", "У семи нянек дитя без глазу", "Юность не грех, старость не смех", "Не годы старят - горе".

В каждой пословице глубокая мысль, выстраданная народом. Даже одной пословицы достаточно, чтобы побеседовать с детьми или написать сочинение. Каждая несет вполне определенную воспитательную нагрузку. Вот еще несколько примеров: "Хлеба ни куска, так в тереме тоска", "Есть, что слушать, да нечего кушать", "Из худого кармана последний грош валится", "Бедность учит, счастье портит", "На бога надейся, сам не плошай", "Волки и злые люди ходят и озираются", "Вор, что заяц - и тени своей боится", "У страха глаза велики", "Собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает", "Двое плешивых за гребень дрались", "Ложкой кормит, стеблем глаз колет".

Несколько иные нравственные качества человека раскрываются в эпических произведениях, которыми завершаются "Книги для чтения" педагога. Персонажи народного эпоса Святогор, Вольга, Микула Селянинович становились любимыми героями детей. Они по нескольку раз перечитывали былины, заучивали наизусть, в играх и разговорах давали друг другу прозвища из древних былин и песен. Русские богатыри показаны людьми сильными, отважными, горячо любящими народ, свою родину. По мнению Толстого, былины весьма удобны как для привития детям "художественного чувства поэзии", так и для усиления чувства **патриотизма**.

Создавая книги для детей и разрабатывая учебный план, народный учитель стремился охватить "живые суждения самого народа", богатство и красоту народной поэзии. Толстой признавался, что он годами бился, стараясь увлечь учеников поэтическими красотами Пушкина, но напрасно. "Стоило случайно открыть

сборник Рыбникова, - поэтическое требование учеников нашло полное удовлетворение".¹ Художественному вкусу крестьянских детей более соответствовали книги, "писанные из народа", т. е. сборники фольклорных произведений.

Такое широкое общение с народной поэзией помогало решать и задачи эстетического воспитания, развивая у детей эстетическую наблюдательность, чувство цвета, света и формы. Пословица напоминает: "Красна птица пером, человек умом", "Где цветок, там и медок", "И пчела летит на красный цветок", "Это только цветочки, а ягоды впереди", "На чужой земле и весна не красна", "Выйдет красно солнце, уйдет светел месяц", "Эту песенку ты дурно спел". "Как глядишь, так и видишь", - говорят в народе, когда хотят подчеркнуть индивидуальные особенности при оценке явлений действительности, вещей и предметов. Что же касается загадок, то они еще весьма хороши для пробуждения образного мышления детей. "Что краше света, что выше леса, что чаще леса? - Краше света - красно солнышко, выше леса - светел месяц, чаще леса - чисты звезды". "Синий цветочек, мал малышочек, мясо бросят, а шкуру носят; в землю малый ушел, в синей шапке пришел". - Лен. "Синенька маленька скачет - всех людей красит", - Иголка. "Маленёк, удаленек, сквозь землю прошел, красну шапочку нашел". - Гриб. "Сидит баба на грядках, вся в заплатах; кто взглянет, тот заплачет". - Луковица. "Маленький Ерофейка подпоясан коротенько, по полу скок-скок, по лавкам скок-скок и сел в уголок". - Веник. "Живой мертвого бьет, а мертвый во всю глотку орет". - Колокол. "Два брюшка, четыре рожка". - Подушка. "Маленький, кругленький, а за хвост не поймаешь". - Клубок.

В былинке "Сухман", которой завершается вторая Книга для чтения, есть строки: "Тут Владимир-князь, красно солнышко, сам по горенке он похаживает, желтыми кудрями он потряхивает". "Красное солнышко", "желтые кудри" здесь постоянные эпитеты, характерные для

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 222.

русской народной поэзии. Таковы нормы народной эстетики. "Красный" - значит красивый. Именно в этом смысле нужно понимать "красную девицу", "красный угол", "красную площадь".

Л. Н. Толстой внимательно следил за состоянием народного образования в европейских странах, имел возможность сравнивать с делами у себя в России; положительный опыт других использовал в своей школе. Уроки рисования и музыки в ней преподавались по методике передовых зарубежных школ. Изучалась нотная грамота, разучивались песни, устраивалось слушание музыки. По мнению Толстого, музыка, пение - лучшие средства передачи настроения и чувств. Песня сопровождала детей и во внеурочное время, в играх, во время прогулок. Толстой тепло вспоминал, как он однажды вместе с детьми возвращался с купания. Всем было весело. И вдруг один крестьянский мальчик запел какую-то протяжную мужицкую песню, - да как запел! - с чувством, раздыхом, с подкрикиванием. Его подхватили еще два мальчика. "Один ладил то в октаву, то в сексту, другой в терцию, и вышло отлично. Потом пристали другие мальчики, стали петь: "Как под яблоней такой".¹ Так родная песня помогала детям развивать свои способности, приобщала к коллективным формам музыкального исполнительства. Как считал Толстой, дети должны петь в первую очередь ради наслаждения музыкой. Частые концерты в школе и в других общественных местах вовсе не обязательны. Они могут привести некоторых ребят к тщеславию.

По мнению Толстого, каждая школа должна стать своеобразной педагогической лабораторией, а учитель должен быть человеком ищущим, творческим. Эстетико-педагогический эксперимент самого Толстого, проникнутый этнопедагогическим подходом, оказался весьма удачным. И осуществился он не сепаратно, не обособленно, а в русле общего потока решения проблемы народности в школе. Именно **этнопедагогические идеи** помогли создать школу, отвечающую требованиям как

¹ Толстой Л. Н. Пед. соч. М., 1953, с. 226.

самих детей, так и родителей, укрепить связь школы с жизнью простых людей. В школе этой опытным путем были раскрыты и доказаны воспитательные возможности педагогической и эстетической культуры народа. Яснополянская школа, основанная на идее народности, свободы, любви учителя и ученика, - была школой высокой нравственности, школой любви к людям, к народу, к Отечеству.

Народники

В общественной мысли России последней трети XIX века видное место занимала народническая идеология. Это было время, когда пропаганда идей социализма была значительно ослаблена. Не стало Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, а Н. Г. Чернышевский находился в ссылке. В этих условиях проповедниками идей социализма и защитниками интересов крестьянства выступили народники во главе с **Петром Лавровичем Лавровым** (1823-1900), **Петром Никитичем Ткачевым** (1844-1885) и **Николаем Константиновичем Михайловским** (1842-1904).

Народническая идеология - это целостная система взглядов, теорий и идей, охватывающих все основные направления духовной жизни общества: политику, право, философию, социологию, науку, мораль, религию, педагогику, искусство и т. д.

Руководствуясь идеей "хождения в народ" с целью поднятия его на борьбу с самодержавием, народники важное значение придавали работе с молодежью. Как не раз подчеркивал Михайловский, у него, как у старого человека, сердце всегда болело за молодость. Для идеологов народничества характерен широкий, глубоко исторический взгляд на дело воспитания. Достаточно сказать, что их творческое наследие содержит немало строк, посвященных педагогическим идеям Коменского, Руссо, Дидро, Вольтера, Песталацци, Шиллера, Локка, Ушинского, Корфа, Столыпина, Бунакова, Менделеева, Евтушевского. Ряд специальных работ посвящен педагогике Л. Н. Толстого. Особенно плодотворно работал в этом отношении Михайловский.

Не соглашаясь с педагогами и эстетиками, утверждавшими, что человек совершенен от рождения и обладает врожденной способностью наслаждаться прекрасным, народники выдвигают положение о том, что сознание, в том числе и эстетическое, есть результат воспитания, воздействия окружающей среды, общественной жизни в целом. Как полагал Михайловский, сознание, в том числе представления и понятия о добре и красоте, у человека могут формироваться и "инстинктивно, всасывая известную атмосферу всеми порами своего существования с раннего детства или даже унаследовав свои воззрения от предков".¹ (*Подч. мною - А. К.*)

Что же может унаследовать молодое поколение от своих предков в смысле духовного развития? Прежде всего традиционную культуру народа. И здесь "инстинктивно" нужно понимать не в его прямом смысле, а в плане непринужденного, естественного воспитательного воздействия культурных ценностей и самих предков.

Такая вера в воспитательные возможности народной культуры исходит от правильного понимания исторической роли трудящихся масс. По мнению народников, именно народ создает те материальные условия, на основе которых процветает духовная жизнь общества и всей науки. Трудящийся люд "поит, кормит, одевает, оберегает нас, - писал Михайловский, - сам в то же время оставаясь в нищете, в грязи, в невежестве".² Наслаждения умственной деятельностью, искусством, политической деятельностью, характерные для людей цивилизованного круга, поддерживаются материальной обстановкой, позволяющей им иметь полную возможность развивать свои таланты, с малых лет учиться, посещать заграничные университеты. Именно народ создает им хорошую возможность заниматься творчеством, особенно не затрудняя себя заботами о материальной стороне жизни. В то же время народ для них все еще остается "таинственным незнакомцем".

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 1, Спб., 1906, с. 139.

² Там же. Т. 6, Спб., 1897, с. 393.

Народник Михайловский главные заслуги славянофилов и Толстого видит именно в том, что они подняли множество чрезвычайно любопытных и в высшей степени важных вопросов, касающихся духовной жизни народа. В работе "Десница и шуйца Льва Толстого" он приводит те строки, где великий писатель говорит о том, что в поколениях работников лежит и больше силы, и больше сознания правды, и добра, чем в поколениях баронов, банкиров и профессоров, что народ без своих господ мог бы жить и удовлетворять всем своим человеческим потребностям, как-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественные произведения и другие культурные ценности.

По Ткачеву, у народной массы есть свои интересы, созданные и обусловленные известным строем ее хозяйственных отношений; интересы же порождают в ней известные желания, стремления, в том числе и в сфере культуры.

С точки зрения идеи народности особую ценность для нас представляют этноэстетические наблюдения народников, подхвативших и продолживших линию своего учителя Н. Г. Чернышевского. Особенно это касается учения об эстетическом вкусе и идеале.

По Ткачеву, эстетический вкус, как продукт всего психического развития человека, воспитывается жизнью, условиями данного общественного строя, данной социальной среды. "Усовершенствуйте последние, и вы усовершенствуете и первый!" - призывал народник.

На эту специфику эстетического вкуса обращал внимание и Михайловский. По его мнению, в области эстетики и воспитания есть один беспокойный элемент, чрезвычайно затрудняющий всякие объективные теоретические построения. Это - вкус. Ибо вкусы не постоянны, единых норм для оценки красоты не существует. Как считал Ткачев, "то, что один народ, даже один класс народа признает за воплощение красоты, для другого народа или для другого сословия того же народа может совсем не иметь такого значения".¹ В этом

¹ Ткачев П. Н. Сочинения в 2 томах. Т. 1, М., 1975, с. 554.

же русле рассуждал и Михайловский, считая, что понятия о красоте древнего грека, индуса, средневекового монаха, современного итальянца, голландца, китайца, француза, представителя высших слоев общества, русского крестьянина хотя и имеют некоторые общие пункты, но в общем совершенно различны.

По наблюдениям народников, этноэстетические особенности вкуса видны везде: в оценке природных явлений, человека и его поведения, в быту, в искусстве и т. д. Например, русскому человеку, воспитанному на ровном, плоском пейзаже, в узкой швейцарской долине, обрамленной высокими горами, и тесно, и душно. Душа его просится на простор.

Весьма контрастны также представления людей о человеческой красоте. По Ткачеву, для верного понимания красоты человеческой внешности у различных народов нужен кропотливый, всесторонний анализ условий жизни людей. А поэтому человеческая красота не воспринимается одинаково даже в рамках самого европейского круга; например, идеал женской красоты русского купца или крестьянина и какого-нибудь парижского франта диаметрально противоположны.

Как заметил Михайловский, идеалу красоты русского мужика абсолютно чужды элементы идеальной красоты высших слоев европейского общества: бледное или со слабым румянцем лицо, прямой лоб, мало развитые скулы, тонкие кости, маленькие ручки и ноги, томные или страстные глаза и т. д. "Десять идеальных красавиц высшего круга он (русский мужик) отдаст за одну умеренно полную бабу с здоровыми руками и румянцем во всю щеку".¹ Такой сословный подход заметен и в жизни, и в устном поэтическом творчестве народа: в мифах, былинах, сказках, песнях. В них сосредоточена народная мудрость. "Народная поэзия стоит не ниже, если во многих случаях не выше произведений личной фантазии художника".² - заключал Лавров. В то же время народники предупреждали о необходимости критического подхода к явлениям народной культуры, предо-

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 1, Спб., 1906, с. 139.

² Лавров П. Л. Философия и социология. Т. 1, М., 1965, с. 532-533.

стерегали исследователей от слепого народничества, полагающего, что все находимое в народе есть истина.

Ответ на поставленный чуть выше вопрос о том, что может наследовать молодое поколение от своих предков, становится вполне очевидным - может наследовать как материальные, так и высокие духовные ценности.

Как и революционные демократы, народники выступили за воспитание молодежи, готовой включиться в борьбу с самодержавием за раскрепощение трудящихся. Детей надо воспитывать в народном духе, приобщая их с раннего детства к народному искусству. Разбирая детские рассказы, написанные в народном стиле, сборники сказок, Михайловский в первую очередь обратил внимание на воспитательную сторону сказок. По его мнению, прежде чем предложить детям ту или иную сказку, надо быть немного еще и педагогом, главное - знать самих детей. Рецензируя книгу Н. Полевого "Народные русские сказки" (полное название - "Народные русские сказки в изложении Н. Полевого с рисунками И. Панова, исполненными в Париже"), Михайловский с сожалением отмечает, что книга эта довольно дорогая и подарить ее детям смогут только очень богатые люди. Но и то недурно: пусть богатые люди смолоду узнают народную русскую поэзию, мораль и мудрость, насколько они осели в сказках. Далее народник начинает рассуждать именно как педагог. Он говорит, если сказки, изданные г. Полевым, действительно написаны для детей, то был бы очень благодарен объяснившему: как дети поймут сказки вроде "Кривды и Правды", "Слепцов", "Морозки", "Фомы Беренникова"? Прочтут ли они их просто как сказки, в том смысле, в каком часто употребляется это слово в просторечии, - прочтут и не зацепятся в них своею маленькой душой ни за какие сомнения и противоречия? Или же сказки эти должны что-нибудь говорить детской душе, помимо собственно фантастического рассказа? Если да, то что именно, **какие понятия** или **какую мораль** могут они извлечь из этих сказок? Словом, Михайловский здесь выдвигает ряд важных педагогических вопросов, которых должны были иметь в виду авторы сказок и составитель сборника.

Народ в сказке зачастую выражает свою многовековую мечту. Такова, по Михайловскому, и сказка о кривде и правде. Как все лучшие сказки, она с трогательной наивностью выражает одно - народ хочет жить правдой, трудом праведным. Таков его сказочный идеал. Народ не аскет. Он хочет жить нормальной жизнью. Он не понимает правды, вознагражденной туманностями. Он, например, влагает в уста своего правдивого героя некоторое, очень впрочем слабое, презрение к земным благам, но не забывает наградить его в конце сказки благами, вполне осязательными. Вот два базиса русской народной сказки: желание жить правдой и желание жить, а не прозябать. Сочетаниями этих двух желаний исчерпывается все разнообразие положений, лиц, мотивов, тем сказки. Закон сочетания элементов народной сказки прост, но он, по мнению Михайловского, поддается не всем. Чтобы полнее оценить достоинство народной сказки, надо поставить с ней рядом какую-нибудь подделку, какую-нибудь сказку, специально написанную для народа. Материала для такого сопоставления предостаточно. "Наивных людей, воображающих, что эта задача очень простая, что образованному человеку стоит только взять лист бумаги и перо для создания якобы народной сказки, - таких людей развелось немало".¹ (Подч. мною - А. К.). Многие авторы, работающие "под народ", как считает Михайловский, обыкновенно преисполнены самых благих намерений и влагают в сказку более или менее высокое поучение, но в своем высокомерии они не подозревают, что играют чисто шутовскую роль. Как бы они сами не старались, сказки их не лишены фальши. Народ, даже дети, это обязательно заметит. Слишком близка это форма народу, слишком он в ней знаток, чтобы не заметить фальши подделки. Народник подробно разбирает сказку "Морозко", считает ее прелестной, ибо она сверкает "лучами красоты и величия народной фантазии". Она весьма жизненна. Коллективный, безвестный творец "Морозко" - народ не мог впасть в грубую фальшь. В нем для этого слишком сильно **чувство**

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 2, Спб, 1896, с. 721.

красоты и справедливости. "Морозко" есть широчайшая аллегория, в которую чуть ли вся русская жизнь вместиться может. Сказка эта по достоинству не оценена не только людьми цивилизованными, но и самим народом. "Впрочем жизнь представляет немало примеров такого непонимания народом своего собственного величия",¹ - заключает народник.

Таким образом, Михайловский к сказке, как одному из главных средств народной педагогики, предъявляет весьма высокие воспитательные требования. Какую мораль и какую красоту несет сказка - вот что больше волнует народника. Он по-отцовски озабочен тем, какие идеалы может нести русская народная сказка детям. В этой связи представляет интерес еще одно замечание народника. Михайловский обращает внимание на народные представления о "золотом веке", будто бы имевшим место в далеком прошлом. По его мнению, обращение за идеалом назад, в более или менее глубокую и всегда неопределенную даль истории, в основном распространено среди простого люда. Все им кажется, что когда-то люди были сильнее, здоровее, богаче, красивее, добродетельнее и т. д. То в форме сказок о богатырях и их привольном житье, то в преданиях о золотом веке это верование распространено решительно по всему земному шару и по всей истории человечества. На самом деле, подчеркивает народник, "не только никакой золотой век никогда не существовал, но что чем дальше мы будем продвигаться в прошедшее, тем большую встретим слабость, беспомощность человека, тем больше найдем мрак и грязь".²

Идеалы народников устремлены в будущее, которое они видели в социализме. Тогда, как считал Лавров, небывалого простора получит свобода слова, по-другому зазвучат песни и сказки. Критикуя существовавшую систему народного образования, народники указывали на то, что многие противоречия воспитания связаны с политикой царского самодержавия.

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 2, Спб, 1896, с. 710.

² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3, Спб., 1909, с. 724.

Бесспорно, одной из сильных сторон народнической педагогики является ее демократическая направленность, стремление решать проблемы образования и воспитания с учетом интересов трудящихся масс. Придавая важное значение роли народного художественного творчества в развитии ребенка, народники сформулировали свое основное педагогическое требование - обратить особое внимание на то, какие **понятия** и какую **мораль**, какие **чувства** и **идеалы** несут детям народные песни и сказки. В оценке произведений писателей, работающих "под народ", они руководствовались именно этим требованием. Заслуживает внимания их стремление раскрыть воспитательные возможности народной эстетики, вести работу воздействием **через чувства к мысли**. В этом и видится приверженность народников к этнопедагогическим идеям.

Последователи этнопедагогических идей К. Д. Ушинского

Одной из выдающихся заслуг К. Д. Ушинского является то, что он дал мощный толчок развитию передовой педагогической мысли, способствовал идейному сплочению прогрессивных педагогических сил России.

Принцип народности, разработанный Ушинским на основе глубокого проникновения в духовную жизнь народа, в значительной мере определил место и роль педагогического наследия народа в воспитании подрастающего поколения. Многие русские педагоги - последователи К. Д. Ушинского - в своих теоретических работах, а также и непосредственно в практической деятельности так или иначе обращались к этнопедагогическим идеям своего учителя. К числу таких педагогов в первую очередь следует отнести **Василия Ивановича Водовозова** (1825-1886), **Владимира Яковлевича Стоюнина** (1826-1888), **Николая Александровича Корфа** (1834-1883), **Дмитрия Дмитриевича Семенова** (1834-1902), **Виктора Петровича Острогорского** (1840-1902), **Николая Федоровича Бунакова** (1837-1904) и др.

По мнению Н. Ф. Бунакова, К. Д. Ушинский "был

настоящим "солнцем" для русской школы: он первый провозгласил и развил у нас идею о необходимости слияния в учебно-воспитательном деле отвлеченных общечеловеческих начал с живым народным началом".¹

Следует заметить, что общественно-педагогическая деятельность названных педагогов протекала в разное время и в различных условиях. Несмотря на это, в их педагогических трудах и практической работе обнаруживается немало общего. Это прежде всего критическое отношение к существующей системе образования и воспитания, страстное желание двигать вперед "просвещение родной земли" (В. И. Водовозов).

Демократическая направленность деятельности этих педагогов не всегда укладывалась в рамки существующих положений и циркуляров. Любое отклонение от требований вышестоящих органов становилось предметом особого внимания министерства народного просвещения. Такие педагоги и учителя преследовались, вокруг них создавалась атмосфера недоверия и травли. Так было с К. Д. Ушинским и его соратниками В. И. Водовозовым, Д. Д. Семеновым, Л. Н. Модзалевским, так было и с В. Я. Стоюниным и Н. Ф. Бунаковым. Словом, передовая педагогическая мысль пробивала себе дорогу через массу трудностей. Тем не менее последователи Ушинского оставались верными своим идеалам и в значительной мере умножили дело своего учителя.

Как и Ушинский, русские педагоги второй половины XIX века важное значение придавали идеалу совершенного человека. Особенно много внимания уделяли этому вопросу Стоюнин и Бунаков. По их мнению, идеалы и идеальные стремления могут быть как у отдельного человека, так и целого общества, народа. Идеалы не постоянны; они перерабатываются, обновляются, т. е. постоянно меняются. Как в народной жизни поколения сменяются поколениями, так и идеалы сменяются идеалами. Смена идеалов свидетельствует о том, что общество не стоит на месте. Как отмечал Стоюнин, чем реже бывает смена идеалов, тем больше застоя замечается

¹ Бунаков Н. Школьное дело. Спб., 1906, с. 225.

в обществе или народе. По мнению Бунакова, во имя идеалов кипит работа, идет борьба, приносятся жертвы, а они все манят вперед и вперед. "И чем отчетливее, возвышение и благороднее идеалы, господствующие в обществе, тем более движения, нравственного достоинства, благородства, человечности в жизни, совершающейся под их влиянием".¹ Словом, идеальная жизнь приводит в движение жизнь реальную, не позволяет ей застояться, застыть, заглохнуть, а постоянно волнует, воодушевляет и толкает ее вперед. Но в жизни не всякий идеал может иметь разумное значение. Как заметил Стоюнин, отвлеченно можно создать какие угодно идеалы, но дело в том, что для нас имеют значение только те, которые создались на основании действительности. Каждый истинный идеал **возвышается современностью**. Как бы ни казалась современность противоположной идеалу, при внимательном рассмотрении ее не трудно заметить, что именно она дает идеалу жизнь и значение, и "составляет его действительную почву; иначе идеал должен быть фантастическим, воздушным призраком".² Такой идеал плохо служит жизни. Человек не существует отвлеченно, а существует в жизни, при известных условиях, привязан к конкретной местности, имеет свою историю, свои потребности. По мнению Стоюнина, идеал обыкновенно развивается "тою своею стороною, которая слабо развита в действительности; недостаток в ней тех или других качеств восполняется в идеале. Вот эта-то сторона для нас и важна, чтобы обратить на них внимание при воспитании".³

Бунаков говорил, что для успешного воспитания подрастающего поколения надо определить хотя бы самые существенные черты того идеала, которые должна иметь в виду русская народная школа, указать на те средства, которыми школа владеет и может пользоваться для достижения этого идеала.

¹ Бунаков Н. Школьное дело. Спб., 1906, с. 157.

² Стоюнин В. Я. Педагогические сочинения. Спб., 1911, с. 106.

³ Стоюнин В. Я. Избр. пед. соч. М., 1954, с. 64.

Воспитание имеет дело с конкретным человеком, с человеком известной народности. Поэтому немецкая школа готовит к жизни именно немецкого человека, французская - французского, русская школа должна подготовить русского человека. Раз так, то нам нужны знания и понимание именно русского человека "с его народными особенностями, с народным складом ума, с народными идеалами, верованиями, упованиями, зависящими как от естественных условий страны, им обитаемой, так и от своеобразного пути его постепенного исторического развития".¹ Для знания духовного мира русского человека, народных идеалов необходимо обратиться к родному языку и родной словесности, созданными народным творчеством. "Родной язык, с его словесностью - сокровищница, в которой ярко и полно сказывается народная душа, со всем ее содержанием. Изучая и усваивая язык народа, мы усваиваем не случайные и условные звуковые сочетания, нет, из языка мы, так сказать, пьем, вбираем в себя духовную жизнь и силу народа, как питательное молоко из груди матери".² (Подч. мною - А. К.). Школа должна воспитывать человека - гражданина, юного патриота, любящего свою землю, свой народ. Бунаков отмечал, что в детях уже есть зародыш любви к отечеству и школе, остается только способствовать правильному развитию этого зародыша, осветить, осмыслить непосредственное чувство, изучая родную страну с ее жизнью и расширяя личные интересы ученика до интересов общества.

Воспитание гражданина должно быть пронизано идеей народности, которая бы сближала юношей с массой и заставила бы их "входить в ее интересы". В учениках надо развивать чувство народности. Другой чертой идеала воспитания должна быть любовь и уважение к труду, без которого немислима разумная жизнь современного человека. Помимо трудолюбия, чувства народности и любви к отечеству будущий "гражданин своей земли" (В. Я. Стоюнин) должен обладать

¹ Бунаков Н. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 99.

² Там же, с. 90.

разумной сдержанностью, обдуманностью в поступках, критическим отношением к самому себе, способностью входить в общественные интересы, ставя их выше личных. Таков идеал человека-гражданина, который должен стать ориентиром для школы и учителя.

Первым обязательным условием для достижения этого идеала должна быть развитая система воспитания, пронизанная народностью, т. е. необходимо толковое изучение родной природы, отечественной истории и географии, родного языка и поэтического материала, несущего живую печать народного духа. Воспитание без народности "не имеет жизни и не приносит желаемых плодов". Принцип народности исходит из требований самой жизни и наилучшим образом способствует решению основной задачи школы, которая "заключается в том, чтобы воспитывать и обучать детей, ей вверенных, к предстоящей жизни, - хоть маленьких и простых людей, вышедших из чернорабочей среды, но все-таки людей в полном смысле слова".¹ Этого можно достичь, приближая процесс воспитания к реальной жизни, а не отвлекаясь на разные модные идеи. Воспитание должно быть народным. Таковым его делает именно "воплощение общечеловеческих начал в народные формы, применение их к родному языку и к народной жизни, с ее содержанием и живыми потребностями".² (*Подч. мною - А. К.*)

Родное слово. Человек научился пользоваться словом так же легко, как, скажем, воздухом при дыхании, не думая при этом о значении самого воздуха. Человек до такого виртуозного владения словом, языком дошел долгим, мучительным путем, примерно также, как осваивает язык младенец. На самом деле каждое слово, не говоря уже о языке в целом, есть ценность, созданная творческим гением народа. В языке отражена вся жизнь народа, и материальная, и духовная. Не случайно школы всех народов мира начинались именно с родного языка. С него же начиналось познание своего народа, формирование национального самосознания.

¹ Бунаков Н. Школьное дело. Спб., 1906, с. 5.

² Там же, с. 11.

В. И. Водовозов отмечал, что родной язык является "орудием высшей нравственной силы в человеке", зеркалом, отражающим "все явления нашей внутренней жизни, средством, возбуждающим к деятельности идею добра и красоты".¹ К языку надо относиться бережно. В своей работе "**Русская народная педагогика**" (1861) Водовозов анализирует книги, изданные для народных училищ и для народного чтения и с возмущением отмечает наличие небрежного обращения с языком, говорит, что язык книг должен быть ясным, доступным детям и простым людям, упрекает авторов, которые подделывают свой язык "под тон и манеру" народного языка; но сам народ на эти подделки смотрит как на насмешку, а поэтому снижается и воспитательная сторона книг, ибо "мораль в них не исходит от сердца". Страдает и историческая сторона, в них мало сказано об истории народа, они пестрят псевдопатриотическими разглагольствованиями.

Как полагал Бунаков, родной язык с его словесностью есть тот учебный предмет, которым вносится в учебно-воспитательный процесс "живое народное начало", потому что в нем-то, в родном языке, как в сокровищнице, созданной и накопленной творческой силой всего народа, и сказывается полно и ярко "народная душа с ее заветами, идеями, чувствованиями, верованиями, упованиями, с ее идеальными представлениями и стремлениями".² Мысль о великой педагогической силе родного языка получает особую остроту в условиях школы. Ребенок, легко и незаметно овладевая родным языком, вместе с тем также легко и незаметно учится наблюдать и мыслить, сравнивать, обобщать и делать выводы, чувствовать и отдавать отчет о своих чувствованиях и желаниях; "язык, следовательно, развивает его умственную силу и воспитывает его чувство, притом научая и приучая его мыслить и чувствовать в духе народа, создавшего этот язык".³ (Подч. мною - А. К.). По мнению Бунакова, школа должна придавать родному языку значение **центрального**

¹ Водовозов В. И. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 39.

² Бунаков Н. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 170.

³ Там же, с. 100.

предмета. Учитель, в свою очередь, должен добиваться, чтобы каждый урок, независимо от содержания, непременно был уроком родного языка. Изучение словесности и языка в то же время "развивает педагогическую силу работников учебно-воспитательного дела, дает этим работникам массу драгоценного материала для воспитания и воздействия на подрастающее поколение", раскрывая силу и красоту родного языка. Ибо язык вносит определенную ясность и в вопрос: что такое красота? И эта эстетико-педагогическая функция родного языка в более развернутом виде просматривается в художественной словесности, всесторонне и ярко отражающей идеальную жизнь народа. На это же чуть раньше указывали Водовозов и Стоюнин.

Как считал Водовозов, в учащихся должно быть выработано сочувствие к народу, основанное на верном понимании его положения, его нравственных сил и деятельности. Большую помощь здесь школе могут оказать произведения устного поэтического творчества. А поэтому, по мнению Стоюнина, особое внимание должно быть обращено на литературу народную. Такого же мнения придерживался и Семенов. Книгу Ушинского "Родное слово" он назвал лучшей книгой для народных школ. Такой она являлась потому, что в ней умело использованы шедевры русского фольклора как животрепещущие проявления родного слова, вылетевшие прямо из его живого глубинного источника - вечно юной, вечно развивающейся души народа.

Последователи Ушинского оставили немало интересных наблюдений и высказываний о педагогической целесообразности того или иного конкретного фольклорного жанра. Особое предпочтение они давали загадкам, пословицам, сказкам и песням.

Загадки особенно занимательны для учащихся младшего школьного возраста. В ходе чтения и заучивания загадок, пользуясь методом сравнения, дети привыкают к определению сходных и различных признаков, к более полному восприятию предмета в целом. По словам Бунакова, работа над загадками развивает сообразительность, находчивость, остроумие, гибкость ума. Что же касается

пословиц, то они, в отличие от загадок, содержат в себе больше смысла и требуют больше объяснений. Как удачное, короткое, складное и по большей части образное выражение житейской истины, пословицы хорошо передают сочность и красоту языка. По наблюдениям Семенова, дети охотно "заучивают ряд пословиц наизусть и тем увеличивают сокровищницу своего языка чрезвычайно меткими, характеристичными и образными выражениями нашей народной речи".¹ Не случайно еще Водовозов, ратуя за включение пословиц в книги для чтения, считал, что пословицы необходимо выбирать из данной местности, на том наречии, на котором говорит народ.

Воспитательная роль пословицы и ее педагогическая целесообразность стали еще более очевидными после выхода в свет статьи Водовозова "Правда в пословицах" (Солдатская беседа. 1863, № 2). Работа эта, сотканная целиком из народной мудрости, удачно раскрывает смысловую нагрузку пословицы, показывает возможности последней в передаче жизненной правды, идущей из глубины веков. "Старая пословица не даром молвится", "На пословицу, да на правду - и суда нет", "Правда не в миру стоит, а по миру ходит", "Правда в лаптях, а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах", "Правда уж прежде нас умерла и отошла к богу", - читаем мы в начале статьи Водовозова. Далее идут пословицы другого содержания.

О счастье, богатстве и бедности. "Счастье - вольная птичка: где захотела, там и села", "Все толкуют о добре, все любят добро, да не всех любит оно", "Правду говорят, что жить в добре и красне хорошо и во сне", "Да уж так на свете устроено: где густо, а где пусто", "Богатому стоит крикнуть, да денежкой брякнуть - все будет", "Богатый, что бык рогатый: в тесные ворота не влезет", "Хоть не мудра голова, да кубышка полна", "И через золото слезы льются", "Горе наше - ржаная каша, а поел бы и такой, да нет никакой", "Отец мой жил неровно: хлеб есть, так соли нет; соль есть, так хлеба нет; а я, добрый молодец, живу ровно: ни хлеба, ни соли", "На бедняка и чадило чадит".

¹ Семенов Д. Д. Избр. соч., М., 1953, с. 107.

О человеческой натуре. "За доброе дело иди в огонь смело", "Доброму везде хорошо, чистому везде чисто", "Добрая отвага либо выручит, либо выучит", "Бояться смерти - на свете не жить", "Ласковое слово - что весенний день", "Пусть денег ни гроша, да слава хороша", "Старушка три года на мир сердилась, а мир того и не знал", "Козла бойся спереди, коня сзади, а злого человека со всех сторон", "На кого люди, на того и собаки", "За спасибо мужичок в Москву ходил, да еще полспасиба домой принес", "Полынь после меда горче самой себя", "Под лежачь камень и вода не течет", "Камень, лежа, только мхом обрастает", "Что мне соха - была бы балалайка", "Ученье свет - неученье тьма", "Знал бы человек науку, да свой талант, так не верил бы ни в зарок, ни в ворожбу" и т. д. Словом, каждая пословица - кладезь мысли, образец изящества.

Дети любят читать книги, где наряду с пословицами и загадками имеет место и *сказочный мир*. Корф, например, говорил, что "Родное слово" Ушинского до того близко и понятно детям, что многие читают ее, забегая вперед. Особенно тепло воспринимаются сказки и песни. По мнению Водовозова, в книги для чтения лучше всего включать сказки, взятые прямо из народа; при этом желательно, чтобы авторы книг отказались от сказок, нагоняющих на детей сильный страх, ибо страх как чисто "рабское чувство никого не научит добродетели".

Ряд ценных замечаний по использованию в школе сказок мы находим у Стоюнина. По его словам, сказки очень удобны для развития детской фантазии. В работе со сказочным материалом есть и свои особые правила. Дело в том, что ребенок не любит, когда в знакомой ему сказке переменяют выражения или передают ее не в той форме, в какой он принял ее в первый раз. Эту особенность детского восприятия нужно учесть и учителям. Это нужно для того, чтобы оберегать чувства детей. Нужно знать также и другое. В использовании сказок должна быть соблюдена мера. Они не должны наполнять всю душу ребенка. Это может привести к отрыву от действительности. По мере роста ребенка чтение на

родном языке должно клониться к тому, чтобы пополнять и разъяснять истинные понятия; "сказочные же образы дают очень скудный материал для таких занятий"; с другой стороны, в русских семьях издавна наблюдается обыкновение занимать детей сказками с самых ранних лет; "следовательно, у детей до десятилетнего возраста накапливается в воображении много сказочных образов, у них даже слишком много, так что школе вызывать эти образы или прибавлять к ним новые не приходится".¹ В среднеучебных заведениях тем более нет необходимости развивать воображение только сказочным материалом.

Разумеется, эти замечания Стоюнина не нужно понимать как отказ педагога от поэтического творчества народа. Речь идет о правильном соотношении сказочного и литературного материала, об учете при этом возрастных особенностей учащихся.

Произведения фольклора передовыми педагогами рассматривались как составная часть родной литературы. Без них не было бы современной литературы, зовущей людей к добру, к правде, к нравственной красоте. Как замечал Водовозов, наша художественная литература обновилась через сближение с народной литературой. Пушкин, Крылов, Кольцов, Гоголь, Некрасов, Тургенев "обильно черпали из того же народного источника". Не изучив простонародной поэзии, понять их чрезвычайно трудно.

Родной язык и литература есть школа нравственности и эстетического вкуса. В ходе их изучения, по мнению Острогорского, у учащихся формируется так называемое этико-эстетическое настроение. Это настроение прежде всего выражается в любви к литературе родной и общечеловеческой, в отвращении ко всему дурному и пошлому, стремлении ко всему возвышенному, благородному, в любви к человеку и родине, в желании служить ей по мере сил. "Это этико-эстетическое настроение, с одной стороны, направит и укрепит волю ко всему доброму, с другой - при развитии критического ума и эстетического вкуса - поможет юноше правильно и разум-

¹ Стоюнин В. Я. Избр. пед. соч., М., 1953, с. 371.

но относится и к явлениям самой жизни, и к произведениям литературы, в которой он будет знать, чего искать и чего держаться, а не рабски относиться ко всякой печатной книжке".¹ Путь к такому оценочному, избирательному отношению начинается с родного языка и произведений фольклора.

Родная песня. Россия - страна замечательных народных песен и певцов. Широкие просторы страны повлияли на широту, напевность песни, на ее жанровое разнообразие и душевную глубину. На это обратили внимание и видные педагоги прошлого, они пользовались песней и на уроке, и во внеклассной работе. "Счастлива та школа,- писал Корф, - учитель которой дельно занимается в школе и в то же время достигает успехов в пении".² Он также полагал, что учитель должен быть чрезвычайно осторожен в выборе песен, так как песня должна воспитывать, не зароняя в душу ребенка дурного чувства. Всего лучше, если учитель будет обучать детей светскому пению. В качестве пособий Корф рекомендовал "Сборник русских песен для народных училищ" Садокова и Крачковского, "64 русские народные песни" Афанасьева, русские народные песни, опубликованные в ж. "Детский сад" за 1866 и 1867 годы.

В то же время следует заметить, что разучивание и исполнение детских и народных песен в школе пробивало себе дорогу через большие трудности. Особенно печальной стала судьба школьного пения в период реакции 80-х годов. Как правильно отметил А. И. Кондаков: "Прекрасное народное вокальное искусство, распространяемое через школы лучшими педагогами-шестидесятниками, было смято, изуродовано. Церковь, завоевавшая школу, вытеснила веселые детские песенки, указанные еще Ушинским и Корфом, и установила повседневное пение молитв".³ Несмотря на это, прогрессивные педагоги продолжали отстаивать светское пение и поддерживать учителей, пропагандирующих народную песню. Нередко

¹ Острогорский В. П. Беседы о преподавании словесности. - Хрестоматия по истории методики преподавания литературы. М., 1956, с. 275.

² Корф Н. А. Русская начальная школа. Спб., 1871, с. 236.

³ Кондаков А. И. Директор народных училищ И. Н. Ульянов, М., 1964, с. 175.

возникали и столкновения учителя со священнослужителями, выполняющими контролируемую роль. Тем не менее родная песня не сдавалась, а авторитетные педагоги упорно доказывали ее важность в нравственном и эстетическом воспитании, сами подавали учителям пример. Так, Бунаков в открытой им в 1867 году в Воронеже первоначальной школе с двухгодичным сроком обучения разучивал русские народные песни "Ах вы, сени, мои сени", "Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке", "Вечером красна девица" и др.

Семенов и Острогорский выступили за использование во внеклассной работе игр, сопровождаемых песнями. Разумеется, при условии, чтобы мотивы были просты и красивы, а слова не пошлы и глупы.

По мнению Острогорского, развитие слуха и выработка чутья к родным напевам начинается еще с колыбели. Мелодия, спетая задушевно у колыбели, независимо от слов, сообщает младенцу известные слуховые представления, которые неизгладимо запечатлеваются в душе. Педагог с большим сожалением отмечает, что у нас до сих пор колыбельных русских песен и мотивов собрано очень мало, почти нет отдельно изданных сборников.

Народность должна передаваться с молоком матери.

Природа и труд. По утверждению Водовозова, живое понимание красоты в природе составляет одно из важных направлений воспитания вообще. Раз так, то следует шире использовать природу родную, русскую, более близкую и знакомую самим детям. Дивная красота родной природы, прочувствованная человеком в раннем возрасте, не забудется никогда. Как замечает Острогорский, общение с природой человеку доставляет немало счастливых минут, и нельзя не пожалеть человека, для которого "природа - только мертвая закрытая книга, которого не радует, не успокаивает, не восхищает ее дивная естественная красота".¹ Благо человеку, продолжает педагог, которому привелось провести свое раннее детство в деревне, в маленьком городке, у моря, в горах, словом, на приволье воспринимаемых от природы впечатлений. Не говоря уже

¹ Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV, М., 1938, с. 150.

о том, как много действуют на душевное настроение дитя-ти такие картины, как звездное небо, лунные пейзажи, гроза, летний дождь, разлив рек, приволье полей, различного рода прогулки, созерцание полевых работ и посильное участие в них, собирание гербария, плетение гирлянд, венков, составление букетов, изготовление украшений к елке - "сколько во всем этом в **руках семьи** богатейшего воспитательного материала, развивающего вкус и приятно наполняющего жизнь ребенка, воспитываемого в навыках к красивому, изящному!"¹ Не меньшее влияние оказывают на детей домашние животные, птицы, насекомые, влияя своей красотой и грациозными движениями на воспитание зрения, они в то же время сближают с миром животных и воспитывают "гуманное к ним отношение".

Во всем этом следует соблюдать постепенность, разумную меру и не надо довольствоваться лишь созерцанием природной красоты. По мере развития умственных сил ребенка нужно формировать у него сознательное, социально активное отношение к природе, родному краю, родине. По этому поводу, в частности, Бунаков отмечал, что у учеников под влиянием целесообразных впечатлений и в связи с расширением умственного кругозора инстинктивное любование весенними картинами пробуждающейся природы и песней жаворонка должно перерасти "в сознательное эстетическое чувство"; безотчетная привязанность к родному лесу, с его деревьями, птицами, грибами, ягодами - "в сознательную любовь к природе"; инстинктивная жалость к пойманной птичке, лишенной свободы, к больным и голодным домашним животным, к прохожему слепому нищему - "в определенное и сознательное чувство сострадания"; привычка к родному дому, к родной семье, к родной деревне - "в крепкую сознательную любовь к отечеству, соединенную с готовностью служить отечеству".² (Подч. мною - А. К.).

Дети замечают, как природа поставляет человеку все необходимое для жизни, особенно когда родители свой

¹ Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV, М., 1938, с. 150.

² Бунаков Н. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 210.

труд организовывают в тесном контакте с природой. Интерес к труду начинают проявлять и сами дети. Ухаживание за маленькими животными, птичками, растениями, работа в саду, на собственных грядках в огороде - во всем этом мы видим генетическую линию развития детского труда. "Если воспитание готовит человека для жизни, - писал Стоюнин, - то большая ошибка со стороны воспитателя не обращать внимание на возбуждение труда, не заставлять трудиться так, чтобы ученик увидел, наконец, в труде нравственную пользу, независимо от материальной, чтобы труд сделался его потребностью".¹ Пробудившийся интерес к труду должен быть поддержан родителями. По наблюдениям Бунакова, наибольшую радость ребенок испытывает от труда посильного и самостоятельного. Сознвая, что известную работу он выполнил сам, ученик более дорожит ею, более любит ее и нравственно крепнет; часто отдаваясь работе с серьезностью, ребенок входит в нее всей душой не меньше, чем в какую-нибудь игру, не замечая, как летит время.

Труд детей должен быть целенаправленным и организованным. Этого можно добиться лишь при условии, если школы обеспечены необходимым оборудованием, инструментами. Исходя из потребностей жизни, еще лучше, если будет организована специальная подготовка к труду уже в ремесленных училищах, обучая их слесарному, токарному по металлу и по дереву, кузнечному, столярному, чугуно-меднолитейному делу.

Стремясь формировать в детях любовь к природе и уважительное отношение к труду, особенно к крестьянству, последователи Ушинского считали нужным показать и светлые стороны народной жизни, взгляды простого человека на труд и природу вообще. Большую помощь в этом деле могут оказать произведения устного поэтического творчества и отдельных авторов, изображающие "светлую, идеальную сторону русской природы и земледельческого труда".²

¹ Стоюнин В. Я. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 317.

² Бунаков Н. Школьное дело. Спб., 1906, с. 174.

Как считал Водовозов, было бы весьма полезно по народным песням собрать отдельные живые черты в описании природы и создать из них цельную картину, ведущую к пониманию народного взгляда на природу. Хорошим дополнением к песенному материалу могли бы послужить сказки, дающие живое представление о животных и о некоторых физических явлениях ("Теремок мышки", "Кот, козел и баран", "Морозко"). В работе над песнями и сказками следует обратить особое внимание на влияние природы на человека, на его чувство, фантазию и "на самый быт народный". У народа свои пословицы, поговорки, сказки, перед которыми современные стихи, обучающие детей труду, выглядят несколько вялыми и не всегда убедительными. "Даже отношения между собою и действия разных частей тела вряд ли кто сумеет так выразить, как это выражено в пословицах: "Руки работают, а голова кормит", "С руками нигде не пропадешь", "Ноги с побежкой, а руки с подхваткой; в добрую голову сто рук".¹

Восторгаясь педагогическим мастерством Ушинского, Бунаков отмечал, что в знаменитом "Русском слове" мы находим не только наше родное слово, но хорошо узнаем нашу родную природу и народную жизнь, чуем родную русскую душу. Это "истинно русская учебная книжка" (Бунаков) вдохновляла многих педагогов на создание новых книг и пособий, в которых главным достоинством было стремление к достижению комплексного воздействия на детей слова, природы и жизненного материала. Одним из таких удачных опытов явилась книга Д. Д. Семенова "Дар слова" (1868), предназначенная для чтения, письма и наглядных бесед по картинам "Времена года" с детьми 9-11 лет.

Книга начинается со сказки А. С. Пушкина "О рыбаке и рыбке". Далее идут: "Мужик, Медведь и Лиса", "Лиса и Заяц", "Лиса и Волк", "Лиса, Волк, Медведь и Заяц" и др. В книгу включены русские пословицы о временах года, а также произведения отдельных авторов, способствующих раскрытию таких тем, как "Нива", "Пашня",

¹ Водовозов В. И. Избр. пед. соч. М., 1953, с. 173.

"Сенокос", "Жатва", "Сельский праздник", "Ярмарка" и т. п. Приложением к книге послужили картины о временах года, передающие в весьма реалистических формах красоту родной природы, жизнь и быт русского крестьянина. Например, на картине, изображающей лето, дети видят ясный солнечный день; по небу плывут легкие серебристые облачка; пашня, поля и луга полны жизни; один крестьянин пашет, другой боронит, крестьянки жнут рожь; подалее косят и убирают сено; возле сенокосов тянутся длинные полосы созревающей гречихи и овса; в отдалении виднеется деревня; за ней густой лес; пасущиеся стада еще более оживляют картину. Таким образом, картина эта наряду с развитием дара слова обогащает также представление детей о красоте природы и крестьянского труда. Наглядные представления детей значительно расширяются удачно подобранным литературным материалом, в частности, стихотворениями Алексея Кольцова.

Широко используя метод объяснительного чтения, Д. Д. Семенов приводит детей к мысли о том, что русский язык чрезвычайно богат словами, метко и тонко передающими многообразный мир красоты и добра.

С такого подхода к родному слову начинается познание народной эстетики. В языке каждого народа немало слов - понятий, которыми люди пользуются в своей повседневной жизни, в суждениях о совершенстве или несовершенстве предметов, о красоте человека, природных явлений, произведений искусства и т. д. Для каждого вида и уровня красоты в народе используются свои точные слова. В русском языке наиболее часто употребляются: *красный, прекрасный, распрекрасный, красивый, краса, красота, красавя, красивость, красавитость, красавец, красавица, красотка, раскрасавица* и т. д.

И все это богатство, накопленное народом, сконцентрировано в родном языке. Вот почему язык во все времена считался главным средством и познания мира, и воспитания.

Семья. Последователи К. Д. Ушинского в центре внимания держали и вопросы семейного воспитания, говорили о соблюдении преемственности, чтобы развитие

детей шло естественным путем, опираясь на душевный материал, накопленный дома. "Семья существует для школы, а школа для семьи. Если школа ищет себе помощи в семье, то семья еще более хочет найти себе пособия в школе".¹ - писал Стоюнин. Раз так, учителя должны знать жизнь русской семьи. Это нужно для того, чтобы можно было вывести воспитательные и невоспитательные элементы семьи, которые могут быть использованы или же отброшены школой. Стоюнин отмечал также, что у нашей школы связь с семьей слишком слаба. Без этой связи школа делается сухой, безжизненной и мало-воспитательной, семья - эгоистичной, лишенной "высших интересов жизни" и возможности проверить свои воспитательные элементы. Значит, страдают и та, и другая. "А между тем обе они в тесной связи могли бы укреплять друг друга, увеличивая взаимно воспитательные силы".²

В работе "Наша семья и ее исторические судьбы" (1884) Стоюнин подчеркивал, что интересы людей никогда не замыкались рамками семьи; у каждой семьи, кроме своих семейных интересов, был еще интерес общий, родовой, было чувство родовой чести; охранять ее было долгом совести каждого. Как отмечал Стоюнин, общественное чувство у многих родителей развито слишком мало, идеалы их не поднялись на ту высоту, на которой должны стоять, чтобы семья могла исполнить свое настоящее призвание - воспитать человека на добро всем людям. Все это в конечном счете значительно усложняет работу учителя. Корф, например, был убежден, что успехи школьного обучения задерживаются плохой домашней подготовкой крестьянских детей. "Все, окружающее ребенка, кладет на него свой отпечаток, - писал Корф, - и поэтому, в большинстве случаев, каковы родители, таковы и дети".³ В качестве довода педагог приводит случаи, когда многие взрослые крестьяне неверно определяют даже цвета, например голубой цвет называют зеленым и наоборот; взрослый крестьянин с трудом

¹ Стоюнин Д. Я. Пед. соч. Спб., 1911, с. 383.

² Там же, с. 382.

³ Корф Н. А. Русская начальная школа. Спб., 1871, с. 52.

производит в уме те ничтожные вычисления, которые ему случаются в жизни. Ребенок, проживший в такой семье, может получить "лишь самое жалкое развитие". "Жизнь крестьянского мальчика до того некрасна дома, что немножко нужно, для того, чтобы в школе он чувствовал себя лучше, чем дома: ласкайте мальчика вовремя, посмейте его уместною шуткою, порадуите его картинкою, сказкою или песенкою, не давайте ему скучать в школе, добейтесь нравственного влияния на него - и ручаюсь вам, что ваша школа будет посещаться исправно",¹ - предупреждал Корф учителей. Между тем возможности семьи в нравственно-эстетическом развитии детей весьма обширны, и используются они далеко не везде правильно.

По мнению Острогорского, духовная жизнь ребенка начинается очень рано. Еще не умея произнести слова, только плачем, смехом и бессвязными звуками выражая свои ощущения, ребенок уже приглядывается и прислушивается ко всему окружающему, и в его крошечной головке происходит особая работа, нам неизвестная, но уже образующая начало характера. Точно также рано пробуждается эстетическое развитие, привитие вкуса к красивому, прекрасному, высокому начинается не в школе, куда поступает ребенок с 7-8 лет, а дома, в семье, почти с самого рождения ребенка, с колыбели. И это происходит под руководством матери, которая и создает для малыша первую эстетическую среду. Как советует Острогорский, пусть не будет около ребенка роскоши, ненужного богатства, но пусть лежит он в простенькой, возможно красивой колыбели; пусть его комната будет уютна, светла, непременно чиста и опрятна, как его пеленка, платье; пусть в этой комнате особенно будет наблюдаться порядок, чтобы не было в ней ничего лишнего. Хорошо, например, если по стенам развешано будет несколько картинок, простеньких, но непременно красивых, с изображением хороших детей, птичек, цветов и т. п. - все это придает первому жилищу ребенка вид оживленный и приятный глазу. "Вся жизнь наша тем и

¹ Корф Н. А. Русская начальная школа. Спб., 1871, с. 52.

отличается от жизни животного, что мы способны устраивать себе изящную обстановку даже без богатства, домашними, дешевыми средствами".¹

Немало способствует образованию первых эстетических впечатлений семьи вид матери, или вообще людей, ухаживающих за ребенком; осмысленное, доброе, приветливое выражение лиц, простой, дешевый, но непременно опрятный костюм, показывающий внимание к себе и другим. "Внимание это к своей наружности, костюму, всей ближайшей своей обстановке (опрятность в одежде, куклы, игрушки, вообще, вещи ребенка) - первый признак украшающего человека изящества, воспитанного сызмальства эстетического вкуса".² Сколько смысла получают в глазах матери кажущиеся постороннему глазу скучными рукоделие, самодельное украшение, игрушки и т. д. Женщина-мать умело передает свою любовь к природе, цветку, дереву, животному, украшающим нашу жизнь.

По словам Острогорского, могущественным и самым удобным средством развития эстетического вкуса является родное слово. Пусть же ребенок с самой колыбели слышит из уст матери и всех окружающих его лиц только речь ясную, правильную по произношению и ударениям, чистую, простую речь народную, без грубых, тривиальных выражений. Постепенно ребенок начинает интересоваться сказочкой, шуткой, побасенкой, скороговоркой, поговоркой, пословицами и загадками, с которыми должна быть знакома и мать. Здесь, по мнению Острогорского, весьма полезными могут быть книги Афанасьева, Андерсена, Гримм, Ушинского, Толстого. "Нам самим случалось видеть, - признавался педагог, - как совсем просто, вполне понятно для ребят пяти-шести лет и притом чрезвычайно поэтически красиво пользовались матери подобным материалом, с каким наслаждением слушали ребята такие красивые рассказы, и как хорошо повторяли их сами, образуя язык и вкус не на каких-нибудь пошлых грубых рассказах, а на великих вечных созданиях всемирно-народного гения".³ (Подч. мною -

¹ Острогорский В. П. Письма об эстетическом воспитании. М., 1908, с. 61.

² Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV, М., 1938, с. 153.

³ Там же, с. 157.

А. К.). Очень важно, чтобы мать не только умом, но и всем сердцем, всей душой могла воспринимать дивные образы, созданные талантом народа. Но, как замечал Острогорский, никакие средства, никакие книги не дадут ребенку нужного эстетического настроения, если в семье отсутствует общая эстетическая атмосфера, основанная на здоровом вкусе и чистых нравственных отношениях. Любовь к ребенку, ласка, отсутствие раздражения по отношению к нему, ровность и спокойствие в обращении с ним и другими лицами при ребенке, ничего резкого, грубого, угловатого в отношениях между членами семьи - все это "забросит в душу ребенка с первых лет начала нравственной порядочности, гуманности, любви к людям - словом, высшего нравственно-эстетического развития, даст первые примеры эстетического поведения, обхождения с людьми".¹ Дети сызмальства должны видеть примеры не только в книжках, но и в жизни близких им людей, родителей, воспитываться на их теплых отношениях между собой и к другим. Как считал Острогорский, эстетическое воспитание в семье должно быть продолжено и тогда, когда дети начнут ходить в школу, интересы школы должны быть поддержаны в семье, если учесть то, что современная школа в **погоне за развитием ума и сообщением знаний** обращает на воспитание эстетическое "слишком мало внимания".

Учитель. Школа - это прежде всего учитель. Есть учитель - есть и школа. Хорошие учителя - значит и школа хороша. В ученых кругах могут появиться весьма ценные идеи, методические разработки, но, если не будет хорошо подготовленного учителя, все это повиснет в воздухе. Судьбу школы, детей решает учитель. Это же можно сказать и в отношении использования этнопедагогических идей в школе. В связи с этим нелишне обратить внимание на статью В. И. Водовозова "Идеал народного учителя" (1864), проникнутую духом народности.

По мнению Водовозова, народный учитель, особенно сельский, должен "представить собою цельное лицо", способное удовлетворять в одно и то же время и умственным, и нравственным потребностям народа. Без этого

¹ Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. М., 1938, с. 154.

все его труды пропадут даром. В борьбе с невежеством учитель во многих случаях остается "лицом одиноким", ему придется воздействовать не только на своих воспитанников, но и на их родителей.

Педагог с сожалением замечает: "Наше воспитание, несмотря на все гуманные стремления к народности, еще очень мало приготавливает нас к тому, чтобы вместе понимать народ как следует и уметь с ним обходиться".¹ Есть учителя, которые, живя в непосредственной связи с народом, разделяют все его "невежество и предрассудки", но есть и те, которые ставят себя выше поселнина и "относятся к нему с презрением". Как ратует Водовозов, дело пошло бы лучше всего, если бы удалось образовать учителя из народа. Эти учителя должны быть воспитаны не в столице, а по возможности близко к той местности, где им придется действовать: хотя бы в одном из более промышленных сел губернии. "Можно бы выбрать и некоторых из нынешних учителей народных, еще молодых людей, не испорченных средою, выросших в нужде, но не потративших своих лучших дарований в темной борьбе с жизнью".²

Как считает Водовозов, сельский учитель, воспитанный среди народа, должен быть человеком здоровым, физически развитым и сильным; в нем должна быть русская удаль, которая "пользуется большим почетом в народе. Но эта сила и удаль имеют в нем разумное приложение, служа ему к сближению с людьми".³ Еще больше сельский учитель сближается с народом посредством своих **знаний**. Он должен иметь свой сад, огород и поле и завести свое образцовое хозяйство, чтобы на деле показать выгоды лучшего способа полевых работ. Он может быть полезен народу своими советами и в хозяйственных вопросах, в области гигиены, в борьбе "с знахарями и другими обманщиками". Очень ценна дружественная связь с семьею поселнина, вытекающая из его прямых педагогических обязанностей. "Главными его качествами мы назвали бы, - признается педагог, - дружелюбие и терпение, не пассивное терпение, а

¹ Водовозов В. И. Избр. пед. соч. М., 1986, с. 256.

² Там же, с. 257.

³ Там же.

спокойную твердость в достижении своей цели. Пусть искренняя любовь к народу будет в нем воспитана не чтением сентиментальных книжек о народе, а постоянным видом тех бед, какие он переносит".¹ Успех учителя зависит от тесной связи с народом.

Таков идеал учителя с точки зрения народности, специфики народной школы и образовательного уровня населения страны.

Нетрудно заметить, что последователи этнопедагогических идей К. Д. Ушинского удачно продолжили линию своего учителя, усилив ее новыми наблюдениями, теоретическими выводами и методическими рекомендациями. Ценность их этнопедагогических суждений в том, что они не пошли по пути идеализации народной педагогики, а старались взять из нее то положительное, что способствовало бы укреплению связи школы и семьи, для упрочения идеи народности в учебно-воспитательном процессе школы. Как и Ушинский, они важное значение придавали практической стороне вопроса, умело пользовались средствами и методами народной педагогики в трудовом, эстетическом, нравственном, особенно в патриотическом, воспитании юных граждан России.

П. Ф. Каптерев

Этнопедагогические идеи К. Д. Ушинского и его последователей еще на более высокий теоретический уровень были подняты **Петром Федоровичем Каптеревым** (1849-1922). Этот замечательный педагог, психолог подытожил развитие русской этнопедагогики XIX века и перекинул мост в XX век. Выпускник Московской духовной академии, еще будучи преподавателем Петербургской духовной семинарии, стал углубленно заниматься проблемами дошкольного воспитания и народной школы, в педагогических журналах появляются его первые статьи, в которых четко прослеживается желание автора разобраться в педагогической психологии. Естественно, для Каптерева, как преподавателя философских учений,

¹ Водовозов В. И. Избр. пед. соч. М., 1986, с. 259.

стены духовной семинарии оказались тесными. Его передовые научные мысли преподавателями богословских дисциплин расценивались как уход от религиозных учений. После отказа от духовной карьеры (1878) для педагога открывается более широкий и свободный простор.

Как и Ушинский, Каптерев важное значение придавал принципу народности и народной педагогике, этой теме посвятил ряд специальных работ: "Национальность и наука в организации народной школы" (1877), "Трудности семейного воспитания" (1892), "Материнская школа по Амосу Каменскому" (1893), "Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского" (1895), "Родители и дети" (1897), "Педагогия бабушек" (1898), "Задачи и основы семейного воспитания" (1998), "Развитие семейных чувствований в связи с историей семьи" (1898), "О нравственном закаливании" (1899), "Идеи о первоначальном воспитании в классической древности" (1900), "Ответственность родителей перед детьми" (1900), "Педагогический процесс" (1904) и др. Заметим, что педагогические взгляды Каптерева сформировались в иных общественно-исторических условиях, чем у его предшественников. После отмены крепостного права, особенно в последней четверти XIX века, в связи с быстрым развитием капитализма заметно возрастает общая заинтересованность в поднятии грамотности народа, расширении школьной сети. Как приверженец исторического подхода к освещению общественно-педагогических явлений, Каптерев убежденно считал, что в постоянном развитии находится и душа народа, она постепенно усложняется, растет, ее интересы меняются, становятся глубже и многообразнее. Меняется и отношение народа к школьному образованию, к воспитанию подрастающего поколения. "История педагогики какого-либо народа есть история развития одной стороны народной души - педагогического народного самосознания".¹ (Подч. мною - А. К.).

По мнению Каптерева, **национальное** педагогическое самосознание может вырабатываться "лишь самим народом". Не следует думать, что у народа необразованного,

¹ Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982, с. 258.

малокультурного нет своих взглядов на образование, что он может повторить лишь то, что ему скажут более сведущие люди. "Каждый, даже самый малокультурный, народ не только имеет детей, но и воспитывает их по своим взглядам и убеждениям, так, как он считает нужным воспитывать".¹ Он это делает, руководствуясь здравым смыслом, не подозревая, что у него на самом деле есть вполне устоявшиеся педагогические взгляды. Эти взгляды и убеждения создаются условиями внешней среды или природы, среди которой живет данный народ, социальными условиями и, в частности, религией. Эти взгляды не всегда четко сформированы, но они есть. Задача образованных людей, педагогов заключается именно в том, чтобы эти взгляды поддерживать, развивать, давать возможность народу шире участвовать в создании своего образования, "чтобы русскому педагогическому процессу самосознания захватить весь народ и сделать русскую педагогию плодом гения всего русского народа".² (Подч. мною - А. К.).

Как подчеркивал Каптерев, для того, чтобы видоизменить настоящее, чтобы в будущем из него получился определенный результат, педагогике надо изучать прошлое. Воспитательная деятельность началась не сегодня, отмечает педагог, она есть одна из существенных "функций человека". Чем **сложнее жизнь**, тем **сложнее воспитание**, чем проще среда, в которой вращаются люди, тем проще воспитание. "Если мы возьмем дикаря с самыми простыми бытовыми условиями, мы и там найдем воспитание, хотя, по нашему мнению, крайне несовершенное, грубое. Словом, где человек, там и воспитание".³ Педагогика должна знать, какие из средств, выработанных предыдущим педагогическим опытом, "могут быть с пользой употреблены в данном случае".

В своем капитальном труде "Педагогический процесс" Каптерев отмечает, что старшее поколение в народе, деды и отцы, унаследовав от бесконечного ряда предков

¹ Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982, с. 258.

² Там же, с. 259.

³ Там же, с. 54.

язык, религию, строй семьи, общества и государства, вообще народную культуру, сжилось со всеми этими порядками и формами, составляющими основу его деятельности, пропиталось, прониклось ими. Понятно, что старшее поколение передает эти устои младшему "невольно, неизбежно, как народную святыню". Такая передача происходит через родной язык, формы быта, семейным, общественным и государственным укладом жизни. И все это происходит в духе народности. "Тот, кто родился среди данного народа и живет с ним, будет дышать его воздухом, впитывать его воззрения. Каждый неизбежно есть сын своей страны и своего народа".¹

По мнению Каптерева, школа формирует личность в том же народном духе, как и народность, но делает это сознательно и намеренно то, что народность делает часто стихийно. Народность воспитывает прежде всего языком. Школа пользуется тем же самым средством, отводя **широкое место родному языку** в учебных программах, ставя его даже в основу всего учебного курса. К изучению языка присоединяется еще знакомство с литературой, **народной культурой**. Школа служит "могучим орудием" для формирования подрастающих поколений в "народном духе, по господствующему народному типу и даже по признанному временно нужным патриотическому шаблону. В воспитании личностей школа действует вполне согласно со стихийными народными влияниями, повторяя, углубляя и освещая их".² По сравнению со своими предшественниками Каптерев весьма критичен даже в реализации принципа народности в воспитании школьников, чтобы дело не перешло в другую крайность. "Народность, всасываемая с молоком матери, в школе превращается в патриотизм, нередко весьма грубый и неразумный, возбуждаемый искусственными мерами и средствами и соединяемый с насаждением пренебрежения к другим народам, гордости перед ними".³ Педагог считает не совсем оправданным, когда учитель при изучении отече-

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 229.

² Там же, с. 230.

³ Там же, с. 229-230.

ственной истории, географии, местной флоры и фауны вместо ознакомления с самими изучаемыми предметами слишком озабочен "возбуждением любви к Отечеству и народной гордости".

Исключительную ценность для обогащения этнопедагогике XIX века представляет учение П. Ф. Каптерева о педагогическом идеале. Как и Ушинский, он свою теорию идеала развивает, опираясь на народный идеал. По его мнению, у каждого народа имеются свои идеалы, создаваемые с большей или меньшей ясностью. Народные идеалы о правде и кривде, о хитрости и уме, о мужестве, дружбе, самопожертвовании и других человеческих идеальных свойствах берутся не с ветра, а возникают и развиваются из народной истории, народного языка и религии, народного быта, народного общественно-политического устройства, т. е. "из таких глубоких основ народной жизни, которые неизбежно составляют элементы сознания и развития как целостного народа, так и каждой личности, принадлежащей к данному народу".¹ Следовательно, доля народности неизбежно будет в идеалах каждой личности; идеал отдельной личности в большей или меньшей степени будет народным, оставаясь в то же время личным. "Как сын или дочь, будучи отдельной от родителей, самостоятельной личностью, есть плоть от плоти и кость от кости своих родителей, так и личный идеал, развиваясь на почве народности и им обуславливаясь в самой своей сущности, имеет в то же время печать личного творчества, остается личным".² Каждый личный идеал в известной мере есть непременно общественный идеал и именно народный, составленный "в духе той национальности, к которой принадлежит автор идеала".

По мнению Каптерева, народные идеалы не могут оставаться без изменения, они постоянно дополняются новыми качествами или же сокращаются, находятся в состоянии непрерывного роста, вместе с народной жизнью поднимаются и опускаются, особенно же в тес-

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч., М., 1982, с. 181.

² Там же.

ной связи находятся с культурой народа, выражая ее лучшие стремления и достигнутые успехи. На народный идеал существенное влияние могут оказать стремления и идеи отдельных выдающихся личностей из самого народа, воплощающих в себе лучшие стороны, свойства и стремления народной жизни. Между личными и народными идеалами существует постоянное взаимное влияние. Они не противоположности, исключают одна другую, а "взаимно восполняющие и исправляющие одно другое начала".

В этом взаимовлиянии Каптерев ведущую роль отводит личному идеалу, полагая, что отдельная личность легче склонна ко всякого рода переменам, чем народ; идеи истины, добра и красоты личность могут воодушевить быстрее и глубже, чем целый народ. В то же время надо заметить, личный идеал имеет склонность превратиться в сословный в силу его отличительных черт от народного. Общество неоднородно; оно состоит из сословий, между которыми ведется борьба за имущество, за государственно-правовые выгоды. Возникают сословные и классовые идеалы воспитания. Каждое сословие хочет учить и воспитывать своих детей по-своему, хочет строить **свои** особенные **школы**, в которых "учили бы тому, что нужно для сословной деятельности, для ее успеха и развития, без всякой заботы об интересах других сословий".¹ Здесь мы видим действие сословного эгоизма, ищущего выгоды за счет других, за счет ограничения прав крестьянских детей. Как считал Каптерев, главнейшее приспособление образования к жизни есть не сословность воспитания, а его общеобразовательность, все виды образования должны быть доступны всем единственно в зависимости лишь от уровня подготовки ребенка и материальных возможностей родителей. Никакой сословной педагогики не существует. Национальный идеал, дробясь на сословные, мельчает, становится узким, не пригодным для широкой деятельности. Национальный идеал всегда выше и шире сословного, ибо он "есть выражение стремлений

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч., М., 1982, с. 182.

народного духа". В то же время надо иметь ввиду и другое. Владея своим особенным языком, религией, особенностями быта и общественно-государственного строя, каждый народ владеет своими отличительными идеалами. Но эти идеалы, подобно самим народам, не лишены и недостатков. Один народ не может воплощать в себе всевозможное человеческое совершенство и "народная вера в избранничество известного народа, его особенное предопределение и судьбы, в его превосходство над всеми другими обыкновенно не имеют достаточных оснований".¹ (Подч. мною. - А. К.). К сожалению, такая черта, когда в далеком прошлом какое-то дикое племя считал себя избранником среди других, изживается медленно, все еще продолжается довольно презрительное отношение к другим народам. Очень часто бывает, что даже **культурные народы** относятся к другим народам, как к низшим, а не как к равным сотрудникам на бесконечной ниве развития, с возмущением отмечает Каптерев.

Если кто-то берется за воспитание, тот должен становиться на сторону более широких национальных идеалов и помнить, что народные идеалы изменчивы, развиваются; им присущи недостатки и односторонности, как и самой народной жизни. Воспитатель должен убедиться в состоятельности педагогического идеала; нельзя осуществлять то, что "разум признает неосновательным, а совесть вредным", т. к. педагогическая деятельность есть деятельность по разумному убеждению и по совести. "Нужно предоставить свободу отдельным личностям в составлении и осуществлении идеалов, иначе народные идеалы замрут в одном положении и не будут развиваться. А остановка в развитии идеалов обозначает остановку в развитии жизни, есть признак ее оскудения и приближающейся народной смерти".² (Подч. мною - А. К.).

В совершенствовании народных идеалов весьма полезен творческий подход к идеалам других народов с целью пополнить их ценными свойствами недостатки

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч., М., 1982, с. 184.

² Там же, с. 185.

своего национального идеала. Народное нужно сочетать с инородным, с всенародным и общечеловеческим. В то же время Каптерев предупреждает, что "общечеловеческое" - понятие слишком обширное, даже отдаленное от реальности, оно менее конкретно, чем народное, национальное. Общечеловеческого в действительности и нет. Поскольку педагогический процесс происходит в конкретном месте, в конкретно культурно-исторических условиях, требует и конкретного педагогического идеала, и эта конкретность лежит в народности. Общей системы воспитания для всех народов не существует. Здесь П. Ф. Каптерев на стороне К. Д. Ушинского, в своей работе еще раз возвращается к рассуждениям отца русской педагогики о народном идеале, о народности в воспитании. Но в отличие от своего учителя он дает несколько иную трактовку.

Первое. Как полагал Каптерев, из-за присущих каждой народности особенных свойств никогда не нужно забывать о существенном сходстве между людьми, о единстве рода человеческого. На самом деле между людьми гораздо больше сходного, чем различного, причем схождения гораздо важнее и существеннее различий. Основные законы строения, организации человека и его развития физического и духовного одни и те же для всех племен и народов земли. Разумеется, есть различия в культурной сфере, в языке, религии, искусстве, быте, но и здесь нет непроходимых границ. Языки различны, но есть немало и схождения. Каждый язык принадлежит к определенной группе, имеет много схождения с языками своей группы. Религии различны, но сущность религиозного сознания одна и та же у всех людей. Искусство одного народа служит продолжением и развитием искусства другого, причем **художественная деятельность более раннего народа служит основой художественной деятельности позднейшего.** Быт народов бывает наиболее своеобразен в том случае, когда народы ведут обособленную жизнь; как только начинаются частые взаимные сообщения, сейчас же начинаются и многочисленные взаимные заимствования, влияния, приводящие прежнюю разность к значительному схождению.

Далее Каптерев переходит к раскрытию сходств в педагогике, особенно в деле воспитания. По его мнению, при рассмотрении хода развития немецких, французских, русских детей различия не столь велики, чтобы требовалась "особенная педагогика". Здесь больше общего, одинакового, кроме частных. Если всюду будем видеть различия и не замечать сходства, общее и единое исчезнет. Это заметно усложняет педагогический процесс.

Второе. По мнению Каптерева, Ушинский слишком превозносит, идеализирует народность, ставя ее выше других основ педагогического процесса. Тем не менее он вынужден был "признать, что без науки воспитанию обойтись нельзя, а вместе с тем должен был допустить в народных педагогиках нечто общее, касающееся не частных, а самых основ".¹ (*Подч. мною - А. К.*). Нельзя слишком преувеличивать роль народности, полагая, что ею решаются все проблемы воспитания. Народность далеко "не самое высокое создание божье на земле". Как считает Каптерев, народности временны, сменяют одна другую на исторической сцене; народности односторонни и взаимно дополняются; народности несовершенны и стремятся к созданию всесторонней совершенной культуры. Свобода, наука, просвещение выше народности; они вечны и всеобщы. В народности все меняется: и язык, и вера, и общественно-политический строй, и быт. "Односторонность народности и ее недостатки можно понять, можно бороться с ними, можно быть выше народности, но выше человечества быть нельзя".² Конечно, не нужно игнорировать народные и индивидуальные черты человека, но в то же время **не нужно раздувать** эти черты в **главные**, из-за них не видеть единства человеческого рода и учить презирать другие народы, бесконечно высоко превознося свой народ. Что же касается педагогического процесса, то при внимательном исследовании различия в нем окажутся далеко меньшими, чем сходства; сходное - главное, различное - второстепенное. Все народности в большей или меньшей степени

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 190-191.

² Там же, с. 192.

односторонни и могут взаимно пополнять одна другую; народного совершенства нет. "Национальность есть неизбежная ограниченность, но вместе и значительная сила для всестороннего развития жизни и деятельности; национальности, вместе взятые, дают полноту и жизни, и науке, и искусству, и религии".¹ Без национального жизнь делается однообразнее, вялее, монотоннее, жить будет скучнее, чем теперь. Если кто-то думает "обезнародить себя и уйти в какую-то чистую, высокую сферу", то он сильно обедняет свою жизнь.

Вывод Каптерева по этому вопросу таков: вполне естественно, что человек, сживаясь с народностью, говоря, мысля и чувствуя, как другие из его народа, достигает сознания, что национальность - это он сам, его собственное "я", и сознательно начинает любить и ценить свою национальность. Вполне естественно, что возникает любовь к отечеству; но нежелательны народная гордость, высокомерное отношение к другим народностям, вражда к ним, потому что другие народности не так говорят, не так богу молятся, живут по-другому.

Третье. Перед педагогом встает весьма сложная и трудная задача - разобраться в тонкостях народных идеалов. Уловить народный идеал при сложности его элементов и черт, при изменчивости по классам и сословиям, при постоянном колебании в зависимости от колебаний жизни и культуры весьма трудно, весьма трудно сделать его настолько ясным и убедительным, чтобы им можно было руководствоваться в практической деятельности, в воспитании учащихся. Ясно осознаваемый идеал во многом облегчит не только работу воспитателя, впоследствии поможет и воспитанникам в устройстве жизни. "Идеал есть хотя и духовное, но живое и образное целое, воплощающее в себе желаемое и ожидаемое с известным народом от своих сограждан, есть совокупность привлекательных ценных черт, есть совершенно определенная путеводная для жизни звезда. Идеал русского и китайца не один и тот же, а основные элементы педагогического

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 193.

процесса одни и те же. Педагогический идеал вносит различие в одинаковый везде по существу педагогический процесс, видоизменяет его; к постоянному и вечному он прибавляет временное и изменчивое".¹ (Подч. мною - А. К.). Присутствие в педагогическом процессе общечеловеческих элементов еще не дает никаких мотивов для деятельности, не представляет живого образца, которому можно было бы следовать в воспитании. Эти мотивы, эта двигательная сила **даются** воспитанию **национальными идеалами**.

Воспитательный идеал - это продукт совместных усилий школы, семьи и общества. Соединение усилий происходит в творчестве учителя, воспитателя. Материалом для создания педагогического идеала служат национальные идеалы. Сводя их к единству, очищая от сословных и классовых примесей, от односторонности, педагог идеалу придает необходимую конкретность. К критической переработке национальных идеалов входит также сопоставление своих с идеалами других народов, дополнение национального идеала ценными и желательными чертами других.

Четвертое. По мнению Каптерева, главная черта и требование педагогического идеала - это воспитание "добротного общественника". Ибо общественность есть второй воздух, которым мы дышим духовно. "Человек по самой своей природе есть общественник, личное его "я" неотделимо от общественного "я", он по своей природе есть член общества, могущий жить только дыша общественным воздухом, действуя совокупно с другими".² С этой точки зрения в школе очень важно укрепление в детях чувства товарищества, дружбы, создание различных кружков, обществ, где бы их члены научились действовать сообща. По мере взросления ребенка "мало-помалу должно формировать сознание общественной культурной обязанности". Воспитанник должен осознать, что каждое новое поколение "сидит на плечах" предшествующего и пользуется его трудом, причем, даром. Надо научить детей

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 194.

¹ Там же, с. 196.

почтить наших отцов-трудолюбцев, бережно сохранить все ценное, ими созданное, присоединить **хотя бы одно зерно** к полученному наследству и таким образом передать его следующему за ним поколению, своему наследнику, не уменьшенным, а **увеличенным**. Добрый общественник есть беспристрастный оценщик полученного по наследству культурного достояния, его хранитель и множитель. Он - личность творческая, способная на инициативу. Его личные интересы становятся в известной мере общественными, а общественные - его личными. В совокупном труде личностей должна быть инициатива и самодеятельность, должны быть вожаки и сознательно, свободно действующие члены общества. Поэтому воспитание должно быть построено таким образом, чтобы самодеятельному творчеству детей был предоставлен полный простор. Таковы требования идеала доброго общественного.

Пятое. Каптерев задает вопрос: имеется ли идеал доброго общественного в сознании и мировоззрении русского народа? На этот вопрос он отвечает - "да", и подробно разъясняет причины такого утвердительного ответа.

По мнению педагога, простой народ признает своими героями, наиболее воплощающими его сокровенный идеал, во-первых, святых подвижников, людей, всецело отдавших себя духовно-нравственному руководительству другими людьми, к которым народ приходит за советами в трудных случаях своей жизни. Это могут быть и **старцы**, которые помогают людям **мудрыми советами**. Народ в них видит своих духовных вождей и руководителей. Во-вторых, это лица, проявившие особенную энергию и самопожертвование на служении Отечеству, в его защите от неприятельского нашествия. По народному сознанию, оказывается, что не только небесные, т. е. религиозно-нравственные, дела требуют своих героев, но и земные, а поэтому люди высоко чтят и генералов-героев, и народных героев, таких, как Сусанин. В-третьих, это защитники простых людей; большинство народа живет в "невозможных условиях", всюду опека, руководство "самозванных руководителей", раболепство, вынужденное и добровольное принижение. Но есть люди, добрые

общественники, которые стоят за правду, сохраняют силу духа и в трудных условиях жизни.

Шестое. Говоря об отличительных чертах народного идеала, Каптерев замечает, что у русского народа "очень слабо развито сознание законности", что русский человек к законам относится довольно равнодушно, а часто и весьма неуважительно. Он привык жить не по человеческому закону, а по божьему, по совести, руководствоваться не гражданским и уголовным уложением, а "требованиями и голосом своей души". "Многовековым тяжелым опытом русский народ убедился, что законы не ограждают его личности и интересов от насилия сильных и хитрых, что с массой законов в руках его грабят и утесняют на законных будто бы основаниях, что законы часто пишутся не в общенародных, а в классовых интересах помещиков, дворян, чиновников, купцов. Поэтому ограждение себя законом он не считает достаточным, твердым, так как закон всегда можно обойти и растолковать и вкливо и вкось; он ищет такого ограждения себя не вне, а внутри человека, в его совести, в его человеческом достоинстве и порядочности; он обращается к самому источнику законов - разуму и чувству справедливости человека. Отсюда жизнь по закону имеет не особенно высокую в его глазах цену; так называемой корректностью его прельстить нельзя; жизнь по совести, по-божьи, по душе - вот истинно высокая жизнь, вот идеал, к осуществлению которого нужно стремиться; в сознании народа законники, крючкотворцы и ловкие грабители стоят на одной линии. А у других народов в идеалах законность играет видную роль",¹ - подытоживает свое учение об идеале замечательный знаток этнической психологии и педагогики русского народа П. Ф. Каптерев.

Ну что тут скажешь, остается только согласиться с замечаниями педагога, тем более что эта черта народного идеала жива до сих пор, россияне все еще не стали законопослушными людьми на европейском уровне. Плохо ли это, хорошо ли - судить не берусь. Возможно, в этом вопросе народ вовсе не виновен, до этого его привела сама власть, не думающая об интересах трудящихся?

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 201.

Как известно, одним из основных предметов этнопедагогике является опыт семейного воспитания. В нашей отечественной педагогике и в этом вопросе нет человека, равного П. Ф. Каптереву. Мы выше упомянули несколько работ педагога, посвященных исследованию **педагогике семьи**. Их гораздо больше. Стараниями, усилиями Каптерева создается "Энциклопедия семейного воспитания и обучения".

По мнению Каптерева, основы развития ребенка закладываются еще в первые годы жизни под влиянием семьи, имеющей богатый исторический опыт воспитания. Речь должна идти не о замене семейного воспитания общественным дошкольным воспитанием, а о помощи родителям правильными советами, педагогическими знаниями.

Родитель - это взрослый человек, давно забывший свое детство. В своих действиях он исходит от понимания взрослого человека, детей приравнивая к себе. Допускается одна и та же ошибка: "невнимание к особенностям возрастов, нежелание войти в природу детства, понять потребности этого возраста".¹ Семью и школу связывает ребенок, и цели у них общие. Семью надо знать основательно.

Как полагал Каптерев, основы семейного строя покоятся в глубинах народного характера и народной истории. Семья сама есть народность, точнее, она является частью народности. Действие народности на ребенка начинается в семье, и, в первую очередь, через общение с близкими. Тут исключительно велика заслуга родного языка - одного из главных устоев народной жизни.

"В народном языке отражается не только запас знаний народа, но и характер его мышления, обозначаются точки зрения на предметы и явления, те стороны, на которые преимущественно обращается внимание народом, те свойства, по которым он судит о предметах",² - писал педагог. По его мнению, в историческом развитии народный язык представляет **сокровищницу**, с которою

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 125

² Там же, с. 224.

народ в течение веков складывал свое **духовное богатство**, свои духовные приобретения и которую он предоставляет для пользования новым поколениям. Словом; **каков народ, таков и язык**. "Усвоение народного языка есть усвоение народной души, духовное приобщение себя к тому великому целому, которое называется известным народом и говорит на известном языке; усвоить народный язык значит усвоить и известную культуру, приобретенные народом знания, а вместе и народный способ мышления, намеченные в языке руководящие точки зрения на весь божий мир".¹ (Подч. мною - А. К.).

Педагогическая значимость родного языка исключительно велика тем, что через язык народ "отливает" отдельную детскую душу в народный общий тип; через язык он "втискивает" и ум и чувства детей в определенные твердые рамки, из которых бывает довольно трудно выбиться и взрослому, когда позднее он сознает тесноту и недостаточность этих рамок. Замечательно то, восторгается Каптерев, что дети довольно рано проявляют интерес к языку, пытаются даже создавать свой язык, по-своему склоняют, спрягают слова, и лишь под влиянием взрослых, прежде всего родителей, приучаются правильно говорить на народном языке.

Самостоятельная, личная жизнь ребенка начинается с **игры**. В игре он живет, творит, получает эстетическое наслаждение. Как полагал Каптерев, по игре можно угадать будущее ребенка, его вкусы и склонности. Что характерно, он свой довольно долгий путь педагогического начал именно с исследования детских игр. Еще в 1875 году в № 8 ж. "Народная школа" опубликовал весьма объемистую работу "О детских играх". Его теория детских игр создана с глубоким проникновением в детскую психологию. Воспитательная сторона игр анализируется в его "Педагогической психологии" (1877). Можно сказать, что Каптерев проблему детских игр постоянно держал в центре своего внимания и позже. Об этом говорят работы "Психология детской игры" (1893), "О детских играх и развлечениях" (1898) и др.

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 225.

Каптерев детскую игру рассматривал как составную часть семейного воспитания. Как считал педагог, источник детских развлечений и игр лежит глубоко в природе человека. Это не какое-либо мимолетное явление в жизни детей, игра имеет универсальный характер, она сопровождается разносторонними действиями. В игре пробуждается творческое начало, получает развитие воображение, фантазия, активизируется мыслительная деятельность. Игра - показатель физического и интеллектуального здоровья детей. Радость родителей - это играющий ребенок.

Каптерев замечал, что важность игры еще не всеми осознана, "простота детских игр обманчива". Не понять игру "значит не понять детства". С детской игрой серьезно должны считаться прежде всего родители. Игра - это подарок семьи, имеющий и воспитательное значение. К сожалению, родители часто забывают о том, что интересы детей совершенно иные, чем у взрослых, а поэтому стремятся забавлять детей теми же самыми удовольствиями, которыми наслаждаются сами, приравнивая детей к себе.

В теории игры Каптерева заслуживает внимания и эстетическая сторона вопроса. Он отвергает мнение о том, что у ребенка эстетическое восприятие начинается еще с колыбели, считает, что такое утверждение с психологической точки зрения ошибочно. Для эстетического восприятия нужны условия, уровень чувственного развития, здоровые органы восприятия: зрение, слух, обоняние, осязание. Для эстетического развития весьма полезными Каптерев считал драматические игры, когда ребенок может быть и папой, и мамой, и учителем, и волком, и птицей, и всем в мире, превращаясь во все. Игра любит свободу действий.

Игра постепенно сближает детей с жизнью родителей, незаметно вводит их в трудовую деятельность. Но тут есть и противоречивый момент. Как замечает Каптерев, бедность, тяжелые материальные условия семьи могут заставить дитя рано работать; но это надо делать, не вытесняя игру, а сменяя, чередуя труд и игру. Нельзя отнимать у детей игру, тем самым омрачать детство.

Детская психика тонко реагирует на окружающую среду. А поэтому самочувствие, настроение ребенка с приходом в школу меняется довольно резко. По мнению Каптерева, в школе воспитание и обучение совершаются "фабричным способом", для всех одинаковым, по одному типу и образцу, с весьма малым вниманием к личным свойствам учащихся. В школе дитя не столько личность, сколько "номер, просто единица, равная другой единице". Дитя в семье отдыхает от школы. В семью дитя возвращается "лицом, имеющим личные права". Здесь он живет своей личной жизнью, испытывая сердечность семейных отношений, любовь родителей.

В школе при ее фабричном строе ребенку бывает "холодно", часто и не по себе. В семье совсем иное дело. Там ребенок отдыхает, "его сердце согревается, отходит от школьной духовной стужи; в семье дитя набирается духу и душевной теплоты. Источник жизнерадостности детей находится в семье; и чем меньше дитя, тем больше оно льнет к семье, тем с большей грустью уходит из нее".¹

Дети не живут отдельно от взрослых и не ведут обособленной самостоятельной жизни, они живут среди взрослых, под их надзором; жизнь детей и жизнь взрослых "сплетаются в одно целое тысячами нитей", одна составляет продолжение или часть другой. Как замечает Каптерев, дети учатся жизнью, путем примера и подражания, весьма рано приучаясь к родительским занятиям. Как дети выучаются языку взрослых, никем намеренно не обучаемые, точно так же они выучиваются и всему прочему, тоже никем не обучаемые, т. е. естественным путем. Что же касается крестьянских детей, то они "сполна живут жизнью родителей, перед ними ничего не скрыто ни из душевной, ни из физической жизни родителей, потому что вся семья помещается в одной, ничем не разделенной комнате, вместе ест, спит и проводит все свое время. Оттого в крестьянстве и могут встречаться десятилетние дети - форменные мужики и бабы".²

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 231.

² Там же, с. 154-155.

Воспитательное влияние родителей заметно везде. Они формируют личность дитя по своим взглядам, имеют известные убеждения, в **истине и святости** которых они уверены. Отец может воспитать своего сына так, как ему вздумается, согласно составленному идеалу, даже противоречивому общественному идеалу. Но, как предупреждает Каптерев, такого пленения ума и воли детей, равного "духовному убийству", ни в доме, ни в школе не должно быть. Надо беречь детскую личность, поощрять ее самостоятельность, стремление к самостоятельным суждениям, желание выразить свое мнение. Педагог замечает, что в семейном воспитании имеет место и насилие. Природу такого насилия он прослеживает исторически, начиная еще с первобытной системы воспитания, где была безграничная родительская власть над детьми, когда дети не имели никаких прав. И лишь по мере взросления человечества отношение к детям меняется в положительную сторону, появляется и идеал воспитания, а именно: воспитать красивых, мужественных, выносливых к физической боли детей.

По Каптереву, любовь родительская к детям, малое уважение детской личности, признание ее слишком слабой и несамостоятельной влекут за собой слишком часто и чрезмерное вмешательство родителей в жизнь детей. "Что должно бы сделать дитя, то берут на себя родители, детям предоставляется все готовенькое, обчищенное и облупленное, только воспринимай".¹ Такая чрезмерная опека, да еще желание иметь для ребенка особое воспитание и обучение, по мнению Каптерева, порождает **родительский эгоизм**, который, как правило, приводит к расчленению школьной системы, сословному подходу к преподаванию школьных предметов.

С точки зрения народной педагогики и этнопедагогических суждений представляет немалый интерес понятие "**нравственное закаливание**", введенное П. Ф. Каптеревым в науку о воспитании. Замечательный психолог, основательно занимаясь проблемами семейного воспитания, пришел к убеждению в том, что молодые люди

¹ Каптерев П. Ф. Изб. пед. соч. М., 1982, с. 124.

должны быть готовыми и к суровым испытаниям жизни. Тот, кто жизнь представляет "веселым времяпровождением", глубоко ошибается. Поэтому в обстановку детей нужно ввести простоту и даже суровость, нужно рассчитывать в жизни "не только на розы, но и на тернии". А поэтому наряду с физическим закаливанием необходимо заниматься и нравственным закаливанием детей.

Под нравственным закаливанием Каптерев понимал "развитие значительной душевной энергии и стойкости при самых неблагоприятных обстоятельствах, способность отказаться от разных, более или менее значительных удовольствий для достижения поставленной цели".¹ По признанию педагога, таким приемом пользовались наши предки давно. Чем суровее были условия народной жизни, чем скуднее всякие средства существования, тем отчетливее представлялась нужда в закаливании детей против всяких лишений и страданий, как физических, так и нравственных. Речь не идет о том, чтобы современные родители специально причиняли моменты ограничения, неудобств. Надо исходить из возможностей ситуации и детям объяснить о необходимости воздержаться. Дети **очень эгоистичны**. Закаливание поможет и в устранении эгоистических черт ребенка. Этому должна содействовать вся обстановка дитяти, отличающаяся простотой, удобством, чистотой. Но "все должно быть чуждо изысканности, роскоши, изнеженности. Роскошь и изысканность обстановки не содействуют, а препятствуют правильному развитию дитяти".² (Подч. мною - А. К.).

П. Ф. Каптерев свою работу "О нравственном закаливании" опубликовал в 1899 году в № 10 ж. "Образование". С тех пор прошло более ста лет, но проблема эта встает, возможно, с еще большей остротой сегодня, особенно в связи с изменением материального положения и состава семьи. Большинство родителей довольствуются лишь одним ребенком. Для него создаются слишком тепличные условия. Он не испытывает никаких ограничений.

¹ Каптерев П. Ф. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 148.

² Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 153.

Выполняются все капризы и требования ребенка, лишь бы остался довольным. Не всегда на руку играет и "педагогика любви", описываемая красиво, вдохновенно некоторыми авторами. Было бы намного полезнее, если бы родители владели и методикой нравственного закалывания, предложенной Каптеревым. По его мнению, идеалом системы нравственного закалывания является "человек сильный, бодрый, мужественный, стойкий и в то же время чувствительный, но никак не раскисающий под неизбежными ударами судьбы".¹

Чтобы добиться такого результата, надо быть высокоорганизованными самим родителям, любовь свою должны уметь сочетать с требовательностью, строгостью. Превыше всего пример согласованных действий отца и матери. Главное и самое верное условие - быть вместе с детьми. Воспитание не надо перекладывать на кого-то другого. Отец и мать всегда были главными ответственными лицами за судьбу ребенка. Не может быть никаких прощений и оправданий, когда родители постоянно ссылаются на нехватку времени, на свою сверхзанятость на работе и т. д. За такое самоустранение от воспитания потом при старости приходится расплачиваться или одиночеством, или "стыдливой" старостью.

Кто-то скажет, что родители не одни, есть бабушки, няни, воспитатели, учителя и др. Это, конечно, верно, но они не в состоянии заменить отца и мать. Они лишь помощники родителей.

В этой связи представляет определенный интерес этнопедагогическая работа П. Ф. Каптерева "**Педагогия бабушек**", опубликованная в № 1 ж. "Воспитание и обучение" за 1898 г. (Далее после цитирования даются номера страниц журнала).

О составе семьи. По Каптереву, семья слагается из двух поколений - родителей и детей. Между двумя поколениями всегда бывает определенная рознь, потому что одно поколение развивается при одних условиях, другое - при несколько иных. "Эта неизбежная рознь сглаживается любовью родителей к детям, самым искренним стрем-

¹ Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. М., 1982, с. 162.

лением старшего поколения войти в положение младшего, преемственностью некоторых культурных начал и порядков, переходящих от одного поколения к другому" (1). Кроме родителей и детей в составе семьи могут быть также тети, дяди, принадлежащие к одному поколению с родителями, получившие развитие под влиянием тех же общественных влияний, имеющие почти одинаковое "общественное мировоззрение". К этим двум поколениям довольно часто присоединяется третье - бабушки, дедушки. Это уже совсем иной "элемент, иные взгляды, другое мировоззрение". Бабушки, дедушки росли при таких условиях, которые составляют уже "достояние истории". Они придерживаются таких взглядов и убеждений, которые во многом считаются устаревшими, отжившими, а поэтому плохо ладят "с современной обстановкой, сильно изменившейся со времени их юности". А между тем бабушки и дедушки "стремятся влиять на ход семейных дел, вмешиваются в воспитание внучат, особенно бабушки, и, вопреки взглядам и убеждениям родителей, смело держатся своей прежней педагогики, не признавая никаких новшеств. Дети неизбежно подпадают таким образом под влияние двух поколений, двух мировоззрений, двух разных педагогий" (2).

Положение детей в семье. Как считал Каптерев, это есть самый важный, существенный вопрос для всякой педагогики. Многое зависит от того, кто в центре семейной жизни: родители или дети, не угнетают ли они друг друга или же живут в добром согласии, мирно и, по возможности, свободно, без суровых мер, с одной стороны, и без вынужденного послушания, с другой. Обыкновенно происходит так: "господа в семье родители", их покой и благополучие выше всего, их дети должны слушаться и за страх и за совесть, потому что сами-то дети "суть только терпимый придаток в семье". Лучшая комната, лучший кусок, лучшее место - родителям, а детям - остаточки, все, что похуже. Логика таких родителей такова: когда дети вырастут и сделаются сами родителями, тогда и будут пользоваться соответствующими выгодами своего положения. Такой **родительский эгоизм** наблюдается в массе мелочей. Детей больше нужно держать в детской,

им не обязательно бегать и играть в парадных комнатах. "Когда родители кушают, пьют чай, отдыхают, когда они разговаривают между собою и вообще что-нибудь делают, тогда дети ни в коем случае не должны докучать родителям, не должны обращаться к ним с какими-либо вопросами" (3). Какие у детей дела? Что за вопросы? Дети могут и подождать. Родителям некогда заниматься с детьми, они удручены своими делами или должны отдыхать. "Им в голову не приходит мысль, что важнейшая обязанность родителей - **не деньги платить няням и гувернанткам, а самим принимать непосредственное участие в воспитании детей**" (4).

Бабушки. По мнению Каптерева, положение детей, да и самих родителей, нянь во многом определяется бабушками. Думая облегчить обязанности родителей, бабушки добиваются, чтобы дети больше времени проводили с няней, гувернанткой. **Натуральную воспитательную повинность родителей** бабушки очень легко и охотно заменяют денежной - наймами нянь, гувернанток, учителей. А сами бабушки будут над всем надзирать, во все вмешиваться, "давать советы и непрерывно ворчать".

"Не признавая за детьми никаких прав", а одну обязанность безусловного послушания, бабушки по отношению к внучатам естественно придерживаются запретительной системы. Чего только не запрещают! Бегать много и скоро не годится, кричать нельзя, лазать и прыгать неприлично, выбегать к пришедшим незнакомым людям тоже неприлично, с чужими детьми, особенно встречающимися случайно, не играть, с кухаркой и горничной не разговаривать, никаких свободных поз, жестов, речей не допускать. Сидит бабушка целый день в кресле, совсем почти не двигается и "вышим идеалом добродетели" для всех считает чинную малоподвижность. "Насколько данный идеал отвечает свойствам детской природы, насколько ее система бесконечных запрещений удовлетворяет потребностям внучат - подобным вопросом бабушка совсем и не задается" (5). Бабушка любит твердить, что мы тоже были детьми, воспитывались в строгости, слава богу, выросли и стали людьми. Как замечает Каптерев, в этой запретительной системе, в этом

неуважении потребности детской природы сказывается "полное умственное убожество бабушек", незнание самых элементарных вещей, соединенное с закоренелым упрямством. Старушка многого не понимает и "будет упрямо держаться своей системы, так что над ней придется устроить надзор более строгий и бдительный, чем над детьми; иначе она своими запрещениями напутает, раздражит и даже ожесточит детей" (5). Если няня усвоила **взгляды и правила родителей**, бабушка непременно вступит в пререкания с няней, будет делать ей выговор. Все это видят дети и понимают, близко воспринимают к сердцу. В таких случаях "бабушки очень вредоносны с своей железной запретительной системой" (6). Бабушки весьма последовательны в своих действиях; их запретительная система сопровождается и поощрительными мерами, иногда и наказаниями; "обыкновенно стараются осуществить и эту немаловажную, по их мнению, сторону педагогических влияний на детей" (6). Бабушки очень любят награждать съестным, лакомствами. При этом они не всегда соблюдают правило ровного и равного подхода к внукам, между внучатами оказываются любимцы, которым дается больше, и нелюбимцы, которые получают меньше. Как считает Каптерев, приходится следить за бабушками и в этом случае, чтобы они "не внесли раздора в детскую среду".

К числу положительных воздействий бабушек на внучат Каптерев относит религиозное влияние, оказываемое беседами о боге, хождением в церковь, чтением молитв, соблюдением постов и т. д. "Но этим их набожность и ограничивается, - истинного христианского духа у них или совсем не бывает или очень мало. С набожностью у них в мире уживается человеконенавистничество, суровое отношение к прислуге, склонность пользоваться чужим трудом, резкие и часто огульные осуждения" (7). Их набожность не только внешняя, **церковно-формальная**, но и нередко и **лицемерная**. Что-нибудь серьезно разъяснить и растолковать детям по части религии бабушки не могут; они сами слишком необразованны, слишком мало понимают сущность религии и христианства. Такая слабая осведомленность в религиозных вопросах бабушек

вынуждает лицемерить, говорить неправду, постоянно фальшивить, и это начинают замечать, понимать и сами дети.

Каптерев из педагогики бабушек выделяет еще одну черту - соблюдение гигиенических норм в семейном воспитании. Педагог считает, что прогулки на открытом воздухе, открытые окна, форточки, вентиляция - все это по мнению бабушек составляет "великую опасность", все болезни детей именно от простуды, от прогулок. "В этой боязни свежего воздуха сказывается старинная черта русского воспитания: наши предки всякими мерами старались обеспечить тепло себе и детям. В таком же духе бабушки стремятся воспитывать и внучат" (8). Со старушками приходится буквально "вести войну" из-за свежего воздуха, особенно зимой.

Как замечает Каптерев, бабушки бывают разные. Большинство из них малограмотное, необразованное. Но есть и новая формация бабушек, из бывших гимназисток, бабушек-институток, имеющих другие свойства. К сожалению, таких бабушек очень мало. Отсутствие женского образования будущих бабушек вынуждало обращаться к разным преданиям, обычаям, суровым подчас народным взглядам. "А в этих вспомогательных орудиях было очень много фальшивого и противонаучного. Нельзя же требовать, чтобы бабушки сами из себя создали здоровую педагогию, когда ее не было в обществе, да не было и в тогдашних крайне малочисленных школах" (10), - заключает замечательный педагог.

Педагогия двух поколений. Каптерев уверен в том, что педагогия старшего поколения крайне неудобна, даже вредна, потому что она вносит в современную семью массу фальши, путаницы, раздражения. Прежде всего педагогия бабушки в громадном большинстве случаев совершенно не отвечает педагогии родителей. Как ни скудна наша современная семейная жизнь истинно научными элементами и интересами, замечает Каптерев, все же в ней уже господствует совершенно другой дух, действуют совсем другие начала, чем те, которыми руководятся бабушки. "Между педагогией родителей и бабушек оказывается резкое противоречие, и уничтожить

его невозможно: бабушки перевоспитываться не могут, а родителям не бросать же, не отказываться же от более здравых и лучших идей лишь потому, что старейшее поколение руководится ложными взглядами" (10). Дети попадают таким образом под действие двух резко противоречащих систем, отчего добра не может быть. Семейное воспитание лишается стройности и цельности, образуется трещина, которая исчезнет только тогда, когда старейшее поколение сойдет со сцены. Глядя на все это, Каптерев с горечью задается вопросом: "Неужели и сам когда-нибудь согласишься с чем-либо подобным? Неужели новые поколения и тебя будут трактовать, как тормоз в развитии культуры? Неужели так отстанешь от умственных общечеловеческих движений?" (11-12). Педагог успокаивает себя тем, что нынешнее поколение развивалось при других условиях. "Во всяком случае будем работать, будем стараться, чтобы не отставать от жизни, не быть праздными зрителями борьбы новых поколений за заветные общечеловеческие идеалы, и вместе с ними, рука об руку, бодро и смело пойдем навстречу неизвестному, но, будем надеяться, лучшему будущему" (12), - завершает свои этнопедагогические суждения о педагогии бабушек П. Ф. Каптерев.

Обычно принято считать, что бабушки и дедушки являются лучшими воспитателями внуков. Но, оказывается, это не совсем так. После ознакомления с этнопедагогическими взглядами Каптерева мнение о **мифической положительности** бабушек заметно ослабевает. Фактор времени сказывается и в этом вопросе; в "педагогии бабушек" немало и негативных моментов, входящих в противоречие с интересами, желаниями более младших поколений, особенно внуков.

Наблюдения и выводы Каптерева столь свежи и психологически обоснованы, что удержаться от рассмотрения современных проблем практически и невозможно.

Консервативная, порою и негативная сущность педагогики бабушек и дедушек еще четче просматривается в переломные моменты истории, когда общество архи нуждается в молодом поколении с новыми идеями, взглядами на переустройство жизни. Именно в таком положении оказалась Россия конца XIX века.

Человеку свойственно дорожить прошлым. И это верно, потому что он там был, жил и творил, оставил свою молодость, энергию своих способностей. Все это оставляет отпечаток в его общественных взглядах, в педагогике бабушек и дедушек, которые на все происходящее смотрят со старой меркой, в общении с молодыми отстаивают свои взгляды и идеалы, несмотря на то, что их дети и внуки давно уже перестроились, думают и живут по-другому. Немало еще дедов, которые себя продолжают считать чапаевцем, ленинцем, сталинцем и упорно отстаивают коммунистические взгляды, любые промахи и неудачи своих сыновей и внуков объясняют их приверженностью к демократии. Такой дед, сам того не замечая, вредит делу воспитания внука, идеализируя прошлое, вводит его в заблуждение. Вместо того, чтобы готовить внука к современной жизни, дед работает на воспитание молодого пессимиста. Разумеется, это замечают и сами родители. Нередко возникают скандалы. Счастье семьи - это также и перестроившиеся бабушки и дедушки, идущие в ногу с современностью. К сожалению, таких семей пока маловато.

Оригинальность педагогических взглядов П. Ф. Каптерева в том, что он к ценностям народной педагогики относится весьма критически, отстаивает приоритет научной педагогики. По его мнению, по мере усиления образовательного уровня родителей, расширения сети школ влияние "педагогии бабушек" существенно ослабевает.

П. Ф. Каптерев заметно усилил теоретический уровень этнопедагогики XIX века, обогатил ее новыми понятиями, более современными взглядами на народность, педагогический идеал, на педагогику семейного воспитания.

И. Я. Яковлев

XIX век - это также эпоха активного пробуждения национального самосознания народов России. Не стояло на месте и дело национального просвещения. Разумеется, вопросы просвещения нерусских народов ставились и раньше. Ставили их как представители местной, нацио-

нальной интеллигенции, так и отдельные деятели русской культуры. Но общего потока, охватывающего большинство народов России, в XVIII веке еще не было. Лишь по мере роста национального самосознания народов, с одной стороны, и утверждения демократических начал в русской педагогике, с другой стороны, создаются благоприятные условия для ускорения школьного дела. Внутринациональные просветительские интересы начинают получать все более активную и осязаемую поддержку со стороны прогрессивных деятелей русской культуры, педагогики. Меняется и политика государства и духовенства. Происходит слияние внутренних и внешних факторов, при ведущей роли последних. Идея народности проникает и в национальную школу. Ценность этой идеи была в том, что она в значительной мере способствовала созданию такой системы образования, которая в той или иной мере учитывала интересы большинства местного населения, позволяла оценить воспитательные возможности национальных культур, давала некоторую свободу в выборе средств и методов работы с учащимися. Именно с этих позиций следует рассматривать такое явление как обращение представителей национального просвещения к народным традициям воспитания, к народной педагогике.

Как наиболее типичный, уникальный пример такой постановки дела следует рассматривать деятельность выдающегося чувашского просветителя **Ивана Яковлевича Яковлева** (1848-1930).

Для расширения дела народного просвещения помимо усилий министерств и отдельных подвижников нужно еще желание самих народных масс, их тяга к грамоте. Чувашский край, простирающийся на территории Среднего Поволжья, хоть и был по-прежнему полуколонией, не мог оставаться изолированным от общего потока индустриального развития страны. Такие факты, как массовый уход чувашских крестьян на уральские заводы, в бурлаки, расширение товарообмена внутри и за пределами своего региона не могли не оказать заметного влияния на общественное движение внутри угнетенного народа. Чуваши все острее начинали ощущать нужду в

грамоте. На ниве просвещения появляются свои лидеры, поборники.

Одним из таких известных чувашей был **Спиридон Михайлович Михайлов** (1821-1861), который свою непродолжительную, но весьма плодотворную жизнь целиком отдал служению родному народу. Он был одним из первых чувашских этнографов и писателей, увлеченно занимался историей родного народа, фольклористикой, переводческой деятельностью. Но, как отмечает известный педагог Д. Е. Егоров, при всем этом главным в жизни С. М. Михайлова "была просветительская деятельность. Именно в этой области он оказал чувашскому народу наибольшую пользу. Все другие стороны его деятельности, как бы они ни были плодотворными и эффективными, по отношению к его просветительской работе играли подчиненную роль".¹

С. М. Михайлов по праву считается первым исследователем чувашской народной педагогики. Такие работы, как "О музыке чуваш", "Чувашские свадьбы", "Чувашские разговоры и сказки", "Предания чуваш", "О приходских училищах в чувашских селах" им написаны на основе глубоких наблюдений из жизни народа, знания его культуры. В работе "Краткое этнографическое описание чуваш" есть разделы: "Рождение и воспитание детей", "Занятия вообще", "Игры", "Праздники и увеселения", "Песни", "Пословицы и приметы". Во всех этих работах так или иначе затрагиваются вопросы воспитания с упоминанием важной роли фольклорных произведений. Вот одно их наблюдений Михайлова: "В летние ночи мальчики более бывают при конских табунах, которые они пасут на подножном корму, а у кого нет сыновей, там выходят в табун сами отцы или посылают дочерей. Мальчишки и девки в табунах во всю ночь поют песни, как на свадьбах, и даже пляшут под звуки маленького пузыря, в который играет кто-нибудь из мальчиков, и хлопают в ладоши. Если проезжаешь ночью, подумаешь, что происходит свадьба. Старшие же мужчины, сидя у разложенного костра, курят трубку и рассказывают сказки

¹ Егоров Д. Е. Спиридон Михайлов. Чебоксары, 1968, с. 28.

и разные свои приключения, как и в лачугах в досужное время".¹ Не это ли есть живой образец живой народной педагогики!

Просветительская деятельность С. М. Михайлова была весьма разносторонней. Во-первых, это изучение состояния школьного дела с целью его дальнейшего совершенствования и открытия новых школ для чувашских и марийских детей; во-вторых, конкретная работа по обучению детей; в-третьих, создание художественных произведений для детей; в-четвертых, пропаганда воспитательных идей среди населения и т. д. Тем не менее положение народного образования в чувашском крае оставалось в критическом состоянии. Родной язык как язык преподавания во всех типах школ игнорировался. Школьной системы, пронизанной идеей народности, еще не было. Такое положение не могло удовлетворить ни самих чувашей, ни представителей просвещенной части русского общества. Один из первых инспекторов чувашских школ Казанского учебного округа Н. И. Золотницкий (1829-1880) в "Казанских губернских ведомостях" от 7 января 1866 года писал: "А человечно ли поступаем мы, усаживая чувашского ребенка за русский букварь и заставляем его долбить на чужом ему языке молитвы, катехизис, историю и проч.? Ведь задача первоначального обучения - пробудить и потом направить как следует мыслящие силы детей - их смысл, соображение и расчет. Вероятно, всякий согласится, что исполнение этой задачи возможно при обучении ребенка только на том самом языке, который служил ему для приобретения первых понятий об окружающем мире, на котором он уже привык мыслить и выражает свои мысли и в котором для него ясно и понятно каждое слово".

Под давлением демократических общественно-политических сил царское правительство в 60-е годы XIX века вынуждено было осуществить ряд реформ, в том числе и в области просвещения. Для нерусских народов

¹ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972, с. 79-80.

была принята система Н. И. Ильминского (1822-1891), которая предусматривала первоначальное обучение на родном языке и лишь после некоторого знакомства с основами грамотности - переход к обучению на русском языке. Безусловно, это было шагом вперед. Но царское правительство в развитии просвещения нерусских народов по-прежнему оставалось на позициях политики русификации. Направляющая роль в области просвещения оставалась, как и прежде, в руках церкви, духовенства, которые в родном языке видели лишь средство религиозного воспитания нерусских детей. Представители национального просвещения к этому вопросу подходили с иных позиций, выступали за расширение функций родного языка. Некоторые из них пошли по пути создания своей системы образования. Одним из таких деятелей и был И. Я. Яковлев. На территории Среднего Поволжья в последней четверти XIX века формируется "школа Яковлева".

Выражение "школа Яковлева" употребляется в двух значениях. В более широком смысле - это педагогическое направление в системе национального просвещения в России. В узком смысле - это Симбирская чувашская учительская школа, основанная И. Я. Яковлевым в 1868 году, оказавшая прямое воздействие на сотни школ для чувашских детей.

Эти два значения неразделимы. Второе относится к первому как единичное к общему, как часть к целому. В свою очередь в опыте СЧУШ просматриваются черты всей педагогической системы народного просветителя, школы Яковлева в широком смысле слова.

Школа Яковлева готовила учителей для народа. Для этого прежде всего нужно было знать народ, его историю, культуру. Не случайно Яковлев начал свою деятельность с освоения богатого педагогического опыта народа. Он постоянно искал пути и методы, наиболее удобные, доступные и приемлемые для чувашских детей. И обнаружили они на стыке передовой педагогической науки и народных традиций воспитания, в идее народности, которую он воспринял от русских педагогов, прежде всего К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого и др.

Будучи сам воспитанником народной педагогики, - а он рос круглой сиротой, - Яковлев впоследствии не раз высказывал свою признательность доброте и заботе простых людей, давших ему возможность "пробиться в люди" через гимназию и университет. Определив для себя **смыслом жизни служение родному народу**, он энергично взялся за реализацию своих планов.

Яковлев был твердо убежден, "что просвещение и обучение чуваш может идти успешно не иначе, как посредством школ и людей, вышедших из среды самих же чуваш",¹ живущих думами и чаяниями народа, а поэтому каждый будущий учитель должен "воспитывать себя" именно в простоте и скромности, в традициях родного народа.

Как и многие просветители народов России, Яковлев в первую очередь столкнулся с проблемой **родного языка**. Опыта использования родного языка в чувашских школах было крайне мало. Все надо было начать сызнова. Работа велась по нескольким направлениям.

Первое. Учитель должен в совершенстве владеть родным языком, в работе с детьми стараться усилить воспитательные возможности родного слова, опираясь на произведения устного поэтического творчества народа. Яковлев считал, что мысль рождается в человеческой голове. Она может быть выражена на разных языках. "Но манера выражаться, выражать ту или другую мысль может быть у них разная". Поэтому и учитель, и переводчик непременно должны уловить и "дух данного языка".²

Г. Н. Волков в своей книге "Этнопедагогика" приводит весьма любопытные фрагменты из писем Яковлева - студента университета из Казани в Симбирск к учителям и учащимся своей школы. Так, 8 мая 1873 года он писал: "Учеников своих учи читать по-чувашски как можно лучше, этим ты меня очень порадуешь". 10 декабря того же года: "В отсутствие Клементия в школе может заниматься Моисей: пусть учит ребят только по-чувашски, - учить

¹ На память о сорокалетию Симбирской чувашской школы. Симбирск, 1910, с. 4.

² Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997, с. 272.

чувашскому как можно лучше весьма необходимо. Тебе и говорить не нужно, ты и сам знаешь, как нам, чувашам, важно читать по-чувашски; помни, не забудь это!" Далее в этом же письме: "Ребятам, остающимся в Симбирске, скажи, пусть очень старательно читают чувашские книги, пусть, собираясь вместе, всегда друг другу читают по-чувашски".¹

Пробудив интерес к родному языку, Яковлев своих воспитанников повел дальше - до первых опытов литературного сочинительства, до организации специальных экспедиций по собиранию фольклорных произведений. Такое же задание давалось будущим учителям на время пребывания на каникулах.

Второе. Прежде чем превратить родное слово в средство обучения и воспитания детей, Яковлев вынужден был проделать громадную работу по составлению чувашского Алфавита и издания Букваря (1872). Педагог говорил: "Мышление народа и все мирозерцание выражаются в его родном языке, и поэтому вне родного языка не может быть никакого разумного просвещения".² Он постоянно совершенствовал свой букварь, насыщал его загадками, пословицами, сказками, небольшими рассказами на нравственные темы. В некоторых изданиях букваря количество загадок, пословиц и поговорок доходило до четырехсот. Фольклорный материал помещался в строгой последовательности, исходя из конкретных образовательных и воспитательных задач. Говоря о достоинствах букваря для чувашских детей, газета "Симбирянин" от 15 декабря 1913 года писала: "Обучение должно быть сознательное: хорошо усваивается то, что понятно. В чувашском букваре все понятно. Слова, фразы и рассказы подобраны очень удачно, часто из родного быта. Они очень занимательны, их дети читают с большим интересом, уроки чтения проходят в большом воодушевлении".

Яковлев был замечательным детским писателем. Как и Ушинский и Л. Толстой, он насыщал свои книги короткими рассказами, предельно близкими к народной лите-

¹ Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974, с. 133-134.

² И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968, с. 99.

ратуре. Многие из них заканчиваются пословицами, выражающими народную мудрость. Например: "Не напрасно говорят, что в чужих руках пирог больше кажется", "Не садись на жеребенка, пока его еще на свете нет" и т. д.

Так совместными усилиями преподавателей и самих учащихся Симбирская чувашская учительская школа превращается в творческую лабораторию по родному языку. Открывается прямой путь для реализации идеи народности в чувашских школах.

Такая правильно поставленная работа по подготовке народных учителей не всеми было понята правильно. Яковлева не раз обвиняли в стремлении к сепаратизму. В письме к своему учителю Н. И. Ильминскому от 12 января 1879 года Яковлев пишет: "Я здесь часто слышу страшное слово *"сепаратизм"* и излюбленное "обрусение". На губернском земском собрании - в декабре - один гласный мне говорил: "Ваша школа прекрасно идет, это все знают. Но у Вас учат по-чувашски, поют по-чувашски, у Вас и всенощная совершается по-чувашски, поэтому многие не сочувствуют и говорят, что Вы поднимаете чувашский вопрос и можете возбудить в них сепаратизм".¹

Но гибкость, прозорливость Яковлева в том, что он своими высокими идеями, честным трудом сумел склонить на свою сторону весьма авторитетных представителей передовой русской интеллигенции. В числе близких соратников был и директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов (1831-1886). Педагог-демократ поощрял обучение чувашских, татарских, мордовских детей на их родном языке. Изучение русского языка, по его мнению, должно вестись с опорой на материнский язык. Ульянов глубоко разделял передовые идеи о том, что русская школа в глазах инородцев должна быть учреждением, воспитывающим детей в духе уважения ко всякой национальности, что школа не должна посягать на национальную культуру, на национальное чувство. Поддержка человека таких передовых взглядов, не могла не вдохновлять чувашского просветителя. Ульянов

¹ Яковлев И. Я. Письма. Чебоксары, 1985, с. 70.

часто бывал в Симбирской чувашской школе, интересовался делами Яковлева, помогал ему в открытии новых школ в чувашских деревнях. Тепло отзываясь о своем единомышленнике, Яковлев писал: "С И. Н. Ульяновым мы в очень хороших отношениях. Он - человек добрый и хороший, всегда готов оказать содействие там, где нужно, и это для нас весьма важно".¹

Другим средством народной педагогики, на что широко опирался Яковлев, была **народная песня**. Будучи уже известным педагогом он вспоминал: "Чувашские песни, слышанные мною в детстве, носят в себе много оригинального, особенного. Мотивы (напевы) их трогательны. В чувашских песнях нет никогда ничего грязного, циничного, срамного. Они глубоко целомудренны, нравственны. Много лет спустя, вводя музыку и пение в чувашских школах, я пользовался всем этим (т. е. песнями) в духовно-нравственном, воспитательном отношении".² Яковлев не раз высказывал свое восхищение чувашскими хорами. Особенно поражало его творческое состояние самих участников хора, доходившее временами вплоть до сочинения новых песен. Как он замечал, в каждой деревне были свои импровизаторы, "доходившие до известного совершенства". По мнению Яковлева, чувашский хор - это чудесное зрелище, затрагивающее **самые глубокие чувства**. "Молодежь (парни и девушки), построившись в две колонны, стройно, красиво, с одушевленными песнями шли колоннами одна на другую, проходили насквозь, потом возвращались и опять шли друг на друга. Пение было прекрасное, танцы изящные",³ - писал тонкий знаток чувашской культуры. Много радости и удовольствий нес чувашским детям главный народный праздник "Акатуй", где устраивались хоры, игры, состязания в силу и ловкость, где девушки одаривали победителей и гостей вышитыми платками и т. д. Все это наталкивало Яковлева на мысль об использовании народных традиций в музыкально-эстетическом воспитании детей в школе.

¹ Яковлев А. И. Иван Яковлевич Яковлев (1848-1930). Чебоксары, 1958, с. 33-34.

² Яковлев И. Я. Воспоминания. Чебоксары, 1982, с. 35.

³ Яковлев И. Я. Воспоминания. Чебоксары, 1982, с. 34-35.

Это было время, когда духовенство строго следило за всем, что происходило в школах, вплоть до исполняемых песен. По признанию самого Яковлева, в его школе вначале "почти исключительно обучались церковному пению". Светское пение было введено позже. Наряду с произведениями композиторов-классиков исполнялись и чувашские народные песни. Разучивались они в первую очередь с целью накопления песенного багажа, необходимого для работы в школах, пелись они также в хороводах, устраиваемых во время загородных прогулок. Поистине значительна роль будущих учителей в собирании и пропаганде родной песни. Так, в 1902 году в чувашские деревни была отправлена специальная экспедиция для записи народных песен. В 1908 году Яковлевым был издан песенник "Образцы мотивов чувашских народных песен и текстов к ним. Часть I". Были включены песни хороводные, праздничные, свадебные, рекрутские и такмаки (частушки).

После выхода в свет этого сборника Симбирская ученая архивная комиссия предложила Яковлеву силами воспитанников школы организовать концерт чувашской песни. Выступление состоялось 19 января 1909 года. По свидетельству газеты "Симбирянин" выступление чувашского хора прошло с огромным успехом, по желанию публики почти все номера были повторены. Такие моменты явились лучшим уроком, помогающим воспитывать в учащихся возвышенное отношение к родной песне, вместе с ней и к своему народу.

Воспитанники Симбирской чувашской школы занятия по пению вели с полным осознанием того, что "пение есть одно из главных средств, которым можно благотворно реагировать на добрые стороны человеческой души".¹

В народной педагогике важное, пожалуй, даже центральное место занимает религия, образ Бога, создаваемый каждым народом по своим представлениям. Верования и сам Бог имеют этнорелигиозные черты. Здесь нет необходимости доказывать, какую важную роль играла

¹ Отдел рукописей РГБ, ф. 361, к. 19, ед. хр. 50.

вера в бога в воспитании, поддержании нравственности и, вообще, в жизнеустройстве людей. Бог был главной духовной опорой и для чувашей, лишенных грамоты и каких-либо научных представлений о происхождении жизни на земле, об устройстве мира. Чувашское население И. Я. Яковлев застал именно в таком состоянии. Более того, как заметил сам педагог, христианство еще не стало народной религией, многие чуваша жили по древним религиозным порядкам, верой в своего Торо, немало было и таких, которые склонялись в сторону ислама. Да и сами пропагандисты ислама не сидели сложа руки, упорно добивались, чтобы чуваша приняли их веру. Особенно это было заметно в чувашских деревнях, расположенных восточнее Казани.

Яковлев в своей докладной записке директору народных училищ Симбирской губернии И. В. Вишневному от 25 августа 1870 года отмечает, что "невежественный, но тем не менее честный, добрый и трудолюбивый" чувашский народ до сих пор живет старинными нравами и обычаями, "верует в свои древние языческие божества, как десять веков тому назад. И надобно с горечью признаться, что христианство к чувашам не успело привиться даже и с обрядовой стороны, хотя, за исключением немногих, все они окрещены и христиане номинально. Будучи христианином, любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваша были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом".¹ Это сказано молодым Яковлевым в самом начальном этапе его просветительской деятельности. Есть все основания полагать, что именно такое программное заявление Ивана Яковлева послужило поводом для поддержания его начинаний со стороны известных людей Симбирска и Казани, преимущественно русских. Признание Яковлевым "распространения христианства и обрусения чуваш" святым делом не могло не получить одобрения и со стороны духовенства. Так открывалось дорога к полувековой плодотворной деятельности по просвещению чувашского народа, созда-

¹ Яковлев И. Я. Из переписки. Часть 1. Чебоксары, 1989, с. 40-41.

нию его письменной культуры, которая вполне вписывалась в общероссийское русло.

Сказать, что воспитание веры в Бога в Симбирской чувашской школе шло легко и просто (имелась и своя домовая церковь), было бы утверждением весьма поверхностным. И вообще, к вопросу религиозного воспитания нельзя подходить упрощенно. Ибо здесь в душе молодежи могут иметь место и сомнения, и разочарования, никому невидимая внутренняя борьба. Конечно, не легко было детям, выросшим на языческой вере, когда в сознании прочно сидели поучения родителей, бабушек и дедушек о наличии бога добра и бога зла, бога солнца и бога земли, бога плодородия, бога красоты и т. д. В христианстве все по-другому, один и тот же Бог может быть добрым и злым, он может и поощрять, и карать, наказать человека и т. д. Угодить одному Богу чрезвычайно трудно.

По мнению Яковлева, лучший вариант - чтобы богослужение происходило на родном языке, чтобы хорошо было поставлено церковное пение. Он сам не раз признавался, как, будучи в Симбирской гимназии, любил бывать на архиерейских службах и слушать хорошее церковное пение. Наличие детского хора даже в деревенских школах Яковлев считал делом обязательным.

В этой связи весьма примечателен следующий факт. В августе 1897 года И. Я. Яковлев, назначив выпускника М. Данилова учителем Больше-Арабусинской школы Буинского уезда, предлагал немедленно выехать на место и, не дожидаясь официального открытия школы, начать с детьми занятия. Опытный педагог своему воспитаннику рекомендовал приступить к занятиям с организации хора. Действительно, начинающий учитель М. Данилов, имевший хорошую музыкальную подготовку в Симбирске, за короткое время сумел наладить занятия по пению. На открытии школы 1 октября 1897 года состоялось первое выступление школьного хора. Присутствовавший на торжестве И. Я. Яковлев остался очень доволен.

В Симбирской чувашской школе был налажен перевод религиозной литературы на чувашский язык вплоть до перевода Евангелия. Вовлекались в это дело и талантливые ученики самого Яковлева. Таким образом, религи-

озное воздействие на будущих учителей оказывалось комплексно: уроки закона божьего, участие в богослужении, церковное пение, занятия переводами и т. д. Методика Яковлева оказалась весьма удачной. Не зря многие его воспитанники впоследствии становились и священнослужителями, как и их учитель, принимали участие в открытии и школ, и церквей.

На воспитание и развитие ребенка влияют многие факторы, особенно семья, школа, общество, церковь, государство. Но, как считает Н. Г. Краснов, Яковлев "первостепенное место отводил семье и школе". Действительно, семья - это веками проверенная "школа воспитания", участвовавшая во всех заметных достижениях села, родного края, в поддержании нравственности в народе. "О семье судят по тому, как в ней воспитываются дети, как дружны они между собой, верны ли своим родителям".¹

Яковлев жизнь народа знал не по книгам и сказкам, а по личным наблюдениям, он ежегодно объезжал сельские школы, месяцами жил среди крестьян, вел беседы о семейном воспитании, о подготовке детей к школе. По его мнению, особенно велика роль женщины-матери, "крепительницы" лучших заветов старины, "нравственных сокровищ общезнания". В этом он весьма солидарен со своим учителем К. Д. Ушинским, который считал, что именно бабушки и матери бережно хранят традиции своего народа. Это так в русском народе, "то же самое относится и к карелам, и к зырянам, и к чувавам, и к башкирам".² (*Подч. мною - А. К.*)

Яковлев восхищался смелостью чувашских девушек. Чтобы получить хорошее образование, они преодолевали сотни верст, кто пешком, кто в сопровождении родителей на лошадях, чтобы добраться до Симбирска. Педагог хорошо был знаком с положением чувашской женщины в семье и обществе.

Чувашская женщина на мир смотрит открыто, смело, в семье держится на равном положении с мужчиной, в регулировании семейной жизни имеет равный голос и не имеет ничего общего с женщинами-мусульманками.

¹ Краснов Н. Г. Иван Яковлевич Яковлев. Чебоксары, 1976, с. 159.

² Ушинский К. Д. Собр. соч. в 11 томах. Т. 3., с. 459.

Надо признать, если неравное положение женщины в обществе и было, то тому во многом способствовала политика монархического строя - царизма, доведенная до абсурда - земля для пашни выделялась только мужчине. Так женщина-мать ставилась в унижительное положение. Тем не менее, в чувашской семье женщина по мере взросления постепенно укрепляла и свою "власть". Будучи бабушкой она становилась главной фигурой, дающей указания и детям, и деду. Она становится главной воспитательницей внуков. Народная педагогика в наиболее концентрированном виде оказалась уже в распоряжении бабушки. Она была высшим авторитетом. Бабушкина педагогика распространялась на всех, в том числе и на деда.

Открытие женского отделения в Симбирской чувашской учительской школе во многом способствовала и вполне свободная атмосфера в семье, желание девушек быть равными и в получении образования. А тут еще и Учитель нашелся.

Яковлев жил на территории своей же школы, можно сказать, вместе с учащимися, у всех на виду, подавая пример высокой нравственности как сторонник твердых семейных устоев, как замечательный воспитатель своих детей. Среди чувашской интеллигенции не было и сейчас нет такой семьи, чьи дети, внуки, правнуки высоко несли бы фамильную честь, как это делают потомки И. Я. Яковлева, будучи личностями российского уровня.

Скромный, трудовой образ жизни главного учителя, его отеческая забота о воспитанниках хорошо была известна сотням родителей, побывавшим в Симбирской школе. Чувашские крестьяне приезжали не только к своим детям, но и по делам, за советом, за помощью, искали защиту со стороны патриарха, который щедро делился со своими знаниями, жизненным опытом и никогда **не хвалился** своими достижениями в работе, хотя причины для этого и были. Школа систематически участвовала на различных выставках в Симбирске, Казани, Нижнем Новгороде и не раз получала высокие награды, а в 1896 году и золотую медаль. Предметом восхищения посетителей были изделия ручного труда, **декоративно-при-**

кладное искусство, особенно национальная вышивка. Организуя труд учащихся в специальных мастерских, педагог предъявлял и высокие эстетические требования. "Назначение ручного труда состоит в том, чтобы развить ловкость рук, глазомер, вкус к изящному",¹ - твердил он перед учителями и учащимися.

Особо следует остановиться на **педагогике земли** чувашского народа, которая умело использовалась в школе Яковлева.

Ничто не бывает только в одном значении, в одном качестве. Это правило касается и этнорелигии чувашского народа. Когда некоторые легкомысленные авторы эту естественную народную религию отвергают, считая ее не настоящей, допускают грубую ошибку. Чувашей в течение многих веков вполне устраивала своя религия, своя вера в бога. Она была нравственной опорой народа. Все, чем мы сегодня восторгаемся в традиционной культуре чувашей, в том числе и сильными сторонами народной педагогики, это есть наследие языческой культуры. Сказки, легенды, предания, песни - это результаты той творческой свободы, которую давала этнорелигия. Нет скованности, нет запретов, цензуры, есть творческая фантазия, полет мысли, самовыражение неизвестного автора из народа.

В чувашском миропонимании главное место занимает Земля. Она источник жизни. Она не только приютила человека, но и кормила. А поэтому все действия небесных тел, Солнца, Луны, звезд рассматривались именно в связи с земледелием. Такой же подход заложен в народных календарях и названиях месяцев. Бог свои блага дает через природу, через землю. А поэтому к ним надо относиться бережно, любовно. Земля - она живая, и дышит, и спит, и находится в беременном состоянии; тогда ее ни в коем случае нельзя тревожить. Наконец, человек сам есть дитя природы, из земли вышел и в землю же уйдет. Последним домом для человека будет земля. Так воспитывался чуваш веками, такова суть педагогики земли. Так готовили детей к труду хлебороба. Надо отметить и другое. Если у

¹ ЦГА ЧР, ф. 207, оп. 1, д. 607, с. 48.

некоторых народов наибольшим уважением пользовался, скажем, рыбак, охотник, чабан, каменотес, воин, возможно даже и пират, то у чувашей такой авторитет – это хлебороб. Он лучший знаток природы, наблюдатель, землю чувствует нутром и телом. Не зря раньше народы Поволжья свой земледельческий график сверяли с чувашами. Хлебороб не может быть лентяем, безразличным, невоспитанным человеком. Тем более, если учесть, что чувашаи в прошлом свою связь с богом осуществляли через природу, посредником была и земля-матушка, земля-кормилица. Вот почему она становилась объектом поклонения. Главнее всего земля, ибо жизненные силы именно в ней.

Разумеется, Яковлев все это видел с детства, а потом, когда он свою трудовую деятельность начал в качестве землемера, не раз сталкивался и с обрядами жертвоприношения богу земли, праздниками урожая, а весной веселился вместе со всеми на акатуе. Надо заметить и другое – Яковлев к осознанию сути народной педагогики шел через наблюдения за жизнью крестьян, а также через изучение религиозных обрядов, ритуалов. Его первая опубликованная работа была посвящена религиозному празднику "Учук".

Одну из причин бедственного положения чувашских крестьян Яковлев видел в низком уровне культуры земледелия, в отсутствии агрономических знаний. Стремясь как-то помочь населению, распространение агротехнических знаний он берет на себя, издает брошюры "О почве", "О правильной обработке земли", "О хлебных семенах и почве", "Как растет хлеб в поле", "Три беседы о земледелии" и т. д. По его мнению, основами земледелия, агрономическими знаниями должны владеть и школьные учителя. Мечта его была такова: "Будучи инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, я лелеял мысль об устройстве при Симбирской чувашской школе особой сельскохозяйственной фермы, так как всегда был того убеждения, что чувашское юношество, вышедшее из трудящегося чувашского народа, должно и в учебном заведении приучиться к тому труду, у которого выросло в деревнях, – к земледелию, огород-

ничеству".¹ И эту мечту Яковлев осуществил сполна, к саду, огороду, ферме еще прибавил опытное поле. Будущие учителя, воспитанные в семье на основе педагогики земли, охотно работали на земле, были верными помощниками своего учителя в реализации его мечты.

В педагогической литературе иногда можно встретить выражение "педагогика Солнца" или что-то в этом роде. Но все они в сравнении с **педагогикой земли** сильно уступают, проигрывают. Педагогика земли - это универсальная форма воспитания, охватывающая все направления развития личности: физическое, умственное, нравственное, эстетическое, религиозное и т. д. Такого опыта умелого использования педагогики земли, дающей будущим учителям основательное "агровоспитание", в мировой практике, пожалуй, больше и нет.

Как глубокий знаток жизни родного народа, его культуры педагог-новатор своими этнопедагогическими идеями значительно обогатил учебно-воспитательный процесс Симбирской чувашской учительской школы, укрепил связь сельской школы с семьей, что также было значительным достижением для своего времени. Он создал **истинно народную** школьную систему. Народностью пронизано и его литературное творчество. "Яковлев оказался настолько народным, что многие его заповеди стали пословицами, многие его рассказы и басни, написанные в подражание произведениям народного творчества, обратно вернулись в фольклор".²

Таков наш Яковлев, таковы результаты его реализованных этнопедагогических идей, за чрезмерное увлечение которыми он постоянно претерпевал угрозы, притеснения со стороны античувашских элементов; его не раз вызывали "на ковер", но он выдержал и достойно выполнил свой сыновний долг перед родным народом. Он и не искал легких путей, теплых мест, не гнался за наградами, работал на одном месте и ради одной цели. Нет, нам сегодня явно не хватает яковлевской напористости и работоспособности. К тому же еще мы привыкли постоянно жаловаться на трудности, иногда и на притес-

¹ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997, с. 403.

² Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974, с. 136.

нения. Высокие цели требуют больших усилий. Тот, кто хочет их достичь, не должен расплывать свои силы, должен уметь ограничивать себя в направлениях деятельности. Не мешает вспомнить и нашего патриарха. Идея народности, этнопедагогический дух не покидали его и на склоне лет. Ими пронизано и его "Духовное завещание чувашскому народу" (1921). Это заметно даже по небольшим фрагментам.

Первое. Это касается веры в Бога, которая "утешает и ободряет душу в часы несчастья и горя, очищает и просветляет ее в счастье и удаче", с ней не страшны жизненные испытания.

Второе. О любви и сближении с русским народом, у которого, по мнению Яковлева, впереди большое будущее. "Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями".

Третье. "Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью.

Четвертое. Обращаясь к тем, кому выпало счастье получить образование, седой мудрец напоминает, что долг работать над просвещением чувашей лежит, прежде всего, на тех людях, которые вышли из их среды; они должны поработать, чтобы заплатить долг за полученное за счет народа образование.

Пятое. "Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к родному языку нет измены русскому делу; служить великому русскому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших".

Шестое. "Берегите семью: в семье опора народа и государства. Семейные заветы всегда были крепки среди чуваш. Охраняйте же это сокровище. В семейном счастье - защита от жизненных испытаний. Крепкой и дружной семье не страшны внешние житейские невзгоды. Берегите целомудрие, бойтесь вина и соблазнов: если обережете семью, обережете детей и создадите крепкую опору для мирного и спокойного труда".

Седьмое. "Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей, помните о великом завете Спасителя: любите и ненавидящих вас, и твердо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения".

Восьмое. "Верьте в силу мирного труда и любите его. Делайте самое маленькое дело терпеливо и с любовью, не ропщите на размеры жизненной задачи. Самое малое дело можно осветить и осмыслить любовным к нему отношением и самое большое можно уронить и обесславить отношением небрежным и нерадивым. Счастье и успех придут ко всякому мирно и с любовью совершаемому делу. Бойтесь путей кривых и обходных: успехи, достигаемые нечестными средствами, - успехи непрочные и временные".

Девятое. "Горячую благодарность приношу всем товарищам и сотрудникам моим по работе: без их бескорыстного усердия был бы невозможен и мой труд. Шлю привет непосредственным ученикам моим. Учебные часы, среди них проведенные, были отрадными часами моей жизни. Да сохранит и да обережет вас Бог в жизненных путях ваших".

Яковлев народен и здесь, как по манере мышления, так и по стилю изложения своих мыслей. Завещание написано не с точки зрения учености, научности, а в духе народной мудрости, просто, кратко, всем доступным языком, чтобы сильный воспитательный потенциал завещания дошел до каждого чуваша.

Если учесть, что в понятие человеческого счастья входит и достойная старость, согретая вниманием близких, а самочувствие старости есть результат образа жизни, то нашего патриарха можно считать вполне счастливым человеком, увидевшим любовь и уважение детей, соратников, великолепные результаты своего титанического труда, а также признание и благодарность родного народа.

Вывод. XIX в. ознаменовался всесторонним исследованием народной педагогики как в историческом, так и в теоретическом плане. Тогда это направление еще не называлось этнопедагогикой. Но дело вовсе не в названии. Наука определяется не по названию, а по содержанию. Именно поэтому рассмотренные выше исследовательские работы и содержащиеся в них идеи с полным основанием названы **этнопедагогическими**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При упоминании XIX века некоторым может показаться, что речь идет о временах, сильно отдаленных от современной России. Это не совсем так, хотя бурные события XX века, революции, войны, научно-технический прогресс, промышленный рост, урбанизация сильно изменили облик страны. Но это лишь одна сторона жизни. Здесь доминирует материальное. Есть еще жизнь духовная, жизнь мыслей и чувств, есть устойчивые правила жизни, определенные еще задолго до нас. Если кто-то думает, что учения Конфуция, Сократа, Аристотеля или же идеи Ушинского, Л. Толстого устарели, то глубоко ошибается. Мы и сегодня живем по тем правилам, по тем этическим нормам, о которых говорили, спорили мыслители прошлого. Есть еще **не стареющая мудрость** наших предков, которые строили свою жизнь на основе эмпирических знаний; жили, трудились, детей воспитывали, умножали человеческий род. Не было бы их, не было бы и нас.

Итак, вернемся к теме наших главных рассуждений, к развитию этнопедагогических идей в России.

Любая власть, любая политическая система озабочена своей защитой, продлением своего существования. Создаются специальные государственные структурные подразделения, ведущие с этой целью идеологическую работу. Монархическая власть России, получившая сильные потрясения войной 1812 года и действиями декабристов, бросила все силы на распространение самодержавно-крепостнической идеологии, подчинив ей все дело просвещения народа, от сельских училищ до университетов. И эта охранительная идея была выражена так: "православие, самодержавие и народность". Все учителя и педагоги должны были руководствоваться этой установкой. Это нужно было для того, чтобы "завладеть умами юношества и воспитать его в духе преданности

монархизму и крепостничеству. При этом еще повсеместно пропагандировалась реакционная мысль о том, что русскому народу присуще тяготение именно к самодержавно-крепостническому строю. И это выдавалось за главный признак народности.

Но расхождения в этом вопросе начались гораздо раньше. Передовая общественно-педагогическая мысль суть народности видела в другом. В народности сконцентрирован национальный облик народа, его духовные и физические силы. Народность порождена самим народом. Все дело в том, что правящая верхушка в народности видела только то, что было выгодно для идеологической обработки сознания людей, для поддержания управляемости массами. Другие в народности видели наличие созидательной творческой силы, которую сковывают именно существующие порядки.

Став объектом идеологической борьбы, народность превращается в важную мировоззренческую категорию, характеризующую прогрессивность или реакционность тех или иных политических, художественных, научно-педагогических течений, направлений. Поэтому всякое стремление показать сильные грани народности царскими министрами воспринимались как желание ослабить их власть, как пропаганда свободолюбивых мыслей. Тем не менее демократическая линия все равно пробивала себе дорогу. Яркими представителями этой линии были М. В. Ломоносов и его последователи, как защитники русского языка, Н. Г. Курганов с фольклористическим подходом к своему "Письмовнику", Н. И. Новиков с первыми наблюдениями над народной педагогикой, А. Н. Радищев с верой в духовные силы народа с точки зрения своих политических, революционных взглядов.

Первая половина XIX века проходит как период еще более активного, творческого осмысления народности. Усилиями декабристов, В. Ф. Одоевского и революционных демократов процесс этот обретает комплексный характер. Рассмотрение философских, социально-политических, культурологических, этических, эстетических аспектов народности сильно помогло укреплению ее позиций в педагогике. Здесь особенно велика роль К. Д. Ушин-

ского. Написав специальную работу "О народности в общественном воспитании", он научно обосновывает важность этой мировоззренческой категории как в познании самого народа, так и специфики народного воспитания, сложившейся исторически. Став ведущей идеей педагогической системы Ушинского, народность привела его ко всестороннему осмыслению педагогической культуры народа, к раскрытию источников, средств и методов народной педагогики и включению их в учебно-воспитательный процесс школы. Таким образом, был найден эффективный путь реализации принципа народности в воспитании, опирающийся на народный опыт, на связь школы и семьи. Такого научного подхода к русской народной педагогике до Ушинского еще не было. Он создал этнопедагогическую концепцию, соответствующую требованиям передовой демократической педагогики и народной школы. К. Д. Ушинский, заложив **основы этнопедагогики**, дал мощный толчок дальнейшему развитию этого направления педагогической науки, особенно в плане исторического, теоретического, мировоззренческого обоснования этнопедагогических исследований.

Этнопедагогика XIX века - это плод коллективного творчества, берущего начало с ломоносовского периода развития народного просвещения. Идея народности открыла путь к углубленному изучению народной педагогики с целью выявления сферы ее влияния на общественное воспитание. Этнопедагогика XIX века - это педагогика встречного действия. Передовые русские педагоги не ограничивались только описанием народного опыта воспитания, упорно искали пути и методы воздействия на родителей, на систему семейного воспитания. Таким образом, этнопедагогические идеи стали действовать как в школьном, так и в семейном направлениях.

Для этнопедагогики XIX века характерен высокий теоретический уровень и универсальная направленность. Ее идеи были подхвачены многими просветителями народов России; особенно популярна была этнопедагогическая концепция К. Д. Ушинского.

Этнопедагогика XIX века целиком пронизана, пропитана патриотическим духом, а поэтому оказалась очень удобной для воспитания юных патриотов, независимо от их национальной принадлежности.

А теперь давайте рассмотрим проблемы народности и этнопедагогики с точки зрения задач, стоящих перед современным обществом, перед школой начала XXI века по воспитанию в людях высокого чувства патриотизма.

Народность как главный национальный признак будет существовать всегда. В ней хорошо просматриваются творческие силы народа. Именно в ходе познания и защиты народности возникают передовые идеи. Разоблачение реакционной сущности крепостничества и призывы к его скорейшей отмене возникли не при царском дворе, а в демократических общественных кругах, думающих о простых людях. Так произошло и в наши дни. Большевики, взяв власть в свои руки, сначала создали видимость свободы деятельности, творчества, но уже после отмены НЭПа все пошло по другому пути. Советская власть всю общественную жизнь подчинила себе. Инициатива и творчество низов разрешались только в русле коммунистической идеологии. Всякое инакомыслие каралось очень строго. Людей сажали и убивали за мысль. Была разработана система коммунистического труда, вынуждающая работать даже бесплатно. Для этого хорошо использовались колхозная и лагерная системы. Хоть и провозглашался лозунг: "Партия и народ едины!" - это было лишь желанием верхов. На самом деле разрыв между ними постоянно увеличивался. В стране велась скрытая борьба с собственным народом. Малоэффективным оказалось отношение к народу лишь как к источнику рабочей силы. Общественная собственность препятствовала реализации творческих возможностей народа.

Такой труд оказался малопродуктивным. Общественные блага не полились мощным потоком, как это обещали партийные лидеры. Люди в коммунизме разуверились, разочаровались и рядовые коммунисты. Все это завершилось крахом коммунистического режима. Произошло это из-за политической близорукости, тупости партийных и государственных руководителей во

взглядах на народность. Обманывали себя, обманывали и других. Даже народный патриотизм в годы Великой отечественной войны был преподнесен как патриотизм ради коммунизма, во имя вождя. Вечный призыв: "За Родину!" - был дополнен именем Сталина, олицетворяющего репрессивную систему власти.

Любовь к Родине (не к государству!) в народе всегда была и есть, независимо от того, в каком положении находится страна, какие силы правят ею. Родина для всех одна. Мы в ней родились, в ней прошла жизнь наших предков. Родина в сознании народа ассоциируется с образом матери. Воин прежде всего защищает Родину-мать, думая не только о ее свободе, но и о жизни своих близких, своей семьи. И прошлую войну выиграл не Сталин (он был весьма слабым полководцем), а народный патриотизм. Конечно, Сталин, как глава государства, должен был принимать весьма жесткие решения по обеспечению фронта всем необходимым. Но приписать достижение Победы одному человеку означало бы принижение героизма всего народа, включая и труженников тыла. Одно то, что в этой войне наших воинов погибло в три раза больше, чем немецких, говорит о многом, и, прежде всего, о слабости руководства, о неумелом использовании людских ресурсов, часто о безжалостных приказах сверху, приведших к бессмысленной массовой гибели воинов. Войну выдержал народ.

Меняется жизнь, меняется народ, меняется его главный характеристический признак - народность. Народ теперь живет не в такой закрытой стране как при советской власти. Меняются и идеалы. Представления о хорошей жизни сегодня совершенно иные, чем в прошлом. Провозглашены и демократические свободы, но они еще далеки от достижения. Живем в сложное, противоречивое время, когда идеалы одних впереди, у других - в прошлом. Разумеется, обретает иную окраску и патриотизм. Постепенно пробуждается российский патриотизм, как проявление любви и уважения к терпеливому российскому народу, к Родине, ко всему отечественному, к руководителям страны и т. д. Наметился заметный поворот в сторону государства. Народная душа

очень отзывчива, на любые, пускай даже незначительные меры по улучшению жизни простых людей отвечает добрыми чувствами.

Ростки патриотизма пробиваются в семье, в домашней обстановке, в недрах народной педагогики, которая заметно осовременивается в связи с изменением народности. Разумеется, сегодняшний родитель это не родитель XIX века. Он, как дитя постиндустриального общества, неплохо разбирающийся и в рыночных отношениях, и в технических новшествах, вполне осознает ценность образования и знаний. Его больше заботит не воспитание ребенка, а скорее его знания. К тому же еще воспитание требует больше времени, терпения, педагогических навыков. А поэтому родители быстро уступают своих детей телевидению, компьютерным играм, некоторые и уличным компаниям. Идя по легкому пути, теряют своих детей, разумеется, в духовном смысле. Вскоре наступает период глубоких разочарований. По нравственным ориентирам, по любви к членам семьи, по уважительному отношению к семейным, родовым традициям, к культуре родного народа дитя получается совершенно другим. Он теперь почти не свой. Ослабление привязанности к семье, к родным местам отрицательно сказывается и в патриотическом воспитании. Мы много говорим о правах человека. Была бы моя воля, я бы на передний план поставил именно права семьи, семейного человека. Защитив семью, мы защитим будущее страны.

Семейное воспитание должно быть поставлено на такой уровень, чтобы, провожая сына на военную службу, родители с гордостью могли сказать: "Сынок, служи хорошо. Не урони честь нашей семьи, будь настоящим защитником Родины".

Добиться этого надо стараться и самому государству. Может, пора вспомнить и традиции XIX века, когда службу в армии считали за честь дети дворян, князей, графов, известных общественных деятелей. Служили также и талантливые писатели, художники, композиторы и т. д. Порядка в современной российской армии было бы гораздо больше, если бы там служили дети мэров городов, директоров крупных предприятий,

депутатов, министров, губернаторов, президентов. Быстро исчезли бы дедовщина, коррупция, повысилась бы и дисциплина командного состава. Словом, почву для беспорядка создают сами чиновники, а потом они же ищут пути борьбы с последствиями своих промахов.

Надо еще много работать над тем, чтобы между властью и народом сложились доверительные отношения.

Спору нет, государственность надо укреплять, но не за счет убавления демократии, ущемления конституционных прав граждан, не путем раздувания чиновничьего аппарата. Сегодня граждан отстранили от выборов губернатора, завтра отберем у них право выбирать главу города, что же тогда останется от демократии? Ее и так очень мало, особенно в национальных республиках и отдаленных от центра областях. Свобода мысли и слова осталась лишь на бумаге. Местная власть быстро поняла, что демократия для нее штука опасная. И решила: оппозиции не должно быть.

Россия постепенно возвращается к самой себе, устраивается. И опять без опоры на народность. Принимаются различные государственные программы, Президент торопит своих министров, критикует чиновников. А где же народ, где же программа использования его творческого потенциала, социальной активности? Пока наше молодое государство свою функцию понимает весьма узко. Оно хочет играть роль заботливого отца. Но работать с народом оно еще не научилось. Без встречного потока творческой энергии народа для поднятия страны одних усилий власти крайне недостаточно.

Россия всегда отличалась патриотизмом своего народа. И это высокое чувство наших граждан надо поддерживать, развивать разумной политикой государства. В этом направлении у нас, действительно, делается немало. Международный авторитет России возрастает из года в год. С нами стали считаться даже самые развитые страны мира. Заявление президента Д. А. Медведева о том, что Россия будет защищать своих граждан, независимо от того, где бы они не находились, не пустые слова, имеют вполне реальную силу.

Надо всячески приветствовать, поддерживать внутреннюю политику, направленную на усиление патриотического воспитания граждан России. Сегодня ведется работа над осуществлением государственной программы: "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2005-2010 годы".

Программа эта хороша тем, что она ориентирована на отечественную историю, культуру, на родной язык, на народные традиции. Она удачно вписывается в русло наших суждений о народности, о ценности этнопедагогических идей.

Патриотическое чувство, как и все чувственное, находится в живом, пульсирующем состоянии. Бывают моменты, когда оно вспыхивает как факел, отодвигая на задний план все остальные чувства. Это так называемый временный патриотизм. Например, наши хоккеисты стали чемпионами мира и мы вместе с ними радуемся, гордимся их достижением. Но стоит только в следующий раз проиграть команде другой страны, чувства несколько угасают. Но жизнь продолжается. Наши добрались до Северного полюса и под водой установили флаг России, с Олимпиады вернулись с хорошими показателями, а Военно-морской Флот продемонстрировал свою мощь у берегов Венесуэлы и Кубы. В патриотическом чувстве происходит временный "прилив и отлив". По большому счету нам нужен более глубокий, основательный патриотизм, не угасающий даже тогда, когда страна и общество находятся в трудном положении. Любить сильную, мощную страну гораздо легче, чем ослабленную, "больную". Нам нужен патриотизм с глубокими **народно-национальными корнями**.

По духу, общему настрою, принадлежности к одной стране мы все - российский народ. По частностям, по языку, культуре, по жизнеустройству на местах мы разные, дети конкретного народа. А поэтому мы россияне, но в то же время русские, чуваша, татары, эрзя, башкиры, осетины, якуты, буряты, чеченцы и т. д. В российском патриотизме всегда будет присутствовать и чувство национального самосознания. Именно это чувство усиливает нашу привязанность к Родине, придает

устойчивость народно-национальной основе патриотизма. За такой патриотизм боролись и лучшие умы России еще в XVIII, XIX веках.

Мы сегодня оказались в весьма трудном положении из-за неразумной политики КПСС, которую она стала проводить начиная с 60-х годов прошлого века с целью создания в стране единого советского народа. Все началось с фронтального наступления на языки народов России. Его вытесняли из школы, из детских дошкольных учреждений, делопроизводства. Людей, отстаивающих право обучать детей на родном языке, обвиняли в национализме. Например, в городских школах Чувашии дети коренной национальности заканчивали школу, не услышав родного слова, стихотворения, песни. Где нет родного языка, там нет и познания родного народа, его культуры, там нарушается и образ народа, в обедненном виде выглядит и народность. Там, где нет родного языка, о реализации этнопедагогических идей и речи быть не может. Так образовалось поколение, оторванное от народно-национальных корней. Естественно, такое образование и воспитание поставило людей в трудное положение и в общении с другими, и в воспитании своих детей. Тяжелое наследство нам досталось от прошлого и в этом вопросе.

Правомерен вопрос: выиграл ли от такой насильственной русификации сам русский народ? Вряд ли. Наоборот, русские оказались в трудном положении. Они на глазах утрачивают свое национальное лицо, "русский дух" в его высоком, патриотическом понимании ослабевает, падает и качественный уровень народа. Многие сегодня считают себя русским лишь по языковому принципу, а не по пропитанности русской культурой. Если приток со стороны народов России более или менее подготовлен к слиянию с русскими, то с мигрантами из других стран дела обстоят гораздо сложнее. Их дети тоже будут желать стать русскими. Словом, в России сегодня русскоязычных много, истинно русских мало. По большому счету, русский народ он сегодня не совсем сам. Таким его делают те, у которых процент "русскости" весьма низок. Есть у него и скрытые враги, которые, выступая от имени русского народа, выдавая себя за его

защитника, пытаются набирать политические очки, в то же время своими неблаговидными делами создают отрицательный образ этого доброго, великодушного, доверчивого народа. Еще большую опасность составляет глобализация в сфере культуры. Достаточно включить телевизор и пройтись по всем каналам, чтобы воочию почувствовать засилие западного искусства. Там нет высокой русской поэзии, сочного, красивого русского языка, задушевной, высоконравственной русской песни. Русский язык превратили в средство пропаганды пошлости, косноязычия, низкопробных, аморальных передач, т. е. антикультуры. Большинство телекомпаний и радиостанций приватизированы узким кругом лиц, которым до российского патриотизма и дела нет. Там давно забыли о народности, о том, что кроме телешоу есть еще и конкретная жизнь россиян.

Плохих народов нет. Каждый народ способен наладить свою жизнь вполне самостоятельно. Права критиковать народы нет ни у кого. Но пожелания возможны. А поэтому мы берем на себя смелость высказать наше желание, каким мы хотим видеть русский народ. Как было бы хорошо и полезно, если бы он глубже осознал себя государствообразующим народом, взял на себя большую ответственность за страну, вел ее вперед своим еще более значительным усердием, подавая пример любви, преданности к нашему общему дому, именуемому Россией. Его патриотизм нам сегодня очень нужен на трудовом фронте, особенно для возрождения русского села, в рождении и воспитании нового поколения россиян. Потенциальные возможности у этого самого многочисленного народа страны поистине неисчерпаемы. От его физического, духовного здоровья и патриотизма во многом зависит и судьба России. Каждый россиянин, независимо от национальной принадлежности, должен понять одно: беды русского народа - это наши общие беды. Вот почему мы сильно тревожимся и желаем этому государствообразующему народу скорейшего сплочения.

Следует заметить, что бы не происходило в России, будь это в экономике, политике, культуре или демографии, все так или иначе соприкасается с проблемами

русского народа. Велика роль русских в собирании российского народа, сильно расшатанного, расстроенного в начале 90-х годов; теперь его приходится объединять на новой основе с заметно иным национальным составом, чем в СССР. Поэтому это должен быть народ с другими экономическими, общественно-политическими взглядами и нравственными идеалами. Хотелось бы, чтобы процесс этот набирал силу более уверенно и продуктивно. Медлить нельзя.

Метод Моисея - вести свой народ по пустыне в течение сорока лет до тех пор, пока не уйдут из жизни соплеменники со старой рабской психологией и не появится молодое поколение с новыми взглядами на жизнь, на свободу, - такой подход нас абсолютно не устраивает. Мы другие. В поисках своего счастья, нового места обитания никуда не ушли. Мы у себя дома. Единственное, что нам сильно мешает, это то, что мы еще не научились быть хозяевами у себя дома. Да еще и чувство общности оставляет желать лучшего. Его маловато и среди самих русских.

Страна наша действительно самая обширная, просторная. Человек рождается русским в Москве, Краснодарском крае, в Архангельской области, на Сахалине, но растет и воспитывается при разных условиях. Существенные различия могут быть и в качестве преподавания русского языка, истории, обществоведения, в воспитании юного патриота. Где-то школы работают, опираясь на этнопедагогические идеи, где-то эти идеи явно игнорируются. Каждый ребенок становится взрослым и видит, что этническая принадлежность не всегда гарантирует удовлетворения своей жизнью. Житель псковской деревни и москвич, хоть и оба русские, но люди разные, чтобы им быть близкими, одного кровного родства еще недостаточно. Людей сильно разъединяют материальные условия жизни, сегодня тем более. В условиях советской уравниловки это было менее заметно. Так это среди русских, так это и среди других народов России. Идет процесс расслоения народа.

Наш главный вывод о том, что в формировании российского народа, его патриотизма важную роль играют

и этнопедагогические идеи, повиснет в воздухе, если не заниматься укреплением экономического положения регионов, улучшением жизни простых тружеников. Раствор, скрепляющий население России в народ, должен быть составлен из различных компонентов, в том числе и из культуры и экономики. Здесь различные призывы и лозунги бессильны. Нужна научно выверенная государственная программа. Вопрос должен решаться на всех уровнях власти. Нельзя же доверять эту судьбоносную проблему кому-то другому, скажем, команде Сороса или своим доморощенным «гражданам мира», которым абсолютно безразличны судьбы народов России, готовы хоть завтра ликвидировать национальные республики.

Мы - россияне. Всякие разговоры, утверждения о том, что мы похожи на кого-то другого, скажем на американцев, это чистейшей воды словоблудие. Душа наша устроена совершенно по-другому. У нас своя богатая история и культура, нами накоплен колоссальный опыт совместного проживания в условиях многонациональной России. Мы не разучились дружить, любить, сочувственно относиться друг к другу. Россия всегда была страной интересной, разнообразной **национальной жизни**.

Нам не надо стесняться своего прошлого. Давайте чаще вспоминать о положительном образе России и ее народов. Мы другие и по национальному вопросу. Да, русификаторская политика в России была. Но она никогда не доходила до идеи ликвидации какого-либо племени или народа, как это имело место в США по отношению к аборигенам. Наоборот, национальная жизнь поддерживалась, открывались школы, выпускались книги, газеты и т. д. В этом мы убедились на примере жизни и деятельности чувашского просветителя И. Я. Яковлева. Людей, оказавших ему столь значительную материальную и моральную поддержку, как это сделали русские, среди самих чувашей тогда еще не было. Чувашские купцы и промышленники были еще слишком малочисленными, их общественное сознание до общенационального уровня еще не доросло. Не было бы замечательных представителей русского народа, не было бы и Яковлева, около тысячи

чувашишких школ, открытых до 1917 г. Были изданы сотни книг по школьному делу, сельскому хозяйству и медицине, издавалась на чувашском языке газета "Хыпар", велась подготовка учителей, словом, были заложены основы письменной культуры и профессионального искусства.

Опыт XIX в. нам подсказывает, что собиpание российского народа вполне возможно без нарушения самобытности народов, в том числе и самих русских, играющих в этом процессе цементирующую роль. Без единства русского народа российского единства и быть не может. Русским сегодня как никогда нужно осознание своей объединяющей миссии, повышенной обязанности перед страной. Так было всегда, когда в переломные моменты истории Россия оказывалась в трудном положении.

Российская действительность веками смоделировала свой особый тип человека, в характере которого преобладает чувственно-эмоциональное начало. Это так и в поведении, и в выражении своего отношения к окружающему миру, к людям и происходящим событиям. Если у некоторых европейцев, например немцев, в таких случаях тут же подключается радио и материальный интерес, то у россиянина, наоборот, доминирует духовное. Вот почему для нас сегодня очень важна защита души, **экология души**. Не секрет, желающих расшатать душу россиянина сейчас в мире предостаточно. Идет повсеместная атака. Вот почему нам дорога опора на отечественную культуру, в том числе и на этнопедагогические идеи.

Этнопедагогика - это педагогика духовности на народно-национальной основе. Именно так рассматривали ее передовые педагоги и просветители прошлого, высоко ценившие духовные силы и патриотизм русского народа.

Величие "русского духа", не имеющего ничего общего с национальным эгоизмом, шовинизмом, другими народами России всегда воспринималось одобрительно. В России давно уже нет национальных границ, есть только территориальные. Но это вовсе не говорит об угасании национальных очагов. Наоборот, демократия оживила и

национальную жизнь. Она сейчас разворачивается и вглубь, и вширь. Повсеместно создаются национально-культурные общества, автономии, землячества, между ними устанавливаются деловые и культурные контакты, устраиваются совместные национальные праздники. Например, чувашский акатуй и татарский сабантуй теперь известны во многих регионах страны. Везде оживилась краеведческая работа, создаются музеи старины, издаются энциклопедии районов, проводятся праздники национального костюма, смотры фольклорных коллективов и т. д. Везде и во всем бьет ключом творческая энергия народа, везде и во всем встает патриотический дух.

У каждого народа свои мифические и подлинные герои. Одни живут в сознании, памяти народа, другие ходят среди нас. В этом отношении, прямо скажем, сильно повезло и сравнительно небольшой Чувашии. Эта республика воспитала немало героев Советского Союза и России, по количеству олимпийских медалей Чувашия идет впереди многих крупных государств мира. Она воспитала трех будущих космонавтов - А. Г. Николаева, Н. М. Бударина, М. Х. Манарова. Редчайший случай, такого в мире нет нигде. В честь героев, космонавтов и олимпийских чемпионов проводятся спортивные состязания, турниры, на родине А. Г. Николаева создан великолепный мемориальный комплекс с музеем космонавтики. Ведется глубоко продуманная работа по патриотическому воспитанию молодежи на примере жизни и деятельности этого всеми любимого национального героя. Таких примеров в Чувашии немало.

Другим важнейшим фактором, усиливающим чувство патриотизма, безусловно, является возрастающий авторитет, узнаваемость Чувашии на российском и международном уровне. Одно то, что Чебоксары названы самым благоустроенным городом России, стоит многого. Не отстают от столицы республики и Канаш, Новочебоксарск. И все это достигается трудом и любовью к родной республике. Описание системы патриотического воспитания жителей Чувашии заняло бы слишком много места. Мы здесь ограничимся лишь упоминанием того, что в

этом вопросе тон задает сам президент республики Н. В. Федоров. Его решительность, настойчивость приносит хорошие плоды. Чувашия теперь развивается, опираясь и на труд, и на патриотизм.

Основную нагрузку по воспитанию молодежи патриотизма, безусловно, несет школа.

Современная российская школа является прямой приемницей самой политизированной, идеологизированной советской школы, накопившей богатый опыт по патриотическому воспитанию детей с самого юного возраста. Была разработана система, охватывающая все категории граждан страны. Народ в материальном плане был приучен довольствоваться малым, но патриотизма было, действительно, немало. Родину любили, ею дорожили. И умереть за нее считалось высокой честью.

Страна распалась, рухнула коммунистическая система, но учителя остались те же. Для школы наступает исключительно трудное время. И в первую очередь - это кризис идей. В вопросе кого и как воспитывать нет ничего ясного, конкретного. Прежние идеалы не годятся, новые еще не выработаны. И страна другая, Россия. И политический строй другой. Какую внутреннюю борьбу, какое психологическое и моральное состояние испытывали учителя в этих условиях - трудно даже представить. Учительская превращалась в арену политической, идеологической борьбы. Автор этих строк сам был очевидцем того, как учителя спорили о поступке Павлика Морозова.

Школу надо было повернуть в сторону России. Но как? Новых учебников еще не было. Случалось и такое, когда в руки учителя попадались книги, искажающие исторические факты, отодвигающие на задний план великих русских писателей. В это сумбурное время не услышанным остался и наш голос, призыв об обращении к передовым идеям XIX века, в частности, к идее народности в воспитании. Как теперь видим, педагогический идеал - воспитание "культурного гражданина-патриота" нисколько не устарел, вполне соответствует и современным требованиям общества. Итак, на вопрос

кого нужно воспитать? - предельно кратко можно ответить так: **воспитать физически здорового, образованного, трудолюбивого, культурного гражданина - патриота России.**

И сразу возникает другой вопрос: как, каким путем добиться такого результата? Тут краткого ответа не существует. В зависимости от специфики, материальных, кадровых условий школы формы и методы работы могут быть весьма разнообразными. Но есть и общие условия, требования. Ни в коем случае нельзя ослаблять воспитательную работу. А такая опасность есть. Трудные 90-е годы прошлого века отрицательно сказались и в этом деле. Материальные проблемы ослабили и педагогическую этику. Школа начала смотреть на родителей не в плане тесного сотрудничества в воспитании детей, а в надежде на материальную помощь. В школах появились "богатые" дети состоятельных родителей, претендующие на особое положение. К таким и учителя начинают относиться по-другому, им многое прощается, в том числе и отклонения от общих норм поведения. А теперь появилась еще другая угроза - ЕГЭ. Нынешние учителя больше озабочены преподаванием специальных дисциплин, проблемами ЕГЭ, заниматься воспитанием им некогда. Да и сама работа учителя теперь оценивается по итогам ЕГЭ. А плоды воспитания - они ведь проявляются значительно позже, и не в школе. В погоне за знанием нередко нарушаются и нормы морали, ЕГЭ начинает проглатывать школьную нравственность. В этой ситуации воспитательное воздействие учителя на ученика сильно ослабевает. Не поможет и компьютер, и интернет. Главный фактор - человеческий. Выходит, у ЕГЭ есть и обратная сторона медали. Идет поиск. Образовательный идеал еще не устоялся. Имеет место и перегрузка в обучении, что отрицательно сказывается на здоровье и психике детей. Где же выход? Надо самым серьезным образом задуматься о придании учебно-воспитательному процессу автономного характера. Он должен строиться не по желанию кого-либо, а на строгой научной основе, с учетом психологических особенностей, физиологических возможностей учащихся, с желанием не отнимать у детей

детства. Педагогический процесс надо уберечь от вмешательства различных сил, далеких от педагогики. Это значительно облегчит положение школы как культурно-воспитательного пространства, в котором было бы уютно детям всех национальностей, сословий, разных религиозных ориентаций. Школа должна заниматься многим, в том числе и воспитанием толерантности, веротерпимости. Все вместе взятое должно работать на воспитание высоко нравственного Человека-патриота, являющегося надеждой, опорой страны. И с Востока, и с Юга люди тянутся в Россию, народонаселение прибавляется. Если ослабим патриотическое воспитание молодежи, граждан страны, не противостоям глобализации в культуре, есть опасность потерять Россию. Конечно, какое-то государство, может, даже под названием Россия, сохранится, но это будет уже не Россия.

Строки эти пишутся в период новогодних каникул 2009 года. Вот уже который день по утрам по проводному радио в течении часа звучит англоязычное пение. Диктор рассказывает о жизни, похождениях исполнителей, живших или же ныне живущих в США, Англии. Тут же вспомнился случай, когда внучка пришла из школы и радостно стала рассказывать, как они провели праздник, называемый "Хэллоуином". Недавно узнал о том, что число московских старшеклассников, желающих выехать на работу за рубеж, из года в год возрастает. Может быть, это для достижения личных благ и не плохо. Но с точки зрения отношения к Родине все равно не очень-то патриотично. Возможно, здесь есть и вина самого государства. Оно еще не научилось рационально распоряжаться своими людскими ресурсами, слабо помогает молодым найти свое место в обществе. Не на высоте и диагностика способностей детей, их расположенности к конкретным видам деятельности. Конечно, если после школы у молодых людей меньше было бы разочарований, свежее были бы и патриотические чувства, выше было бы и осознание своего гражданского долга перед обществом. Никакими деньгами не измерить те физические, материальные и душевные силы, которые вложены семьей и школой в воспитание семнадцатилетнего

выпускника, стоящего перед выбором жизненного пути. Конечно, можно прожить и без чувства патриотизма, если вести иждивенческий, бомжеский образ жизни, если твой слух не реагирует на Гимн России. Работающий человек не может быть не патриотом. Вслед за К. Д. Ушинским заметим, универсальная функция труда распространяется и на патриотизм.

В труде человек обретает чувство собственного достоинства, осознает свое место в обществе, реализует свои творческие возможности. Труд объединяет людей в коллектив. Чем значительнее трудовой вклад человека, тем острее он начинает ощущать свою связь с родным краем, Родиной.

Школа жизни начинается именно с труда. Это хорошо знали наши предки, об этом же предупреждали все видные педагоги мира. К сожалению, сегодня наблюдается явная недооценка трудового воспитания детей как в семье, так и в школе. Вне труда нет и воспитания. Если мы хотим добра своей стране, давно пора заботу о труде превратить в государственное дело. Цена рабочего места дорога и в нравственном смысле. Уступив его иммигранту, мы выбиваем из своих же рук важное средство патриотического воспитания своих граждан. Труд - это моральная ценность, оберегающая семью, общество от благ, добытых безнравственным способом.

Мы сегодня довольно часто говорим о диалоге культур. Это необходимо и вполне современно. Но к этому диалогу в первую очередь должен быть готовым сам человек. Нужен определенный культурный, эстетический уровень, развитый вкус. Не умеющий оценить свою родную, отечественную культуру человек не поймет, не оценит и культуру других народов. Наше слабое звено - это сфера культуры. Пропитанность молодежи своей отечественной культурой весьма бледна. Это ослабляет народно-национальные корни патриотизма. Тут весьма кстати и этнопедагогические ценности, о которых шла речь в данной работе выше. Как и во всем, и здесь нужен творческий подход.

Некоторые авторы любят идеализировать этнопедагогику, считая ее чуть ли не спасением человечества. Место и роль науки определяется не желанием ученого,

а жизненной потребностью. Многое зависит от сложившейся ситуации. Например, где нет бабушек, там нет и "педагогии бабушек". Или, в постиндустриальном обществе, в эпоху сплошной компьютеризации сказочный период детства заметно сокращается. На наш взгляд, речь скорее должна идти о рациональном использовании положительных этнопедагогических идей в сегодняшних условиях. Надо осовременить самую этнопедагогику с учетом тех изменений, которые происходят в сознании родителей, в педагогическом идеале. Если в годы советской власти этнопедагогика была прислугой коммунистической идеологии, служила воспитанию советского патриотизма, то теперь ее надо повернуть в сторону российского патриотизма.

Следует заметить и другую крайность. В последние годы в нашей среде образовался круг людей, считающих себя гражданами мира, в поведении которых явно обнаруживаются космополитические манеры вплоть до нигилистического отношения к народным традициям, национальной культуре, патриотизму. Такой путь слишком обманчив и коварен. Нам нужен россиянин в его положительном значении, т. е. по складу ума и мысли, по чувствам, вкусам и идеалам, по преданности Отечеству. Любовь к человечеству гораздо проще, чем любовь к родному краю, ибо последняя помимо слов еще требует конкретных усилий, действий, проявлений.

Опору надо искать не в книгах Карнеги, а в трудах своих мыслителей, в опыте выдающихся учителей. Мы еще далеки от осознания современной значимости наследия Толстого-учителя, который как золотоискатель пытался глубже заглянуть в душу своих учеников, опираясь на свободу творчества, ведущую к постижению собственного "Я", к ощущению своей души, своих способностей.

Мы еще не научились дорожить народно-национальной основой образования, заложенной своими великими учителями. Нашу общественную устойчивость может сохранить только родная культура. В ней заложен национальный код для разгадки человеческой души, по большому счету, натуры россиянина. К сожалению, народ наш до сих пор остается малоизвестной планетой.

Более бережно и возвышенно следует относиться к преподаванию родного языка. Изучать его надо всю жизнь, постоянно питаясь его теплом, прелестью, как младенец молоком матери. Ибо по отношению к родному языку мы лишь первоклассники. И чем лучше его познаешь, тем больше наше уважение к родному народу, восхищение его гениальностью.

В школах Чувашии с начала 90-х годов прошлого века наметился заметный поворот в сторону родного языка и национальной культуры. Немало школ, которые вполне можно назвать местными этнокультурными центрами. Кабинет чувашского языка, этнографический музей, фольклорные ансамбли детей и учителей, кружок национальной вышивки... Есть учителя, проводящие уроки родного языка в национальном костюме. О, как было бы хорошо, если бы министр образования помог учителям и в этом вопросе, включив такой профессиональный костюм в комплект кабинета чувашского языка. От этого выиграло бы и патриотическое воспитание детей. В школе не может быть большего "преступления", чем недооценка, притеснение родного языка, традиционной культуры. Отказ от национального компонента в образовании уведет детей от родного народа, родного края в пользу глобализированного мира, "псевдора" Запада.

Есть еще один весьма деликатный вопрос. Это защита светского образования в России. Сейчас желающих превратить школу в место пропаганды религии предостаточно. Светское образование - это величайшее достижение, которого многие государства Европы добивались столетиями. У познания есть два крыла: наука и искусство. Локомотив познания движется вперед именно по этим двум рельсам. Для религиозной пропаганды есть свое место - церковь. Школа - это учреждение государственное. Тут уместно вспомнить Конституцию РФ, в 14 статье которой записано:

"1. Российская Федерация - светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом".

Исторические сведения о мировых религиях, о язычестве - пожалуйста. Но не с Библией или с Кораном в руке. И не служитель культа, а учитель истории должен рассказывать детям об этом. Надо соблюдать принцип объективности и в этом вопросе. Многие достижения в искусстве, философии, этике, чем гордятся народы мира, в том числе и русские, созданы в условиях свободной языческой религии. Спор о том, какое религиозное направление лучше или хуже, бессмысленный, как и спор о том, есть Бог или нет его. Вера в Бога - дело сугубо индивидуальное, т. е. для собственной души. Будет лучше, если человек свою веру будет держать в себе, не демонстрируя публично. Для человека XXI века нет необходимости искать защиты от мнимых внешних сил. Он сам силен и вполне способен строить свою жизнь, руководствуясь здравым смыслом, опираясь на научное мировоззрение. Если человек начнет "копаться в себе" с точки зрения религиозных постулатов, с верой в библейские сказания, легенды, разочаруется во всем, в том числе и в себе, в своем счастье. Религиозное сознание сковывает человека в его творческих исканиях, придавая усилиям односторонний характер. Смысл жизни не в служении Богу, а в сути ее, она должна быть содержательной и созидательной.

Попутно еще раз о телевидении, которое имеет прямое отношение к воспитанию детей, молодежи. Телевидение наше живет по своим правилам, плохо поддается общественному регулированию. В погоне за зрителем во многих передачах легко переступаются вполне устоявшиеся моральные нормы. В народе никогда не пользовался уважением человек, постоянно меняющий жену или мужа, заодно освобождая себя от воспитания детей. На телевидении такое поведение "звезд" выдается как очередное достижение. Все озабочены сочувственным отношением к бедам участников шоу-бизнеса, льются "крокодиловы слезы" из-за распада семей олигархов. Деньги, богатство, раздел имущества - все это совершенно другая жизнь, других людей. Здесь народностью и не пахнет. Созидательная, творческая жизнь людей за пределами Москвы телевидение интересуется мало. Людям,

возрождающим Россию, места на экране нет. Сутками, месяцами, годами мельтешат одни и те же лица, иногда даже параллельно по нескольким каналам. Создается впечатление, что кроме них в России талантливых людей и не осталось. Идеалы телевидения слишком далеки от народа. Молодежи внушаются совершенно нездоровые жизненные ориентиры. Всякая критика телевидения тут же воспринимается как покушение на свободу творчества. Именно такое ложное понимание свободы развязывает руки тем, кто работает на грани антивоспитания. Телевидение - это важнейшее идеологическое средство и наше внутреннее дело. Нельзя сидеть сложа руки и государству. Многонациональной России на телевидении нет.

А теперь пора поделиться с молодыми учителями и своим многолетним педагогическим опытом. Думаю, что сорокалетняя работа над воспитанием молодежи и меня научила многому. Надо сразу же признаться, я в педагогику и искусство пришел через производство. До педагогического института я успел поработать в качестве техника-технолога по лесоразработке. Естественно, мои наблюдения, мнения не всегда совпадали с мнением тех людей, которые после окончания школы сразу поступали в институт, затем и начинали работать учителями или преподавателями вузов. Я понял одно: производство дает человеку наивысшую нравственную закалку. Работал я в леспромхозе на севере Свердловской области с весьма тяжелой категорией людей, среди которых попадались и бывшие заключенные, отсидевшие свой срок, желающие вернуться домой с деньгами. Я видел людей разных - добрых и злых, жестоких и мягкосердечных, но лентяев не было. Тогда и задумался, почему такие разные люди на работе быстро находят общий язык, взаимопонимание. Тогда я впервые стал интересоваться психологией людей. А потом после службы во Владивостоке и на Русском острове меня потянуло в педагогику. Институт закончил защитой дипломной работы на тему: "Воспитание патриотизма и интернационализма у учащихся средствами искусства". Получив вторую специальность как преподаватель музыки, я стал работать в общеобразова-

тельской школе. Организовал хор мальчиков (50 чел.), пионерский хор (60 чел.), комсомольский хор (70 чел.), стал реализовать свою программу эстетического и патриотического воспитания силой песенного репертуара. А потом удалось организовать и хор учителей. Получилась поющая школа. Детские хоры выступили по Чувашскому телевидению. Позже меня пригласили в институт усовершенствования учителей в качестве заведующего кабинетом музыки. Поле деятельности для меня оказалось гораздо шире. Разработал программу по музыке для чувашских школ, выпустил в фирме "Мелодия" первую чувашскую фонохрестоматию из восьми долгоиграющих грампластинок, стал проводить республиканские смотры хоровых коллективов, сводный хор доходил до 400 певцов, наладил проведение смотра строя и песни в каждой школе республики. После защиты диссертации по проблемам эстетического воспитания школьников стал работать на кафедре философии Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Там разработал программу подготовки и условия проведения смотров, фестивалей творческих коллективов студентов, преподавателей в отдельности. По типу классических университетов организовал академический хор, исполняющий произведения без инструментального сопровождения. Регулярно стали проводиться выставки изобразительных и декоративно-прикладных работ преподавателей. В это же время как председатель городского отделения Хорового общества Чувашии развернул работу в городском масштабе. Позже, с 1990 года, став народным депутатом Чебоксарского городского совета, возглавил комиссию по культуре и образованию, создал депутатскую группу "Самана", с которой совместными усилиями стали налаживать преподавание чувашского языка в школах города буквально с нуля. Принял участие в создании фольклорного ансамбля "Уяв" и хора "Классика", функционирующих и ныне при администрации города. На мою долю выпала честь быть автором текстов гимнов Чебоксар и своего родного Канашского района. Думаю, патриотический оттенок имеет и другое дело. Начиная с 1980

года я студентом давал практическое задание - составление генеалогического древа своей семьи. Позже это внедрил в педуниверситете, в филиале Московского социального университета. На зачете по основам этики и эстетики каждый студент предъявлял свою схему родословия. Теперь этим, можно сказать, "заразились" все. По инициативе Чувашского национального конгресса, я там являюсь председателем Совета старейшин, проводится и республиканский конкурс. Есть работы, в которых представлены родственники десяти поколений.

В Чувашии очень популярно земляческое движение. В Чебоксарах на общественных началах действуют землячества, объединяющие уроженцев того или иного района. Ими проводится большая работа по укреплению связи районов со столицей, по оказанию моральной, иногда и материальной поддержки землякам. Мне доверили возглавить землячество уроженцев Канаша и Канашского района. Работу эту веду с 1995 года. В прошлом году провели XIV праздник землячества по тематике: "Слава рабочим рукам!". Чествовали передовых, лучших по профессии рабочих из Канаша и района. И все это происходило в прекрасном Дворце культуры, перед аудиторией в 600 человек. В предыдущий раз на сцене были ветераны Великой отечественной войны, до этого чествовали своих земляков - генералов и полковников. Был праздник, посвященный выдающимся спортсменам, в том числе и участникам Олимпийских игр. Получаю немалое удовольствие от встречи со старшеклассниками, регулярно даю уроки по теме: "Жить в России интереснее". Иду на эти уроки в национальном костюме. Ученики встречают несколько настороженно, но зато провожают бурными аплодисментами, с цветами. Сам на память дарю им свои книги. Разумеется, это еще не все, что удастся делать по патриотическому воспитанию молодежи и взрослого населения республики. Здесь нет ни капли самовосхваления. Мне это абсолютно не нужно.

А теперь скажу о главной причине, побудившей меня к некоторым своим делам. Я, как и все мои сверстники, гордился советским паспортом. Но мне почему-то не совсем по душе были слова поэта:

Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Единица - вздор,
единица - ноль.

Нет, поэт ошибается. Даже один может добиться многого. Надо только сильно захотеть, любить свой народ, малую родину, страну. Нет такой профессии, такой работы, где человек на человека не мог бы оказать влияние в пробуждении патриотического чувства. Например, мой близкий друг и соратник Д. Е. Егоров, будучи деканом факультета начальных классов педуниверситета, развернул поисковую работу студентов так основательно, что на основе собранных материалов ему удалось впервые в стране открыть Музей материнской славы. Во многих школах республики учителя с юными следопытами оформляют залы боевой славы.

В России у нас замечательный народ. Беда наша в том, что власть наша до сих пор считает, что реформы осуществляет она. Роль, творческая энергия народа ею еще не прочувствована. Государственность и народность отдалены друг от друга.

Народность проявляет себя не по нормам политики и права, а по нормам морали. Народность генетически старше политики и права. Народ морален, нравственен всегда и во всех отношениях. Как и сам, он хочет соблюдения морали везде: в политике, экономике, правовых органах, армии, искусстве, трудовых коллективах, семье, школе, вузе и т. д. Если бы эти желания народа претворялись в жизнь, развитие страны пошло бы еще большими темпами, и патриотизма было бы больше. А ведь многим в мире нужна лишь молчаливая, покорная Россия. Но мы это уже стали понимать. И успехи патриотического воспитания налицо. Накануне 2009 года страна подвела итоги исторического проекта "Имя Россия". Победителем стал великий князь Александр Невский. Будь такой конкурс в начале 90-х годов прошлого века, результат едва ли был бы таким. Сегодня Александр Нев-

ский стал символом российского патриотизма. У нас своего российского всего достаточно. Дряхлая старушка Европа, утратившая способность рожать детей, в вопросах воспитания для нас примером быть не может. Где нет детей - там нет и будущего страны.

По мере завершения повествования о народности, об этнопедагогических идеях и проблемах современной школы, еще раз принося дань уважения истинным патриотам России, считаю уместным обратить внимание на слова декабриста В. К. Кюхельбекера, сказанные в 1824 году: **"Да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первую державою во вселенной!"**

Осуществление такой замечательной мечты славных сыновей Отечества прошлого началось сегодня, на наших глазах, нашими усилиями. Мы все с вами являемся творцами новой истории новой России. Наша вера возрастает изо дня в день. Ее очень точно выразил в своем Послании Федеральному Собранию Президент Д. А. Медведев: **"Россия будет процветающей, демократической страной. Сильной и в то же время комфортной для жизни. Лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан".**

ДА БУДЕТ ТАК ВО ВЕКИ ВЕКОВ!

ПУБЛИКАЦИИ А. И. КИБЕЧА (ЕФИМОВА) ПО НАЗВАННОЙ ТЕМЕ

Эстетическое воспитание детей по месту жительства. Чебоксары, 1972.

Формирование мировоззрения школьников в процессе художественной деятельности. Чебоксары, 1974.

Народность эстетического воспитания в педагогической мысли России XVIII-XIX вв. Горький, 1988.

Народность эстетического воспитания в наследии передовых русских педагогов второй половины XIX века и просветителей народов России. Чебоксары, 1992.

Думы о чувашском. Чебоксары, 1999.

Книга жизни. (На чув. яз.). Чебоксары, 2002.

Образ завтрашнего дня. (На чув. яз.). Чебоксары, 2003.

* * *

Чувашские народные традиции в эстетическом воспитании учащихся. - Сб. "Формирование мировоззрения школьников в процессе эстетического воспитания". М., 1971.

К вопросу об использовании национального искусства в формировании мировоззрения школьников. - "Педагогические семинары", вып. V. Чебоксары, 1972.

Песни, танцы родного народа. (На чув. яз.) - Ж. "Родная Волга", № 8, 1974.

Красота и богатство родного языка. (На чув. яз.). - Ж. "Родная Волга", № 11, Чебоксары, 1975.

Симбирская чувашская школа. (На чув. яз.). - Ж. "Родная Волга", № 9, 1978.

И. Я. Яковлев и его школа в оценке Наркомпроса РСФСР. - Альманах "Дружба", № 32, Чебоксары, 1978.

Народная эстетика и ее воспитательные возможности. - Сб. "Формирование научного мировоззрения". Чебоксары, 1980.

Отражение социально-мировоззренческих идей в народной эстетической культуре. - Сб. "Категории диалектики и их методологическая и мировоззренческая функции". Чебоксары, 1983.

Народный идеал красоты в творчестве Ухсая. - "Народность и художественность произведений Я. Г. Ухсая". Чебоксары, 1984.

Народность эстетического воспитания в педагогическом наследии И. Я. Яковлева. - "Педагогическое наследие И. Я. Яковлева и его использование в современной школе". Чебоксары, 1988.

Школа Яковлева: народная эстетика. - Ж. "Народное образование", № 5, М., 1989.

Этимологическая интерпретация понятий народной эстетики в процессе преподавания родного языка и литературы. - Сб. "Формирование мировоззрения школьников средствами национального искусства". Казань, 1989.

Гуманистический потенциал народной эстетической культуры. - Сб. "Проблемы формирования нравственной устойчивости личности в современных условиях". Чебоксары, 1993.

Несколько слов о дефиците патриотизма. - "Советская Чувашия", 26.04.1997.

Россия - родной дом народов. - "Хыпар", 10.03.2004.

С судьбой России мы неразделимы. - "Советская Чувашия", 13.03.2004.

ОБ АВТОРЕ

Кибеч (Ефимов) Анатолий Ильич родился 10 августа 1937 г. в д. Челкумаги Канашского района Чувашской Республики. Окончил Малокибечскую среднюю школу, Васильевский лесотехнический техникум, Канашское педагогическое училище, музыкально-педагогический факультет Чувашского государственного педуниверситета им. И. Я. Яковлева, аспирантуру в НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. Кандидат педагогических наук, доцент, преподавал философию, педагогику, эстетику в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова и в Чувашском педуниверситете им. И. Я. Яковлева. Им опубликовано 70 научных работ, 250 публицистических статей по проблемам национальной политики и воспитания молодежи.

Основное направление научных исследований - раскрытие воспитательных возможностей народной эстетической культуры и их использование в современной школе. В связи с углубленным изучением особенностей русской и чувашской народной эстетики им в научный обиход введен термин "этноэстетика". Заслуживают пристального внимания работы А. И. Кибеча, посвященные проблеме народности в эстетическом воспитании. Особо следует выделить "Этнопедагогику России XIX века", рассматриваемую автором с точки зрения вопросов патриотического воспитания в современной школе.

Некоторые публицистические статьи А. Кибеча выпущены отдельным сборником "Думы о чувашском" (1999), его социально-философские рассуждения о современной жизни изложены в кн. "Ыранхи кун сӑнарӗ" (Образ завтрашнего дня, 2003). Главнейшей задачей современности автор считает работу по сохранению и развитию родного народа.

А. И. Кибеч является членом Союза писателей России. Его первый рассказ опубликован в 1976 г. в ж. "Капкӑн". Известность пришла после выхода в эфир песни "Ёмӗр

сакки сарлака" (муз. Ю. Григорьева), ставшей подлинно народной. Он является автором Гимна Чебоксар (муз. Г. Максимова); с его именем связано развитие в чувашской литературе такого жанра, как стихотворение в прозе. Они опубликованы в кн. "Пурнăç кĕнеки" (Книга жизни, 2002). По пьесам А. Кибеча в Чувашском молодежном театре поставлены спектакли "Авлантарчĕс" (Поженили, 1999), "Ехрем хуҫа" (Купец Ефремов, 2006). На чувашской сцене впервые создается образ делового чуваша, купца первой гильдии, директора банка, члена городской Думы, мудрого семьянина П. Е. Ефремова.

В последние годы А. Кибеч больше внимания уделяет прозе. В кн. "Тарзан Мархви" (Марфа-Тарзаниха, 2007) опубликовано 39 рассказов, в кн. "Шартлама" (Стужа, 2005) - 8 повестей, в кн. "Чĕлхесĕр пике" (Немая красавица, 2008) - 7 повестей. Роман-легенда "Улăп таврăнни" (Возвращение Улыпа, 2001) стал одним из самых читаемых произведений школьников. Произведения Кибеча отличаются глубоким психологизмом и философичностью.

А. И. Кибеч активно участвует в общественной жизни республики. Будучи депутатом Чебоксарского горсовета (1990-1994) возглавил работу по налаживанию преподавания чувашского языка в городских школах, выпуска газет "Чебоксарские новости", "Шупашкар". Он является одним из организаторов Чувашского национального конгресса, в течение многих лет возглавляет Совет старейшин ЧНК, был инициатором создания землячества «Канашсем» (1995), является председателем Совета руководителей районных землячеств в Чебоксарах.

А. И. Кибеч выступает за здоровый образ жизни и экологию души человека, за создание положительного образа родного народа, за усиление патриотического воспитания россиян. Ему присвоено почетное звание "Заслуженный работник культуры ЧАССР" (1977), награжден Почетной грамотой Чувашской Республики (2002).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Борьба за народность в воспитании	9
Глава II. Этнопедагогическая концепция К. Д. Ушинского	48
Пути и средства этнопедагогизации общественного воспитания	55
Глава III. Этнопедагогические идеи современников и последователей К. Д. Ушинского	80
Л. Н. Толстой	81
Народники	97
Последователи этнопедагогических идей К. Д. Ушинского	104
П. Ф. Каптерев	125
И. Я. Яковлев	150
Заключение	169
Публикации А. И. Кибеча (Ефимова) по названной теме	195
Об авторе	197

Анатолий Ильич Кибеч

**ЭТНОПЕДАГОГИКА РОССИИ
XIX ВЕКА**

Редактор *Н. Н. Максимов*
Художник *И. П. Андреева*

Подписано в печать 29.04.09.
Формат издания 84х108. Печать офсетная.
Бумага офс. Усл. п. л. 6,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 430.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Чебоксарская типография № 1».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Напрасно мы хотим *выдумать* воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ, – с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим.

К.Д. Ушинский

Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все – и он все может воротить; но отнимите язык – и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка – никогда: вымер язык в устах народа – вымер и народ.

К.Д. Ушинский